Стеллецкий Игнатий Яковлевич

Мёртвые книги в московском тайнике

Московский рабочий, 1993

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ----6

ПРЕДИСЛОВИЕ----18

ТОМ I. ВВЕДЕНИЕ----19

Книжные предки либереи----19
Мёртвые книги Востока----20
Тель-Амарнский архив----20
Библиотека Ашшурбанипала----20
Ниппурский архив----20
Хеттский архив----21
Каирская библиотека----21
Мёртвые книги Греции----22
Библиотека Птоломеев----22
Библиотека Аристотеля----25
Мёртвые книги Киевской Руси----25
Творец первой библиотеки----25
Библиотека под землёй----26
На заре печати----28
Первые книги Европы----28
Инкунабулы----32
Книжная Византия----32
Книжные вихри----32
Книжные тайны Сераля----34
Книжный Запад----37
В тихой келье----37

ЧАСТЬ I. ВЕК РЕНЕССАНСА. ЦАРЕВНА СОФИЯ----40

Глава I. Последние----40
Семья Палеологов----40
По морям, морям...----41
Двуликий Янус----42
Жених и Зои----43
Глава II. Королева русская----46
Помолвка----46
Портрет----47
Приданое----48
Фрески----50
Глава III. В Москву! На трон!----52
Папа просит----52
Шествие по Италии----53
Шествие по Московии----55
Глава IV. На троне----57
Ренессанс в Москве----57
Москва горит----58
Глава V. Московский тайник----60
Гений Ренессанса----60
На родине----61

За белым кречетом----62
По-новому----63
Хитрости зодчего----64
Архитектурная романтика----65
Мой край родной, прости!----68
Глава VI. Генеральный архитектор Москвы----69
Под небом голубым----69
Наземный Кремль----70
Голос в века----75
В погоню за мастером----76
Мастер на стройке----76
Судьба Алевиза----77
Глава VII. Либерея с неба----77
Борьба за трон----77
«Обыкновенный человек»----79
Неожиданное открытие----79
Зачем вызывали?----80
Глава VIII. Шемякин суд----81
Глава IX. Ищите женщину----84
Развод----84
Елена Глинская----84
Глава X. Спор о мёртвых книгах----86
В учёных потёмках----86
Греческая библиотека----86
Библиотека Грозного----87
Скептицизм----90
Глава XI. Франц Ниенштедт----92
Личность----92
Хроника----93
Глава XII. Книги подземной либереи----95
Иноязычные----95
Украинские книги----96
Переплёты----97
Глава XIII. Архив Грозного----98
Глава XIV. Драма жизни Ивана Друкаря----100
Предтечи----100
Личность----102

ТОМ II----103

ЧАСТЬ I. ВО МГЛЕ----103

Глава I. Девятый вал----103
Тайна истории----103
«Предположения»----104
Глава II. Безлюдье----105
Замурованные книги----105
Глава III. Молва----107
Зарубежная----107
Твёрдые заклёпы----108
Глава IV. Разведчики----108
Аркудий----108
Аркудий - ревностный проповедник латинства на Востоке----110
Сапега----110
Глава V. Загадочная личность----110
Льстивый «гречин»----110
«Вертоград заключённый»----112
Глава VI. Дьяк в тайнике----113
Девушка с характером----113

«Замки висячие»----*114*
Тайна до гроба----*115*
Глава VII. « Поклажа»----116
Песок в тайнике----*116*
«Доношение»----*117*
Глава VIII. Камень в воду----127
Внезапный визит----*127*
Догадки и факты----*128*
Предполагаемая судьба царской библиотеки----*131*
Учёная паника----*136*

ЧАСТЬ II. ГЛАЗАМИ СПЕЛЕОЛОГА В КАНУН РЕВОЛЮЦИИ----138

Глава IX. Поднятая нить----139
Атакованный тайник----*139*
Московские катакомбы----*139*
Нетоптаной тропой----*140*
Глава X. Тайны архивных башен----142
Клад----*142*
«Патриаршая тюрьма»----*143*
В недрах башни «тайник»----*144*
Глава XI. По ступенькам вглубь----145
Новое общество----*145*
Смятение конкурента----*147*
«Прорабы... не хотят»----*148*
Глава XII. «Сезам, отворись!»----149
«За исключением...»----*149*
К царю с челобитной----*149*
Глава XIII. Секретарь одного архива----150
Вход открыт----*150*
Найден «список»----*151*
Катастрофа----*151*

В СОВЕТСКИЕ ДНИ----152

Глава XIV. Новая Москва----152
Спелеологический «блин»----*152*
Сила печати----*153*
«Шумиха»----*153*
Положительные----*153*
Академик А. И. Соболевский----*153*
К. Трутовский----*154*
И. М. Тарабрин ----*154*
Э. С. Батенин-Батый ----*154*
А. В. Щусев----*155*
Забелин----*155*
Д. П. Сухов ----*155*
Н. Д. Виноградов ----*155*
Отрицательные----*156*
М. К. Любавский----*156*
И. Н. Бороздин----*156*
Н. И. Соболев ----*156*
И. В. Рыльский----*156*
Покрышкин ----*157*
В. И. Немоловский----*157*
И. К. Линдеман----*157*
(?)----*157*
М. И. Александровский ----*157*
М. И. Щелкунов ----*157*
Воздержавшиеся----*158*

Н. П. Чулков ----------158
М. Н. Сперанский ----------158
П. Н. Миллер ----------158
Резюме----------158
Дебаты о библиотеке Грозного московских и ленинградских учёных в аудитории Исторического музея 9 июля 1924 г.----------158
Академик Н. П. Лихачёв----------158
И. К. Линдеман----------160
Ю. В. Готье ----------160
Н. Н. Соболев----------161
П. Н. Миллер----------161
П. Д. Барановский ----------161
Глава XV. По ступенькам вверх----------162
«Городской голова»----------162
Неожиданная опора----------162
НАРКОМПРОС----------162
СНК СССР----------164
ЦИК СССР----------164
Глава XVI. Голос общественности----------165
Советской----------165
Глава XVII. Немецкий трюк----------166
Волшебный прибор----------166
Варягов не требуется...----------167
Глава XVIII. ЦК ВКП (б)----------168
Библиотека Грозного----------168
Из дневниковых записей И. Я. Стеллецкого о раскопках в подземельях московского Кремля 13.11.1933 - 16.03.1935----------170
13.11.1933. Синяя птица----------170
28.11.1933. «Мечтатель»----------170
01.12.1933. Вздох истории----------171
16.12.1933. Раскопки под Арсеналом----------171
19.12.1933. В подземельях Арсенала----------171
27.12.1933. В тайниках Арсенальной----------172
29.12.1933. Первые раскопки----------173
31.12.1933. Новый год----------173
01.01.1934. «Золотоискатель»----------173
02.01.1934. В разгаре----------174
03.01.1934. Всё!----------174
09.01.1934. Фото----------175
10.01.1934. Арка----------175
11.01.1934. Первое достижение----------175
17.01.1934. Тайны Арсенальной башни----------175
21.01.1934. Ещё тайны Арсенальной башни, или разрушенная легенда----------176
27.01.1934.----------176
29.01.1934. Заветная стена----------176
01.02.1934. На верном пути----------177
07.02.1934.----------177
10.02.1934. Загадки----------177
11.02.1934. Труба----------177
13.02.1934. Gaudeamus igitur ----------178
17.02.1934. Забор----------178
21.02.1934. Как метро----------178
23.02.1934. Обвал, или смерть замахнулась, но промахнулась----------179
27.02.1934.----------179
03.03.1934.----------180
09.03.1934. Сезам, отворись!----------181
12.03.1934. Архитектурные фокусы----------181
14.03.1934. Люк----------181

16.03.1934. «Неолитической пещерой...»----182
19.03.1934. Архитектор в калошу...----182
25.03.1934. Вода!----183
29.03.1934.----183
31.03.1934. Патриарший дом----183
01.04.1934. Вода!----184
05.04.1934. Ужас подземного----184
09.04.1934. Шаг----184
10.04.1934. Вредитель----184
13.04.1934. «Больное место»----184
15.04.1934. Самоуправство----185
24.04.1934. Надлом----185
25.04.1934. Перелом----185
06.05.1934.----185
09.05.1934. «Средневековая цистерна»----185
10.05.1934. Конец арки----186
13.05.1934.----186
14.05.1934. Артезианский----186
17.05.1934. По-моему----186
25.05.1934. Фокус-покус----187
26.05.1934. Три шахты----187
31.05.1934. Загадочное погребение----187
01.06.1934. Кутафья----187
16.06.1934.----187
20.06.1934. Сон Петра, или Аэндорская волшебница----188
22.06.1934. Свая----188
27.06.1934. Дно----188
05.06.1934. «Фундамент»----188
15.07.1934. Лестница----189
16.07.1934. «Эхо»----189
21.07.1934. «Гальванизация»----189
22.07.1934. «Дворцовый комендант дед ... Или на обе лопатки»----189
07.08.1934. На дне----190
15.08.1934. Катастрофа----190
30.08.1934. «Авгиевы конюшни»----191
01.09.1934. Три----191
29.09.1934. Комиссия----191
03.10.1934. Волк - это Клейн----191
Из протокола заседания комиссии по обсуждению дальнейших мероприятий в связи с открытиями в результате раскопок, ведённых в Арсенальной башне Кремля 03.10.1934-----191
Ф. И. Тюряков----192
В. К. Клейн----192
И. Я. Стеллецкий----192
А. В. Щусев----194
Н. Д. Виноградов----194
И. Я. Стеллецкий----194
Г. Г. Салопов----195
13.10.1934. Рыков----196
16.10.1934. Победа, пока что...----196
20.10.1934. «На раздутых парусах»----196
03.11.1934. «Перемена декораций»----196
04.11.1934. Замурована...----197
13.11.1934. «Ныне отпущаеши...»----197
25.02.1935. УКМК----197
06.03.1935. La reaction ----197
07.03.1935. Каин и Авель----198
16.03.1935. Ребром----198

ПРИЛОЖЕНИЕ----------198
Тайницкая башня в 1827 г.----------198
Тайницкая башня по Ивану Снегирёву----------199
Тайницкая башня по М. П. Фабрициусу----------199
Тайницкая башня по Н. А. Скворцову----------199
Арсенальная (Собакина) башня по И. Снегирёву----------199
Арсенальная (Собакина) башня по М. Н. Фабрициусу----------200
Арсенал по И. Снегирёву----------200
Арсенал по А. Вельтману----------200

Рецензент - кандидат филологических наук С. Р. ДОЛГОВА

Послесловие доктора исторических наук А. А. АМОСОВА

Книга видного историка и археолога посвящена легендарной библиотеке Ивана Грозного, историей которой учёный занимался более 40 лет. В начале 30-х годов он вёл поисковые работы в подземельях Московского Кремля, которые были прекращены после убийства С. М. Кирова.

В первом томе прослеживается история библиотеки, рассказывается о хранившихся в ней уникальных книгах, во втором описывается начальный этап её поисков Стеллецким. Отсутствие третьего тома, таинственно исчезнувшего, в определённом смысле восполнено дневниками автора, которые читаются, как приключенческий роман.

Предназначена для массового читателя. Составление Т. М. Белоусовой.

От составителя

Библиотека Ивана Грозного не один десяток лет привлекает к себе внимание как широкой публики, так и учёных-специалистов. Судьбу библиотеки пытались проследить С. А. Белокуров, Н. П. Лихачёв, А. И. Соболевский, Н, Н. Зарубин, М. И. Слуховский, М. Н. Тихомиров, С. О. Шмидт, А. А. Амосов и многие другие. Одни исследователи считали, что она сгорела в пожарах 1547, 1571, 1611 гг. (Н. П. Лихачёв, И. Е. Забелин, Фр. Клоссиус). Другие утверждали, что она разграблена поляками в Смутное время. Третьи уверены, что она растворилась в Синодальной и других библиотеках (С. О. Шмидт, М. И. Слуховский), Четвёртые - что она хранится и по сей день в кремлёвских подземных палатах. К последним принадлежал Игнатий Яковлевич Стеллецкий, неутомимый искатель библиотеки, посвятивший этому делу более сорока лет.

С детства в каждом из нас живёт интерес ко всему таинственному, но мало кто посвятил свою жизнь разгадыванию тайн природы и истории, как это сделал Игнатий Яковлевич. Деятельность его была разнообразной, а работоспособность фантастической. Он занимался изучением пещер, подземелий, подземных ходов, крепостных сооружений, средневековых монастырей, Спелеологические, археологические, геологоразведочные

экспедиции на Украину, Кавказ и в Среднюю Азию, работа над книгами и статьями, переводы трудов французских спелеологов, съёмки в кинофильмах - вот далеко не полный перечень того, чем занимался в своей жизни этот человек. У него было много противников в научном мире, а рецензенты, как правило, считали, что в его трудах больше фантазий, чем научных оснований. Забегая вперёд, скажу, что ряд версий, выдвинутых Стеллецким, нашли своё подтверждение уже в наши дни. А в 30-е годы об Игнатии Яковлевиче ходило немало невероятных слухов, отголоски которых порой доносятся и до наших дней.

Используя материалы архива Стеллецкого, вот уже сорок лет хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), мы попытаемся рассказать о жизни этого необыкновенного человека.

Игнатий Яковлевич Стеллецкий родился 3 февраля 1878 года в селе Григорьевка Александровского уезда Екатеринославской губернии. Отец его, Яков Стефанович, имевший звание личного дворянина, был учителем сельской школы, Мать Ульяна Фёдоровна, урождённая Шульгина, происходила из семьи священника. Через два года после рождения сына Стеллецкие переезжают в Кривой Рог, а затем на Харьковщину. Шести лет Игнатия отдали в церковноприходскую школу, затем была учёба в «бурсе» (Харьковском духовном коллегиуме) и семинарии. Учился он охотно. Природа щедро одарила украинского паренька. Он с удовольствием изучал языки и с завидной лёгкостью писал сочинения, прекрасно рисовал и пел. Игнатий обладал редким даром рассказчика, причём зачастую он удивлял сокурсников историями, подсказанными его богатым воображением, рано научившись читать, он уже не расставался с книгами, и если в детстве он отдавал предпочтение тем, которые повествовали о путешествиях и приключениях, то с годами пришла любовь к Гоголю, Пушкину, Шевченко, Тютчеву. С юношеских лет его интересовала история, загадки подземного мира. Мечтал Игнатий и о дальних странствиях.

После окончания семинарии он поступает в Киевскую духовную академию. Отрывочные сведения об этом периоде жизни есть в мемуарах Стеллецкого. Из них мы узнаём, что хорошее знание греческого языка позволило ему на третьем курсе написать диссертацию для одного из соискателей, Познакомившись с запрещённой в России книгой Н. Нотовича «Тайна жизни Иисуса Христа», Игнатий переводит её на русский язык. Трудно сказать, откуда об этом стало известно в Париже, но французский издатель Поль Оллендорф предложил ему издать перевод (ранее книга была издана на многих европейских языках), Игнатий Яковлевич вспоминал: «Мог ли я остаться равнодушным, когда помимо всего прочего предложение Оллендорфа сулило и подкрепление скудного студенческого бюджета» [1]. Духовные власти не разрешили издать перевод, удалось лишь напечатать рецензию на книгу Н. Нотовича. В 1905

[1]ЦГАЛИ ф. 1823, Оп. 1. Д. 1, Л. 233. Далее все сноски на архивные источники будут относиться к указанному фонду.

году Стеллецкий защитил диссертацию на тему «Преобразование учебных заведений в 60-е годы XIX столетия» (до 1941 года труд хранился в рукописном отделе Академии наук Украины). Молодому кандидату богословия предложили на выбор два места службы - Америку и Палестину. Стеллецкий выбирает Восток, С 15 октября 1905 года он начинает работу в Палестинском обществе в качестве учителя истории и географии в русско-арабской семинарии в Назарете. За два года ему удалось побывать в Египте, Сирии, Турции, Греции. Гробница Александра Македонского и библейские пещеры, мозаичная карта Палестины и подземный Иерусалим, иудейские крепости и руины Гадары - всё это интересовало Стеллецкого. Работая в семинарии, он учит арабский язык, участвует в раскопках, исследует подземелья и пещеры, пишет 13 статей по истории Востока («Гадары и гадаринские пещеры», «К археологии Иудеи» и др,). Особенно увлекла Игнатия Яковлевича топографическая проверка сказаний об основании христианства. Для решения вопроса о месте рождения Иоанна Предтечи он провёл раскопки в Мадебе (неподалёку от Иерихона), результаты которых заинтересовали, в частности, представителя итальянской миссии в Палестине. Но в глубине души Стеллецкий понимал, что для проведения настоящих археологических работ ему не хватает специальных знаний. Оставив службу, он в 1907 году поступает в Московский археологический институт. Его не испугало даже то, что он остался без средств к существованию. Помощь Игнатию Яковлевичу оказал Д. Я. Самоквасов, возглавлявший Московский архив Министерства юстиции (МАМЮ). В этом архиве Стеллецкий занимался разбором грамот Коллегии экономии.

В период с 1907 по 1910 год Стеллецкий становится действительным членом Императорского русского военно-исторического общества и Императорского московского археологического общества (ИМАО). Он работает в церковно-археологической отделе при Обществе любителей духовного просвещения, в Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии, а также занимается благотворительной деятельностью в Совете московских приютов. По заданию Д. Я. Самоквасова и на его средства Стеллецкий проводит раскопки на Украине (Снетин) и в Подмосковье (Дьяково городище). В то же время он не оставляет работы в МАМЮ. «Архив - драгоценное хранилище ключей к бесчисленным тайнам прошлого, Здесь я нашёл и ключи к знаменитой своей романтической легендарностью библиотеке Грозного... Я решил найти последнюю a tout prix [2].» [3]

Решение это было принято не сгоряча. Игнатий Яковлевич кропотливо собрал все материалы, которые имели прямое или косвенное отношение к библиотеке, тщательно их изучил, и только тогда у него появилась твёрдая убеждённость в существовании этого книжного собрания, убеждённость, которая не покинула его до самой смерти. Будучи сторонником версии, по которой библиотека спрятана в подземном

[2]Любой ценой (франц.).
[3]Оп. 1. Д. 1. Л. 84.

хранилище, Стеллецкий начинает изучать топографию подземного Кремля. В это же время его внимание привлекает подземная Москва - другая тайна за семью печатями. Ещё в бытность свою в Палестине он заметил, что многие древние здания имеют подземелья и подземные ходы. Москва, часто подвергавшаяся нападениям, также должна была иметь подобные «тайники». На свой страх и риск он начинает обследовать подземную часть дома Археологического общества на Берсеневской набережной (дом 20, бывшие палаты Аверкия Кириллова). Во дворе дома при раскопках им была обнаружена белокаменная лестница, ступени которой уходили куда-то под Москву-реку. Но тут вмешалась графиня П. С. Уварова, возглавлявшая ИМАО: «Пока я жива, Вы в доме Археологического общества копать не будете» [4].

Удручённый неудачей, Стеллецкий понял, что для дальнейших исследований подземной Москвы ему необходима поддержка какой-то комиссии или общества. В 1909 году он становится одним из учредителей комиссии «Старая Москва». При поддержке комиссии Игнатий Яковлевич нашёл и обследовал подземные ходы в Донском и Новодевичьем монастырях и в ряде зданий XVI-XVII веков. В Кремль он попадает волей случая лишь на короткое время, проверяя сохранность документов губернского архива старых дел, хранившихся в Арсенальной башне. Уже первое знакомство с подземным Кремлём подтверждает некоторые догадки Стеллецкого.

В это же время происходят перемены и в личной жизни учёного. В 1908 году Стеллецкий обвенчался в Киеве с потомственной дворянкой Анной Васильевной Супруненко. От этого брака родились дочери Любовь (1909) и Злата (1911) и сын Донат (1917).

В 1910 году Стеллецкий защитил диссертацию на тему «Мадебская карта-мозаика Палестины в связи с вопросом о новой «Горней» и получил звание «учёного археолога». В этом же году он участвовал в раскопках в Крыму.

В последующие два года Игнатий Яковлевич неоднократно выезжал в командировки для обследования найденных подземных ходов. Изучал он крепостные сооружения Изборска, Пскова, Новгорода, Выборга. Особое внимание уделял Игнатий Яковлевич пещерным монастырям. На Археологическом съезде в Новгороде, выступая с докладом, Стеллецкий призвал археологов изучать памятники подземной старины. Призыв этот был встречен ироническими улыбками, а археолог И. К. Линдеман был невероятно возмущён предложением Стеллецкого, заявив: «Докладчик дерзает посылать археологов туда, куда раньше лишь каторжников посылали» [5]. Негативное отношение к подземной старине собратьев по науке не обескуражило Игнатия Яковлевича, он продолжал заниматься подземным миром, только предпочитал теперь работать в одиночку, стал более замкнутым и реже рассказывал о своих находках.

---

[4] Оп. 1. Д. 82. Л. 96.

[5] Оп. 1. Д. 1. Л. 86.

На третьем году существования комиссии «Старая Москва» между её членами возникли разногласия. Большинство историков считали, что изучать надо Москву наземную, подземная может и подождать. Стеллецкий решает создать новое общество. Его поддержал чиновник губернского правления Н. Г. Способин. Собрав коллектив единомышленников, они объявили о рождении Общества по исследованию памятников древности. При обществе стала существовать Комиссия по изучению подземной старины. Её-то и возглавил Игнатий Яковлевич. В «Положении о Комиссии...» говорилось:

«Комиссия ставит своей задачей выявление и изучение памятников подземной старины, то есть предметов первобытной и бытовой археологии, скрытых в недрах земли временем или волей человека. Но особенно Комиссию интересуют всякого рода древние подземные сооружения, бытовые и военные, сохранившиеся в недрах территории России. В этом отношении во главу изучения ставятся Комиссией связанные с подземными замковые и крепостные сооружения, валы, городища, курганы, всякого рода пещеры, погреба, ямины, оседания и провалы почвы, клады и сопутствующие им явления: кладоискательство и «магический жезл» [6]» [7].

С первых же шагов комиссии ей оказал помощь архив Министерства юстиции. От него было направлено письмо министру внутренних дел, тот пообещал помочь в сборе материалов. И в самом деле, вскоре в комиссию стали поступать из разных областей империи сведения, собранные статистическими комитетами, Присылали материалы и губернские архивные комиссии, отдельные исследователи. Иногда информация дополнялась планами, схемами, рисунками, фотографиями. Сведения о подземных ходах Стеллецкий всегда старался проверить лично. В короткий срок был собран обширный материал, который собирались издать в виде сборника, однако сделать это не удалось. Игнатий Яковлевич не забывал и о подземной Москве. После долгих изысканий в архивах он пришёл к выводу, что «подземные ходы или тайники Москвы всегда составляли элемент фамильной и государственной тайны и в официальные документы сведения о них не заносились» [8]. Оставалось осматривать здания, где могли быть подземелья, проверять предания, легенды, слухи. Иногда (но очень редко) Стеллецкому удавалось встретить людей, проходивших тем или иным ходом.

Следует сказать, что работа по изучению подземных сооружений древности и по сей день связана с большими трудностями. Исследователя подстерегают обвалы и удушливые газы. Многие подземные ходы заполнены водой или землёй. Иные ходы замурованы.

Для расчистки тайников требовались средства и рабочая сила. У

[6]«Магический жезл» — биолокатор. Во время своих путешествий Стеллецкий встречал людей, умевших с помощью «волшебной лозы» отыскивать под землёй металл и воду. Он пытался обратить внимание на это явление ИМАО, но его подняли на смех.
[7]Оп. 3. Д. 154. Л. 5.
[8]Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

Стеллецкого не было ни того, ни другого. Он мог полагаться только на себя, на свой опыт. Вооружённый лишь свечами да заступом, он проникал в неведомые подземелья, и день за днём перед ним открывались тайны подземной Москвы.

В 1912 году в Обществе бывших слушателей Археологического института Стеллецкий прочитал доклад «План подземной Москвы». Согласно этому плану, подземные сооружения под зданиями XVI-XVII веков, находящимися в пределах Садового кольца, связаны между собой и с Кремлём сетью подземных лабиринтов. Игнатий Яковлевич считал, что учителями русских зодчих в подземном деле были итальянские архитекторы-строители, творцы Кремля и Китай-города Аристотель Фиораванти, Пьетро Антонио Солари, Алевиз Новый, Петрок Малый. Он высоко ценил талант и мастерство этих людей, создавших уникальные памятники русского зодчества. Стеллецкий утверждал, что подземный и наземный Кремль был построен по плану «мага и чародея» Аристотеля Фиораванти. Зная из летописных источников, что в древние времена посредине Боровицкого холма проходил глубокий овраг, Стеллецкий предполагал, что на дне оврага находились выходы из неолитических пещер. По этой же версии, Фиораванти посредством подземных ходов связал пещеры между собой. Подобное сооружение было встречено Игнатием Яковлевичем в Киеве.

Здесь мы не будем рассказывать о работах Стеллецкого в Кремле в 1914 году, так как этот период описан в «Мёртвых книгах...». Скажем только, что в 1914-1916 годах Игнатий Яковлевич читает лекции в Московском археологическом институте о подземных древностях и пещерах Востока. В эти же годы он собирает кладовые записи, встречается с кладоискателями, ищет сведения о кладах в архивах. Летом 1916 года он начинает поиски клада польского гетмана Иеремии Вишневецкого в Лубнах (Полтавская губ.) на средства, выделенные городской управой.

В 1912 году Стеллецкий производится в титулярные советники и получает медаль в память 100-летия Отечественной войны 1812 года. В 1913 году он становится коллежским асессором и награждается медалью в память 300-летия дома Романовых. В этом же году он «за отлично усердную службу всемилостивейше награждён орденом Св. Станислава П1 степени при грамоте» [9].

Осенью 1916 года Стеллецкого командируют в Управление завоёванными областями Турции в качестве учёного археолога. Наместник Кавказа великий князь Николай Николаевич потребовал от управления тщательной фиксации и бережной охраны памятников на территории, занятой русскими войсками. Для проведения этих работ потребовались специалисты, одним из которых и явился Игнатий Яковлевич. Прибыв в Тифлис (Тбилиси), Стеллецкий разрабатывает план экспедиции Трапезунд-Багдад, получивший поддержку генерал-

[9]Оп. 1. Д.4, Л.9 об.

губернатора М. В, Романовского-Романько и академика Ф. И. Успенского. В связи с Февральской революцией разрешения на проведение экспедиции пришлось ждать полгода. Летом 1917 года небольшой отряд, возглавляемый Стеллецким, в течение трёх месяцев прошёл от Трапезунда до озера Ван. Наряду со спелеологическими исследованиями и археологическими раскопками проводился поиск полезных ископаемых.

После Октябрьской революции Стеллецкий пытался пробраться в Москву, но гражданская война задержала его на Украине, где он пробыл несколько лет. Надо сказать, что Игнатий Яковлевич был человеком, далёким от политики. Главным в его жизни было любимое дело, которому он отдавал всего себя. Начав раскопки на Зверинце в Киеве, он продолжал их, невзирая на смену властей. Не обращая внимания на белых, красных, зелёных, он спокойно раскапывал скифские курганы в степи, исследовал пещеры в Холодном яру, собирал памятники по разрушенным помещичьим усадьбам. В 1918 году его избирают профессором Украинского государственного университета, он читает лекции по археологии. В это же время ведёт работу по описанию украинских памятников, хранящихся в русских музеях. В 1919 году по заданию Украинской Академии наук (УАН) Стеллецкий организует сбор памятников искусства и старины. С этой целью его экспедиция проходит по маршрутам Лубны-Золотоноша-Канев, Киев, Лубны, Кременчуг-Харьков. Наиболее ценные экспонаты он передаёт в УАН. В сёлах он читает лекции, создаёт общества по охране памятников и музеи.

В ноябре 1920 года Стеллецкий появляется в Лубнах, где два года назад им был создан музей. При музее открывается филиал УАН. Кроме Игнатия Яковлевича здесь работали профессора Е. Ю. Перфецкий и Н. Н. Павлов-Сильванский. Ими был написан ряд трудов по истории Лубен, устраивались лекции и выставки, проводились экскурсии по окрестностям города.

В 1921 году УАН командирует Стеллецкого в Андрусовку для продолжения поиска останков мамонтов, начатого археологом Андреевым ещё в 1916 году. Игнатий Яковлевич раскопал останки нескольких мамонтов, костяк самого крупного был отправлен в Киев и установлен в Институте геологии в 1926 году (во время войны костяк был вывезен в Германию). В 1921 году Стеллецкий попадает в бывшее имение Давыдовых Каменку. Там он находит библиотеку, которой когда-то пользовался Пушкин, в ужасном состоянии. Описав её, Игнатий Яковлевич передал книги в Чигиринский музей. Им же были произведены раскопки в замке Богдана Хмельницкого в Субботове. Возле апсиды Ильинской церкви археолог нашёл полусгоревшие человеческие кости. Он предполагал, что это останки Богдана Хмельницкого, которые пытался сжечь гетман Чарнецкий, но историки отнеслись к этому весьма скептически. Опасаясь, что после его отъезда кости выбросят из музея, Игнатий Яковлевич увозит их с собой. В 30-е годы он получает письмо с требованием Комиссии по охране памятников срочно вернуть в субботовский музей взятые им «кости Богдана Хмельницкого».

В 1922-1923 годах Игнатий Яковлевич много занимается подземными сооружениями в Лубнах. Построены они были в средние века монахами-бернардинцами и таили немало секретов. Например, подземелье ратуши, стоявшей на горе, имело в укромном уголке подземный колодец, а также ход для бегства. В Лубнах же археолог продолжил работы по поиску клада Вишневецкого. С помощью энтузиастов им было локализовано местонахождение замка польского магната. При раскопках был обнаружен плиточный пол и сгоревший подземный ход со множеством скелетов. Ход вёл в овраг к реке Суле. В нём были найдены сабли, перстни, курительные трубки и т. п. Необходимо было дальше расчищать развалины замка в поисках тайников с сокровищами, но против этой работы выступили местные власти. Они закрыли музей. Оставшись не у дел, Стеллецкий принимает решение вернуться в Москву. Сюда он приезжает осенью 1923 года со своей второй женой Марией Михайловной Исаевич.

Ещё в 1919 году Стеллецкий узнал о том, что его квартира в Хамовниках реквизирована, а архив и библиотека вывезены в неизвестном направлении. Стеллецкий обращался за помощью в Наркомпрос и уголовный розыск, но поиски ни к чему не привели. Уникальные материалы по подземной старине, истории библиотеки Грозного исчезли бесследно. В сорок пять лет учёному приходилось всё начинать заново. Не было жилья, работы, архива, библиотеки, не было и многих друзей, не нашедших общего языка с новой властью и эмигрировавших. Полгода Игнатий Яковлевич преподавал украинский язык в Академии Красной Армии. Затем ему удалось устроиться сверхштатным библиотекарем в Исторический музей. После дискуссии, на которой было принято решение о целесообразности поисков библиотеки Грозного (подробно о ней рассказано в «Мёртвых книгах...»), Игнатий Яковлевич вновь начинает собирать материалы о подземном Кремле. Он обращается за помощью к бывшему князю Н. С. Щербатову, который проводил раскопки в Кремле в 1894 году. Но фотографии и записи у Щербатова были изъяты «под честное слово» сотрудниками ЧК, «Зараз десь у ГПУ на почотнім місті на думку Щербатова» [10],- язвительно замечает разочарованный Стеллецкий.

Не получив ответа на свои многочисленные обращения в разные организации с просьбой помочь организовать поиски библиотеки Грозного, Стеллецкий пошёл на маленькую хитрость. Он заключил договор на написание книги о подземной Москве с Государственным издательством РСФСР (Госиздат). С письмом от издательства исследователь направился в ГПУ, где надеялся получить разрешение на обследование тайников Москвы, а особенно Кремля. Но сотрудник ГПУ сказал: «В Кремль мы Вас не пустим, а вся Москва Ваша... Мы его сами весь ископали» [11]. Однако фраза «вся Москва Ваша» не соответствовала действительности. Тайник на Большой Дмитровке, например, обследовали сами сотрудники ГПУ, что и привело к нулевым результатам. Здания,

[10]Оп. 3. Д. 58. Л. 51 об.
[11]Там же. Л. 89.

занятые правительственными учреждениями, военными организациями, банками и т. п., также были недоступны для спелеолога. Но всё же Стеллецкому удалось собрать новый материал по подземной старине. Были найдены и по возможности обследованы подземные ходы в Сухаревой башне, Юсуповском дворце (палаты XVII в. в Б. Харитоньевском пер.), Симоновом монастыре. Но чаще всего он встречал ходы, которые требовали расчистки (дом Консистории, церковь Гребневской Божией Матери [12] на Мясницкой ул., дом Мейендорфа на ул. Герцена и др.). А в бывшем замке Бирона на Швивой горке [13] в подвале имелись свежезаложенные арки, за ними находился ход, предположительно выводящий в район Воробьёвых гор.

Минуя рогатки цензуры, Стеллецкий собрал в небольшой сборник материалы по подземной Москве, но издательства отказали ему в публикации под благовидными предлогами.

В 1927 году Игнатий Яковлевич уходит из Исторического музея и много работает в Российском обществе туристов: проводит экскурсии в Москве и Подмосковье, читает лекции в разных городах. Только в Большой аудитории Политехнического музея у него при аншлаге состоялись шесть лекций. Одна из лекций даже транслировалась по радио. А. В. Луначарский шутя называл его своим соперником. Противники Стеллецкого говорили, что его выступления носят характер нездоровой сенсации, на что он резонно отвечал: «Публика Большой аудитории чрезвычайно капризна, один раз не понравилось, в другой никакой пинкертоновщиной не заманишь, да ещё в газетах вздуют в хвост и в гриву» [14]. Темы лекций были различны: пещеры, подземные ходы, библиотека Грозного. Общение со слушателями давало Игнатию Яковлевичу информацию о неизвестных ему подземных ходах и т. п. Так, от очевидцев он узнал о находке при ремонте в Яузской больнице подземелья с прикованным к стене скелетом, об иезуитских тайниках в Полоцке, о пещерах близ Ельца и т. п.

В начале 30-х годов начинается сотрудничество Стеллецкого с Московским метрополитеном. Игнатий Яковлевич знал, что при сооружении метро в Париже подземные сооружения древности были использованы наилучшим образом: в них были размещены службы метро, служебные линии и т. п. Он считал, что так будет и в Москве, но этого не случилось. Зная о подземных ходах, расположенных над первоочередной трассой метро, Стеллецкий неоднократно предупреждал о них начальника Метростроя П. П. Ротерта. Как спелеолог, он понимал опасность подобного соседства. Вот что писал он в докладной записке Ротерту в 1933 году о строящемся здании Библиотеки имени Ленина: «Грандиозное здание библиотеки имени Ленина возводится на месте, густо истончённом на известной глубине историческими пустотами. Тоннель первоочередной трассы, который имеет пройти под ним,

[12]Памятник XVI в., разобрана в 1926-1935 гг.
[13]Ныне на этом месте находится высотный дом на Котельнической набережной.
[14]Оп. 1, Д, 93. Л. 7 об.

составляет определённую угрозу архитектурному гиганту, если таинственные пустоты под ним времён Ивана Грозного своевременно не будут учтены и обезврежены» [15].

Несколько позже мы ещё вернёмся к этому предупреждению Стеллецкого. Как видим, Игнатий Яковлевич пытался реализовать свои знания. Но на душе у него было горько. «Такие чувства остро переживал, пересматривая свои 10-летние бумаги о подземной Москве, собираясь писать очередную докладную записку (П. П. Ротерту) о подземной Москве с тем, конечно, чтобы она не была напечатана. Как никогда, меня охватило раздражение, злость. С какой стати загублен мой научный век? Почему мне долгими годами зажимают рот и я ничего не могу напечатать о своих открытиях, которые, безусловно, наделали бы шум?! [16]»

Получив согласие Ротерта на создание музея «Подземная Москва», Стеллецкий обращается к рабочим метрополитена с просьбой передавать предметы, найденные при земляных работах в шахтах метро, в музей. К сожалению, рабочие не были в этом заинтересованы, часто они не только не сообщали о своих находках, но и разрушали найденное. «При проходке тоннеля метро через кладбище у башни Кутафьей [17], встреченные погребения не могли, конечно, замедлить темпы работ. Я дежурил ночью. Один цельный гроб велел окопать. Пока осматривал другой, первый был растащен крючьями, а череп из него, с волосами, усами, бородой, вызвав огромный интерес, пошёл гулять по рукам, пока не исчез бесследно. Этот случай красноречиво говорит за то, что даже личное присутствие исследователя не всегда могло гарантировать сохранность находок. Неудивительно, что погиб редчайший экземпляр захоронения - отлично сохранившийся труп, снежно-белый и мягкий, который легко было проткнуть: вместе с обломками гроба он был вывезен на свалку» [18]. Игнатий Яковлевич предложил Ротерту назначить награды для находчиков, но откуда взять деньги?

Метрополитен не смог выделить даже комнаты для экспонатов музея, и все они размещались в маленькой квартире Стеллецких.

В подвалах бывшего дома Стрешневых (XVII в.) на территории строящейся Библиотеки имени Ленина Стеллецким были обнаружены ступени каменной лестницы, уходящей под землю. Игнатий Яковлевич приступил к расчистке ступеней, но ночью кто-то специально повредил свод подвала настолько, что работать в нём стало опасно. Этим воспользовались противники Стеллецкого. Группа археологов из Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры (МОГАИМК), написала отрицательный отзыв о работе Стеллецкого в метро и, не поставив в известность исследователя, разослала отзыв в разные организации. Но, очевидно, Ротерт больше

[15]Оп. 2. Д. 39. Л. 169.
[16]Оп. 3. Д. 63. Л. 13 об.
[17]В XV-XVII вв. здесь находилось кладбище при церкви Николы в Сапожках.
[18]Оп. 1. Д. 93. Л. 16.

доверял Стеллецкому, так как не реагировал на отзыв. В дневниковых записях Игнатия Яковлевича есть упоминание о невыносимо тяжёлой обстановке вокруг него, о том, что он неоднократно предлагал своим противникам выяснить отношения; «Если приемлем, готов служить и жизнь отдать за науку, если горбат, только могила исправит» [19].

В 30-е годы Стеллецкий часто выезжает с геологоразведочными экспедициями, В 1931 году он разыскивает старинные места добычи серебра на Украине. В 1932 году по заданию Союзгеоразведки проводит экспедицию по бассейнам рек Малки, Баксана, Ингури. После этой экспедиции он создаёт книгу «Золотой Кавказ», которая получила положительный отзыв начальника объединения «Главзолото».

В 1933 году Игнатий Яковлевич пишет письмо Сталину с просьбой разрешить ему начать поиски библиотеки Грозного в Кремле. И он получает это разрешение. Одиннадцать месяцев он ведёт раскопки в подземелье Арсенальной башни. «Везде и всюду подземелья временем и людьми приведены в состояние если не полного, то очень большого разрушения. Общей участи не избежал и Кремль, и потому нельзя обольщать себя мыслью, что достаточно открыть один ход и по нему уже легко пройти подо всем Кремлём, если не подо всей Москвой. В действительности путешествие по подземной Москве - скачка с препятствиями, притом весьма существенными, устранение которых потребует усилий, времени и средств. Но всё это ничто по сравнению с возможным идеальным результатом: очищенная, реставрированная и освещённая дуговыми фонарями подземная Москва явила бы из себя подземный музей научного и любого интереса» [20]. Стеллецкий мечтал о том, что подземный Кремль станет музеем, он верил, что Сталин разрешит это, как разрешил начать поиски библиотеки. Поскольку читателю ещё предстоит познакомиться с дневниковыми записями Стеллецкого, повествующими о работах в Кремле, мы не будем рассказывать о результатах его работы. Отметим только одно: до самой смерти Стеллецкий был уверен, что работы были прекращены из-за «придворных» интриг, в Сталине он не сомневался.

Тридцать пятый год был во многом чёрным для Игнатия Яковлевича: прекращены работы в Кремле, арестованы многие друзья и знакомые. К тому же на его глазах почти ежедневно шло разрушение тех памятников, которые он пытался сохранить ещё до революции. «О, Вы, далёкие потомки, поймёте ли Вы, как болит археологическое сердце, видя воочию, как разрушаются краса и гордость древнего человеческого творчества, кружевные церкви XV-XVII веков, таинственные, с подземными ходами, башни, как, например, Ильинская или Варварская, а вот сейчас даже Сухарева [...]. Ах, нет, не поймёте, холодные и безразличные к этому. И счастливые! А нам, свидетелям и работникам двух веков, двух эпох - горе, горе...» [21]

---

[19]Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
[20]Оп. 2. Д. 29. Л. 105.
[21]Оп. 3. Д. 63. Л. 10 об.

В конце 30-х годов Стеллецкий был приглашён консультантом по спелеологии в Народный комиссариат обороны. Очевидно, здесь сыграли свою роль предложения Игнатия Яковлевича об использовании пещер для наступательных и оборонительных действий и об использовании подземелий Москвы в качестве газо- и бомбоубежищ. В это же время он работает с академиком А. Е. Ферсманом в спецкомиссии № 2 АН СССР. Неоднократно участвует в съёмках художественных и научно-популярных фильмов [22].

В войну Стеллецкие оставались в Москве. Игнатий Яковлевич имел возможность эвакуироваться, но в памяти была свежа утрата архива в 1919 году. Он принял решение остаться и уничтожить бумаги, если немцы возьмут Москву. Военные годы были полны лишений и тяжёлого труда. Несмотря на свой возраст (а ему было 63 года), Стеллецкий тушил пожары и зажигательные бомбы на крыше своего дома, по ночам дежурил во дворе. После войны он был награждён медалью «За оборону Москвы». Только в 1943 году о нём вспомнили в Академии наук, и он стал получать литерную продуктовую карточку, а до этого Стеллецкие делили один обед, получаемый в столовой Союза писателей, на двоих, варили суп из лебеды и кашу из «смёта» [23]. Голод привёл к дистрофии. Квартира не отапливалась, и жить Стеллецкие перебрались в ванную комнату. В декабре 1941 года, голодный, с распухшими ногами, сидя в промёрзшей квартире, Игнатий Яковлевич записывает: «Проверить упоминаемый в летописи «тайник», т. е. подземный ход из Беклемишевской башни к Москве-реке... Пройти из Спасской башни подземным ходом до храма Василия Блаженного, близ которого спуск в большой тоннель под Красную площадь, тоннель весьма загадочного назначения. Пройти из Никольской башни подземным ходом, спускающимся ниже алевизовского рва в район Китая и Белого города» [24]. И ещё одна запись в дневнике: «Но после войны, после победы, заветный клад (библиотека Грозного - Т. Б.) будет найден, порукой в том слово великого Сталина» [25].

Летом 1942 года Стеллецкие получили огород на Шелепихе (по Белорусской дороге). Непосильная физическая работа привела к кровоизлиянию. Игнатий Яковлевич ослеп на один глаз. После лечения у гомеопата зрение восстановилось. Зимой 1943 года его парализовало, и два месяца он пролежал в Остроумовской больнице. Вопреки мрачным прогнозам врачей Стеллецкий встал на ноги. Большой радостью было появление в 1944 году в журнале «Наука и жизнь» его статьи о библиотеке Грозного. Получив много писем от читателей, Игнатий Яковлевич принял решение написать документальную историю библиотеки Грозного. Летом 1945 года он отдыхал в санатории в Риге и

---

[22]Стеллецкий снимался в фильмах «Поезд идёт на восток», «Наездник», «Суворов», «Билет в 5-ю зону», был консультантом на съёмках фильмов «Пещерные города Московского района», «Москва под землёй».

[23]Смёт — остатки муки и крупы, которые сметали щёточкой с прилавка, его выдавали в кассе взаимопомощи пенсионеров - научных работников.

[24]Оп. 2. Д. 4. Л. 38.

[25]Оп. 1. Д. 100. Л. 47.

обследовал подземелья ратуши. Это была последняя встреча Стеллецкого с подземным миром.

В мае 1947 года - второй паралич. Едва встав на ноги, Стеллецкий начинает работать директором библиотеки на спелеологической станции Московского университета. Но годы и болезни брали своё, порой он с трудом добирался до библиотеки.

О дальнейших событиях мы узнаём из дневниковых записей Марии Михайловны Исаевич, которая была верным другом Стеллецкого до последних дней его жизни. 18 января 1949 года Игнатий Яковлевич упал на улице и потерял сознание. В больнице сказали, что произошло кровоизлияние в третью левую лобовую извилину, ведающую речью. Несколько месяцев он был прикован к постели, ничего не мог делать сам. Из беседы Марии Михайловны Исаевич с лечащим врачом:

- Вы говорите, что он весь живой, что никаких параличей не было и нет. Так почему же он не встаёт, почему сам не может ни есть, ни пить, ни умываться?

- Потому, что он забыл, как это делается. Он всё забыл» [26].

10 апреля 1949 года его перевезли домой. Постепенно вернулись все навыки, Стеллецкий стал говорить чисто и ясно, но на каком-то незнакомом языке. Только много позже Мария Михайловна узнала, что Стеллецкий забыл все языки, кроме того, который изучал последним, - арабского. (Такое заболевание носит название афазия.) Постепенно Игнатий Яковлевич привык к своему состоянию. Чужую речь он понимал прекрасно, много читал, но писать не мог ни строчки. Часто он раскладывал на столе свои рукописи, перелистывал, что-то обдумывал, брал ручку, но из-под пера появлялись какие-то «иероглифы». Отчаянию его в такие минуты не было предела, Он расшвыривал тетради, ломал ручки, хватался за голову и, раскачиваясь из стороны в сторону, страшно кричал. Ярость сменялась тихими слезами. Закрыв лицо руками, стыдясь за свою несдержанность, он тихо повторял одно греческое слово: «мойра» - судьба. 11 ноября 1949 года Стеллецкого не стало.

В начале войны Игнатий Яковлевич написал своё первое и последнее завещание. Всего-то богатства было буфет и шкаф, сохранившиеся ещё с дореволюционных времён, да полуразвалившийся дом в Лубнах. «Похоронить меня завещаю без кремации, на родной Украине, на Лысой горе, под г. Лубнами, в разрытой скифской могиле и водрузить каменную бабу с надписью: «Спелеолог Стеллецкий. 1878-194...»». Похоронен он был на Ваганьковском кладбище, Осенью 1989 года были предприняты попытки отыскать могилу, но безрезультатно. На том месте, где, по словам очевидца, ещё в 1981 году находился небольшой холмик с покосившимся крестом, были новые захоронения.

<stell004.jpg>

[26]Оп. 3. Д. 169, Л. 70.

Через две недели после смерти мужа Мария Михайловна передала в дар Центральному государственному архиву литературы и искусства часть документов из архива Стеллецкого. Документальные материалы она передавала сюда до 1978 года. Но есть сведения, что некоторые из них попали в частные руки. Судьба этих документов неизвестна.

Немного хочется сказать о «фантазиях» Стеллецкого, над которыми смеялись специалисты в 30-е годы. Игнатий Яковлевич утверждал, что на Украине есть золото, и неоднократно просил организовать экспедицию по проверке его сведений. Золото на Украине нашли. Стеллецкий считал, что библиотека Ярослава Мудрого спрятана в подземных палатах в Киеве. Из рассказов украинских историков нам известно о находке собрания рукописных книг при прокладке коллектора на территории правительственных дач под Киевом. Книги хранились в подземной палате. (Теперь книги находятся в Чернобыльской зоне). Стеллецкий предупреждал о возможности постепенного разрушения зданий, под которыми находятся «исторические пустоты» (ходы, остатки старинных построек и т. п.). Трещины были найдены не только в здании Библиотеки имени Ленина, но и в зданиях Большого и Малого театров, Метрополя.

Можно было бы долго приводить подобные примеры. Но мы остановимся лишь на одном. Игнатий Яковлевич утверждал, что подземная Москва ещё заявит о себе всему миру. В последние годы всё чаще появляются статьи, авторы которых пытаются рассказать о подземной Москве. Они с уверенностью заявляют, что в 30-е годы были найдены подземные ходы, приводящие из «дворца Юсупова» в Кремль, из храма Христа Спасителя в дом Пашкова и на Боровицкий холм. На самом же деле подземный ход из «дворца Юсупова» не был пройден до конца из-за наличия удушливых газов. Подземелье под храмом Христа Спасителя имело заложенные арки, за которыми, возможно, были ходы, но не к дому Пашкова, а к подземной галерее, обнаруженной Стеллецким на ул. Маршала Шапошникова. Авторы подобных публикаций беззастенчиво используют «осколки» плана подземной Москвы, составленного Стеллецким, но при этом имени Игнатия Яковлевича никто не упоминает. Стеллецкий составлял свой план как на основе фактического материала «у него были сведения о 350 подземных точках» [27], на 200 точек был описательный и иллюстративный материал), так и на основе собственных версий, чего современные авторы не учитывают [28].

В настоящее время изучением подземных сооружений древности в Москве занимается малое государственное предприятие «Фром». При поиске тайников используются материалы архивов, сейсмозондирование, гравиразведка, разведка георадаром, биолокационная съёмка, бурение и осмотр скважин телесистемами.

Работы ведутся в бывшем доме Пашкова, в Серпуховском и

[27]Оп. 3, Д. 136, Л. 2 об.

[28]Это были не только подземные ходы, но и колодцы, каменоломни, подземелья с заложенными арками, провалы и т. п.

Новодевичьем монастырях. Уже первые исследования в доме Пашкова привели к интересным находкам. Во дворе дома, в подвале старого флигеля обнаружен колодец, не имеющий аналогов в нашей стране. Диаметр его - 5метров. Выложен он из белокаменных блоков. В настоящее время колодец расчищен на 16 метров от земли и щебня, которыми он был засыпан предположительно в 30-е годы XX века. После укрепления стен колодца расчистка его будет продолжаться. Считают, что он является развилкой подземных ходов. В соседнем строении в подвале найден «чёрный ящик» - палаты без входа. Под ними обнаружена белокаменная камера размером 2х2 метра. Возможно, что это остатки некогда стоявшего здесь дворца великой княгини Софьи Витовтовны (XV в.). Дальнейшие работы наверняка приведут к новым находкам.

Документальная история библиотеки Ивана Грозного была написана Стеллецким в 1944-1948 годах. Состояла она из трёх томов, но последний том в ЦГАЛИ СССР передан не был. Местонахождение его неизвестно. Поскольку в фонде Стеллецкого хранятся дневниковые записи о раскопках в Кремле, мы попытались заменить ими недостающий третий том. В 1933-1934 годах Игнатий Яковлевич Стеллецкий вёл дневник на украинском языке, часто сокращал слова. После его смерти Мария Михайловна Исаевич перевела записи на русский язык. Некоторые слова в рукописи перевода невозможно разобрать.

Из-за бесконечных болезней Игнатий Яковлевич не закончил работу над книгой. Рукопись требовала хотя бы минимальной редакторской обработки, некоторые разделы не имеют прямого отношения к истории библиотеки и её поиску и потому опущены. Сокращению подлежали главы, где шёл повтор той или иной информации (переписка Стеллецкого с читателями, с Академией наук по вопросу поиска библиотеки Грозного). Сокращены также главы, подробно рассказывающие об Иване Грозном, поскольку они состоят из фрагментов трудов известных историков и носят компилятивный характер. В то же время мы сочли нужным дать в книге материалы из приложения ко II тому книги. Этот текст даётся петитом. При подготовке книги к изданию были определённые трудности. Автор использовал только опубликованные источники, но при цитировании редко указывал их. В таком случае приходилось проводить поиски цитируемых мест в трудах разных авторов и т. п. Там, где это удалось, сделаны ссылки. Курсив и пометы в тексте принадлежат автору.

В книге использованы фотографии, сделанные Стеллецким при раскопках в Арсенальной башне и церкви Вознесения в Коломенском.

Т. Белоусова

И. Я. Стеллецкий

Мёртвые книги в московском тайнике

(Документальная история библиотеки Грозного)

Старой Москве в память 800-летия посвящается

Предисловие

Проблема таинственных «мёртвых книг» в московском тайнике, известных под названием «библиотеки Грозного», издавна привлекала к себе внимание, главным образом западных учёных, особенно же серьёзно с начала XIX в., с момента открытия в России так называемого «списка» Дабелова [29]. Нашумевшая за границей статья профессора Клоссиуса [30] об этом открытии в России прошла незамеченной. Вообще, Запад с Америкой вместе проявили гораздо больше веры в историческую конкретность идеи, чем холодные умы русских скептиков-учёных. Большинство последних высказывалось в том смысле, что если подобное книгохранилище и существовало когда-либо, то не сохранилось до нашего времени - сгорело в один из московских пожаров. За его полную сохранность до наших дней отважно ратовал среди русских учёных (в положении «рыцаря печального образа») один только академик А. И. Соболевский [31]. [...]

С первого же момента знакомства с этим интереснейшим секретом старой Москвы я понял, что квази-легендарная библиотека конкретно существует в недоступных с виду тайниках Кремля, и что её, используя спелеологический поисковый метод, вовсе не так уж трудно извлечь.

Находясь уже, пользуясь выражением Конона Осипова [32], «при старости» и изверившись в мачехе-судьбе, десятками лет не допускающей меня путём полевых подземных изысканий открыть не имеющее цены сокровище, я решил использовать долгими годами накопленный материал и написать исчерпывающую книгу о «библиотеке Грозного», в трёх томах, с альбомом уникальных фотоснимков.

Знаю, что такая книга, возможно, окажется настольной для будущих поколений спелеологов, искателей «заколдованного клада России» (Тремер) [33], «поклажи» загадочного царя Ивана Грозного, А искать её будут и правительства и учёные, ибо не искать её, после всего уже сделанного в этой области, совершенно невозможно.

Во введении к книге даётся очерк аналогичных московским «мёртвых книг» древности, начиная с угасших цивилизаций Востока.

---

[29]Дабелов Христофор Христиан (1768-1830) - юрист, профессор университетов в Галле, Лейпциге, Дерпте. В 1822 г. нашёл в Перновском архиве (г. Пярну) *список книг библиотеки Ивана Грозного.*

[30]Клоссиус Вальтер Фридрих (1796-1838) - юрист, профессор Дерптского университета.

[31]Соболевский Алексей Иванович (1856/57-1929) - филолог, академик. Автор трудов по древнерусской письменности, палеографии, этнографии и др.

[32]Осипов Конон (?-ок. 1736) - пономарь церкви Иоанна Предтечи на Пресне. Дважды (1724, 1734) искал подземные палаты в Московском Кремле.

[33]Тремер Эдуард - филолог, профессор Страсбургского университета. В 1891 г. искал в Кремле подземные палаты, где, по его мнению, должна была храниться библиотека Грозного.

Первый том - КОРНИ - обнимет конец XV и XVI век, второй - БОРЬБА - с начала XVII до XX века включительно, третий - РАСКОПКИ - очерк подземного Кремля с решением задачи о местонахождении знаменитого аристотелевского подземного сейфа.

Сознание, что труд сей может сослужить свою службу России и делу социалистического строительства и что он может внести свою лепту в дело осуществления первой послевоенной пятилетки, поддерживало автора при написании трёхтомника. [...]

Для читателя же, мало-мальски заинтересованного этой, имеющей такие глубокие корни, тайной русской истории, скажу, не гиперболизируя: книга представит сущую находку.

Москва. 1946 г. Автор

Том I. Введение

Книжные предки либереи

Термин «либерея» взят из Ливонской хроники рижского бургомистра Франца Ниенштедта [34]. Так последний называл библиотеку, замурованную загадочным царём Грозным в московском тайнике. [...].

Московская подземная библиотека не является беспрецедентной в истории. Много библиотек, начиная с библиотек древнего Востока, находились или находятся всё ещё под землёй, или намеренно туда запрятанные, или засыпанные неумолимым Хроносом. Немало подземных библиотек и архивов Востока вскрыто раскопками европейских учёных экспедиций, главным образом в XIX в. Большой, думается, интерес представляет сравнить эти таинственные «мёртвые книги» Востока с такими же 500-летней давности в московском тайнике.

Мёртвые книги Востока

Тель-Амарнский архив

Тель-Амарна [35] служила резиденцией фараону Аменхотепу IV [36]. Что послужило толчком к важному открытию? Хищнические раскопки феллахов, промышлявших продажей предметов древности. Заступ одного из грабителей ударился о кирпичный свод, издавший звук пустой бочки. Свод был проломан, в отверстие виднелись какие-то ящики, загружавшие большую комнату до сводов. Ящики были набиты глиняными табличками,

---

[34]Ниенштедт Франц (1540-1622) - дерптский купец, с 1565 г. бургомистр Риги. Оставил после себя записки и ливонскую хронику, куда вошёл рассказ пастора Веттермана о знакомстве его с книгами библиотеки Грозного.

[35]Тель-Амарна - в настоящее время населённый пункт Эль-Амарна на территории Египта. В XV в. до н. э. здесь находилась столица Древнего Египта Ахетатон.

[36]Аменхотеп IV (1419 - ок. 1400 до н. э.) - египетский фараон.

сплошь испещрёнными клинописью. Открытое в Тель-Амарне огромное собрание архивных документов [...] заключает переписку между влиятельными князьями Передней Азии и египетским двором около 1400-1360 гг. до н. э. [...]

Библиотека Ашшурбанипала

[...] Ассиро-вавилонская клинопись достигла апогея своего развития при знаменитом ассирийском царе Ашшурбанипале (669-633 гг. до н. э.). Ашшурбанипал собрал величайшую в древности библиотеку в 20000 табличек. [...] Столицей Ассирии при Ашшурбанипале служила Ниневия. В ней царю принадлежали несколько дворцов. Среди них один старый дворец Сеннахериба, деда царя (705-681 гг. до н. э.). Этот дворец был отведён под клинописную библиотеку, собиравшуюся Ашшурбанипалом много лет. Была ли эта библиотека подземной, трудно сказать. Лейярд [37], производивший её раскопки, не сообщает никаких данных для суждения о том. [...]

Ниппурский архив

Что такое Ниппур [38]. Библейский город Хална (ныне деревня Хуффар) был расположен на реке Ховар (ныне Кабара), в Месопотамии. На берегах Ховара некогда сидели и плакали иудеи, насильно выселенные из родной земли. Эта область в библейские времена называлась «земля Сеннаар». Американцы, вообще падкие до проблем библейской археологии, заинтересовались в 1880 г. Сеннааром и направили туда научно-исследовательскую экспедицию Пенсильванского университета. Таких экспедиций с 1886 г. на протяжении 15 лет было проведено несколько, под руководством профессора Гильпрехта.

Подведя итоги всему проделанному, Гильпрехт пришёл к выводу, что наивысшая точка в Ниппуре должна знаменовать библейскую вавилонскую башню, а рядом с нею храм Бела [39]. К югу от последнего констатирована храмовая библиотека и тут же, несколько вправо от ворот храма,- храмовый архив и сокровищница. Библиотека и архив разрушены эламитами [40] («яфетидами», по терминологии академика Н. Я. Марра) (III тысячелетие до н. э.).

Раскопками было добыто 60000 клинописных табличек и среди них фрагмент сказания о потопе (2100 лет до н. э.).

Размещена была эта огромная библиотека в 70 больших комнатах,

Чрезвычайно интересно, что на глубине 36 метров, в доисторическом культурном слое, было обнаружено подземное помещение с «мёртвыми

---

[37]Лейярд - английский археолог, в 1845-1846 гг. осуществлял раскопки на территории древней Ассирии.

[38]Ниппур - древнешумерский город, ныне г. Нуффар на территории Ирана.

[39]Храм Бела - выстроен в честь царя вавилонских богов Бэл-Мардука.

[40]Эламиты - жители государства Элам (IV тыс. до н. э.), находившегося на территории нынешнего Ирана.

книгами» типа московского тайника. [...]

Хеттский архив

[...] Богатейший архив хеттской клинописи открыт Винклером в 1905 г, в Богазкее. Богазкей - захолустная деревушка в Малой Азии, на месте хеттской столицы Хатти, близ Ангоры [41]. Раскопками на склонах богазкейского холма Винклер в 1905-1906 гг. открыл не только следы «кремля» в виде стен и башен, но и целые россыпи глиняных табличек с клинописью XV-XIII вв. до н. э. [...]

Каирская библиотека

Мусульман нередко упрекали в невежестве, и напрасно. Это доказывается их любовью к книге и огромными усилиями по собиранию выдающихся книгохранилищ.

В Египте, во владениях мавров, в Испании, Сирии, Бухаре, Самарканде, как и во многих других городах и государствах, подвластных Корану, принцы и вельможи заводили у себя большие библиотеки.

Среди предшественников Ивана Грозного надо назвать серьёзного его соперника в X в. Аль-Хакема, прозванного Аль-Мостажиер, халифа Коркуанского [42].

Он посылал в Сирию, Египет и Персию своих агентов для описания и покупки драгоценных манускриптов за любые деньги. Дворец-библиотека Аль-Хакема неизменно был открыт настежь для всех учёных и писателей. А библиотека была внушительной - 600000 книг - в сорока залах! Особо ценными были драгоценные сборники автографов в богатых переплётах. В 1080 г. драгоценная библиотека Аль-Хакема была [...] растащена турецкими солдатами, солдаты тащили книги за недоданное им жалованье.

Правительство задолжало не только солдатам, но и визирю (5000 динариев). На покрытие долга визирь увёз себе книг на 25 верблюдах, стоимостью 150000 динариев (около миллиона рублей). Вскоре в бурном течении событий дом визиря со множеством книг был разгромлен. Книги варварски уничтожались. Богатые переплёты шли на обувь для невольников и солдат, а самые книги жгли на кострах, топили в Ниле или спешно расхищали, кому не лень, другие государства.

Остатки гигантской библиотеки были свалены в огромные кучи вне городских стен. Ветры засыпали их пылью и песком, образовав целые насыпи, известные под названием «книжных холмов».

В Дамаске при взятии города в 1358 г. книг оказалось столько, что победители не находили, куда их девать. Частью их свалили в

---

[41]Ангора - древнее название Анкары.

[42]Аль-Хакем I (Альмостансер) (?-976) - халиф из династии испанских Оммиядов, правитель Кордовы.

протекающую в городе реку Бараду, запрудив её, частью - за городом. Образовались насыпи, по которым пехота и конница, как говорят, проходили несколько дней.

Зато уцелевшие «мёртвые книги» Востока, попав в научную обработку позднейших представителей науки Запада, помогли нам дешифровать не одну загадку седой старины.

Мёртвые книги Греции

Библиотека Птоломеев

Судьба библиотеки Птоломеев [43] особенно больна сердцу истинных библиоманов. Одним из основателей её был Фёдор Киренаки [44]. Птоломеи посылали его скупать книги по всей Греции.

Когда и где в Греции появилась впервые настоящая книга? В Афинах в VI в. до н. э. В V в. до н. э. обычным материалом для письма служили папирус и кожаные свитки, в Италии - льняное полотно. Важным стимулом для развития книжного дела в Греции и Риме послужила Александрийская библиотека [45], предъявившая огромный спрос на переписчиков и папирус. Тогда же были выработаны правила [46]. [...] Поля в свитках были обязательны, ограничивался произвол в установлении длины свитков. [...] Длина свитков для наиболее роскошных изданий допускалась до 14-16 м. Обычная же длина свитков была принята в 25 см (для папирусных свитков). Уникальным являлся экземпляр в 5 см, содержавший эпиграммы. [...] Гиперболизмом надо признать печатный экземпляр «Илиады», вмещавшийся в ореховой скорлупе.

Свитки из кожи носили название кодексов (codex). Город Пергам усовершенствовал выделку кожи, обрабатывая её с обеих сторон, откуда название «пергамент». Пергамент можно было удобно сложить и запросто носить в кармане. Кодексы дошли до нас с I в. и до III в. н. э. Для литературных (не деловых) целей кодекс стал применяться, по-видимому, с I в. до н. э. Очень удобен был кодекс в путешествии и уж прямо незаменим для юристов, отсюда и название юридических свитков - «кодексы» (Феодосия, Юстиниана). Кодекс был удобен и как учебник; он же был излюбленной формой рукописей в раннюю христианскую эпоху (книги канонические).

Таким образом, кодекс как бы отождествлялся с новой религией, тогда как папирус оставался традиционным для классической языческой

---

[43]Птоломеи (Лагиды) - царская династия в эллинистическом Египте в 305-30 гг. до н. э.

[44]Киренаки Фёдор – служитель библиотеки Птоломеев, привёз в Египет из Иерусалима евреев для перевода священных книг.

[45]Александрийская библиотека - крупнейшее в древности собрание рукописных книг. Одновременно это была и библиотека, и учебное заведение, и научное учреждение. Большая часть книг хранилась в Брухейоне - специальной пристройке к дворцу, меньшая - в Серапейоне, пристройке к храму бога Сераписа. Библиотека трижды горела: 47 г. н. э., 391 г., VII-VIII вв.

[46]То есть правила оформления рукописей.

литературы.

С III в. н. э. кодекс стал объектом устремлений для библиоманов, студентов и рядового читателя, тогда как свиток папирусный стал служить большим соблазном для богатых коллекционеров и крупных библиотек. Так как писался он с одной стороны, то и считался дороже кодексов. В IV в. кодекс положительно превалировал, а в V в. победил окончательно.

Форматы кодексов были самые разнообразные, от 4х6 см, до фолиантов в 40 см величиной. Древность, в общем, предпочитала небольшие форматы.

Уже в александрийскую эпоху греки начали украшать свои книги рисунками и иллюстрировать текст. Пергамент оказался лучше приспособленным для иллюстрирования, чем папирус. Сохранилось много пергаментных рукописей, иллюстрации которых относятся к античным образцам. В кодексах ещё нередка орнаментовка первой и последней страниц, выделение краской отдельных букв и целых строк. [...]

Переписчиков и каллиграфов при Александрийской библиотеке состояло множество, судя по многочисленности книг, переписанных для этой последней.

Рукопись могла быть какая угодно - могла приобретаться и у «частников», только бы была с именем! Вот почему анонимов и псевдоанонимов тогда появилась бездна, причём подложные произведения уже трудно было отличить от подлинных. Отсюда ведёт своё начало «критика», или «искусство судить о книгах». Если рукописи выдерживали критику, их отличали особым эпиграфом.

Книги Александрийской библиотеки попервоначалу собирались только для учёных да для самих Птоломеев (с 323 до 30 гг. до н. э.), не скоро вспомнили о широкой публике и открыли залы для чтения. Александрийская библиотека гигантски выросла при Птоломеях, особенно при Сотере и Филадельфе.

Сотер (306-383 гг. до н. э.) собирал свою библиотеку целых 23 года. Особенно охотился он за Менандром, стремясь всячески переманить его к себе, обещая ему все сокровища земные, даже собственного полцарства. [...]

Преемник Сотера, знаменитый Филадельф, превзошёл отца. Филадельфу иные приписывают основание первой библиотеки (во дворце) и второй (в храме Сераписа). На это возражают, что первая-де не им основана, а вторая - пополнялась постепенно. Дворец служил складочным местом для новоприобретённых книг, там их приводили в надлежащий порядок.

Филадельф повелел скупать рукописи по всей Греции, особенно же на Родосе и в Афинах. Кстати, ошибочно утверждение, будто Филадельф

приобрёл покупкой всю библиотеку Аристотеля (о чём ниже).

Страбон глухо упоминает о переводе при Птоломеях египетских книг на греческий язык. Если верить Синкеллу [47], то Манефон [48] и Эратосфен [49] перевели с египетского на греческий только летописи и больше ничего. Вопрос же о переводе при Филадельфе с еврейского на греческий весьма запутан, хотя указание о прибытии в Египет 72 учёных евреев-толковников и может быть принято. Книгам, бывшим на руках у евреев-частников, нельзя доверять, так как евреи после плена вавилонского заменили своё прежнее письмо ассирийским. Еврей считал верхом счастья в течение всей жизни своей списать собственною рукою священные книги. Поэтому-то невежество и имело случай наводнить дома и базары неправильными и преисполненными ошибок копиями. В результате среди изумительных по изяществу книг трудно было найти хотя бы одну без ошибок. […] Впрочем, в древние времена списки были и того хуже.

С такими-то вот списками евреи и были отведены в Египет, те самые евреи, которые уже давно не знали еврейского языка и не понимали книг священного писания без специального изучения. Здесь они уже говорили по-гречески, а в своём отечестве - на сиро-халдейском языке. Тем не менее предположение, будто по всей Иудее не нашлось 72 учёных евреев, знатоков текста закона [50], не выдерживает критики.

Для получения экземпляра священных книг от 72 толковников Птоломеем Филадельфом было затрачено 50 миллионов рублей серебром. Оригинал и перевод были «навечно» положены в Александрийскую библиотеку, о чём в один голос говорят Ириней [51], Иустин [52] и Златоуст [53]. Правда, Тертуллиан [54] нашёл в Александрийской библиотеке один еврейский текст, но из этого не следует, что самый перевод погиб во время пожара при Цезаре [55], так как он уже находился в синагогах и судилищах. […]

Именно при Филадельфе комические, трагические, эпические и другие авторы были тщательно разобраны и приведены в идеальный порядок.

Какой цифре верить о числе книг Птоломеевой библиотеки?

Надо различать книги так называемые «отобранные» (т. е.

---

[47]Синкелл Георгий - византийский хронист (VIII в.).
[48]Манефон (2-я половина IV - начало III в. до н. э.) - египетский историк. Автор истории Египта на греческом языке.
[49]Эратосфен Киренский (ок. 276-194 до н. э.) - древнегреческий учёный. Автор трудов по философии, математике, астрономии, музыке.
[50]Речь идёт о Законе (заповедях), который был дан пророку Моисею Богом на горе Синай.
[51]Ириней (ок. 130 - ок. 202) - церковный писатель, епископ Лиона.
[52]Иустин (? - ок. 165) - греческий философ, церковный деятель.
[53]Иоанн Златоуст (ок. 350 - 407) - византийский писатель, епископ Константинополя.
[54]Тертулиан Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 - 240) - христианский теолог, писатель.
[55]В 47 г. римский диктатор Гай Юлий Цезарь в ходе боевых действий осадил Александрию, он поджёг египетский флот, и пожар перекинулся на город.

подлинные) и смешанные. Евсевий [56], Синкелл и Кедрен [57] упоминают о 100000 «отобранных», что касается 54800 Эратосфеновых рукописей, то они составлялись из разбора 200000 смешанных книг Птоломея Сотера. 400000 книг, о которых говорят Сенека [58], Орозий [59] и Манассис [60] - это цифра общего количества книг всех александрийских библиотек. Если прибавить к ним ещё 100000 «отобранных», то и получится 500000, о которых говорят Аристей [61], Иосиф Флавий [62] и Зонар [63].

Подумать только, что это бесценное достояние культурного человечества погибло почти дотла от моря огня! «Пламя разлилось по городу и обратило в пепел 400000 книг, которые были по порядку расставлены в ближайшем здании» (Орозий).

Библиотека Аристотеля

Как уже отмечено, ошибочно утверждать, будто Птоломей Филадельф купил всю библиотеку Аристотеля. По завещанию она была передана Теофрасту [64], а потом перешла в руки Нелея Секстийского [65], который увёз её на свою родину. Пытаясь спасти сокровище, последний зарыл его в землю; в земле книги сопрели. Полусгнившие творения Аристотеля путём купли попали в руки человека, который сам их исправил, дополнил и переписал, с собственными комментариями. [...] То же проделал и позднейший обладатель книг Аристотеля, Андроник Родосский [66]. Прочитай после того Аристотель свои сочинения, он решительно не узнал бы их. Помнить об этом важно ввиду того высокого пиэтета, каким пользовались творения Аристотеля в средние века.

Итак, Филадельф не мог приобрести не только всей библиотеки, но даже и всех творений самого Аристотеля, уже бывших тогда у Нелея и бессмысленно тлевших в земле.

Словом, на творениях Аристотеля Птоломей Филадельф был безбожно обманут. Ему продали бог весть какие книги в качестве Аристотелевых, и мы их теперь считаем за подлинные. [...]

---

[56]Евсевий Кесарийский (265-339) - римский церковный писатель, епископ Кесарии (Палестина).
[57]Кедрен (к. XI - н. XII вв.) - византийский писатель.
[58]Сенека Лиций Анней (ок. 4 г. до н. э. - 65 н. э.) - философ, писатель, политический деятель.
[59]Орозий (ок. 380 - ок. 420) - римский историк, священник.
[60]Манассис Константин - византийский писатель и летописец (XII в.).
[61]Аристей - греческий писатель, служил в Александрийской библиотеке (III в. до н. э.).
[62]Флавий Иосиф (37 - после 100) - древнееврейский историк.
[63]Зонар (к. XI - сер. XII вв.) - византийский летописец.
[64]Теофраст (Тиртам) (372-287 до н. э.) - древнегреческий философ. Ученик и друг Аристотеля.
[65]Нелей получил рукописи Аристотеля в 227 г. до н. э. по завещанию Теофраста.
[66]Андроник Родосский - древнегреческий философ. В 43 г. в его руки попали рукописи Аристотеля, которые он издал.

Мёртвые книги Киевской Руси

Творец первой библиотеки

Библиотека Ярослава I в Киеве - вот ещё «мёртвые книги» в земле. Библиотека эта - тёмный вопрос в науке, хотя никто не отрицает, что она действительно существовала; её, как и библиотеку Ивана Грозного, видели иноземцы. Как и эта последняя, она существовала и вдруг - исчезла. Бесследно. Но нет никаких сведений о её гибели!

Это значит, что библиотека спрятана, и спрятана хитро и надёжно, в земле. Значит ли это, что найти её - «пустое мечтание»? Нет, найти её можно, при условии... спелеологического метода поисков.

В дни Ярослава велика была честь книге на Киевской Руси, «Велика бо польза бывает человеку от учения книжного. И книгами бо кажеми и учими есми пути покаянию и мудрость бо обретаем и воздержание от словес книжный».

Ярослав сел на киевский престол в 1019 г., после победы над Святополком Окаянным на реке Альте, и заслуженно «утёр пота со своею дружиною». Теперь он мог всей душой отдаться любимому книжному делу.

Летописец с уважением подчёркивает: «Сам книги читал» и не только читал, но и книги усердно собирал, не останавливаясь перед их куплей за большие деньги. «Много накупил книг, которые читал часто, днём и ночью; собрал много писцов, которые переводили книги с греческого на славянский язык и много переписали книг».

М. Любавский [67] о книголюбии Ярослава пишет: «Сын Владимира Ярослав вышел большим любителем чтения; «...книгам прилежа и почитая е в нощи и в дни»,- говорит о нём летописец. Он набрал много писцов и переводчиков, заставляя их переписывать и переводить книги с греческого на славянское письмо, и сложил их в церкви св. Софии [68], им же созданной». «Сложил в церкви св. Софии»! Вот где ключ к исчезнувшей библиотеке Ярослава! Сложи и запри он её в каком-нибудь тёмном закоулке или в укромной забытой палате, каких в соборе много, она, за долгие века её поисков, конечно, уже давно была бы найдена. Но она не найдена. Доныне. Где же её спрятал Ярослав в св. Софии? Ответ напрашивается сам собой: а где спрятали свои библиотеки Софья Палеолог и Иван Грозный, желая сохранить их для будущих поколений? В тайниках Кремля. [...1

Библиотека под землёй

Посмотрим, нет ли каких сопровождающих явлений,

[67]Любавский Матвей Кузьмич (1860-1936) - историк, академик. Автор трудов по истории, исторической географии России и Литвы до XVI в.

[68]Софийский собор в Киеве построен в 1037 г. в княжение Ярослава Мудрого. Перестраивался в XVII в.

подтверждающих этот вывод. Прежде всего, нет ли в специальной литературе каких-либо указаний на наличие подземелий под Софией Киевской?

Ни археологи, ни архитекторы этим вопросом не интересовались и никогда на эту тему не писали,

Зато слухи, много слухов. Слухи проникали и в печать. Иначе откуда взял свои сведения аноним, писавший в «Северном архиве» (1822 г., № 1): «Между руинами XVI в. возвышается церковь св. Софии, сооружённая некогда по греческому образу с невероятными затратами и трудностями. Пол в ней мозаичный [69], золото и лазурь сияли в подземных сводах и пределах; в самом здании колонны из порфира, алебастра и мрамора». Здесь здание наземное явно противопоставляется сооружениям подземным.

Подтверждение наличия подземелий под Софией находим в печати. Автор путеводителя 1918 г. под заглавием «Киев» писал на стр. 71: «Под Софийским собором имеются обширные подземелья, которые ждут исследователя» (Кость Шероцкий).

В «Прибавлениях» к выпуску 24 Известий Археологической Комиссии, стр. 174, находим чрезвычайно интересное сообщение:

«По словам архитектора Д. В. Милеева, ему в 1908 г. рассказывал местный служитель культа, будто лет 50 тому назад (т. е. в 60-х гг. XIX столетия) возле северо-западного угла собора образовался глубокий провал почвы. Туда на верёвках спускались смельчаки. Они очутились в галерее, выложенной кирпичом. Кирпич совершенно сходен с кирпичом бывшей Десятинной церкви [70]. Пройдя довольно далеко по таинственной галерее, разведчики чего-то испугались и поспешно вернулись назад. С тех пор и доныне тайна подземного хода под Софией остаётся неразгаданной».

Милеев выяснение разгадки откладывал до времени систематических раскопок на площади Софии, но помешала ему в этом его смерть.

Что здесь неправдоподобного? […] Найти самую точку провала не так уж трудно: стоит лишь расчистить на глубину около метра площадь в 20-30 м на северо-западном углу храма, и мы неизбежно наткнёмся на засыпанный провал. На расчистку его потребуется два-три дня. Самая галерея приведёт к ряду сенсаций, с гвоздём в виде библиотеки Ярослава, некогда вдруг исчезнувшей и по которой вздыхают века и поколения […]

Во время раскопок Милеева в ограде Софийского собора в 1909 г. были открыты три деревянных квадратных сооружения X-XI вв., а также

---

[69]Это подтвердилось советскими раскопками внутри храма в предвоенные годы. - Примечание автора.

[70]Десятинная церковь - первый каменный храм Киевской Руси, была построена в 989-996 гг. Разрушена во время нашествия татар в 1240 г.

погреб, служивший складом для стеклянной посуды. [...]

Как-то, в дореволюционное время, будучи проездом в Киеве, я осмотрел подворье храма. В бывшем митрополитанском доме я нашёл выступавшие из земли наружу какие-то древние стены. Вблизи находилась так называемая «Тёплая церковь». Мне сообщили, что, по преданию, из этой церкви, подо всем садом, проходил подземный ход. Так как ход, видимо, начинался где-то в церкви, то недалеко от неё он не мог залегать слишком глубоко. И я решил перерезать его глубокой траншеей сверху. Таинственный подземный ход явно не мог быть мистификацией. На него указывал ещё П. Г. Лебединцев в своей работе «О святой Софии Киевской» [71].

Нужны были рабочие руки, а следовательно, и некоторые, не мои, конечно, человека дорожного, средства. Я обратился в митрополитанский дом. Митрополит Флавиан любезно отпустил сто рублей. На эти деньги нельзя было развернуться, в границах, к тому же, всего десяти свободных дней. С чего было начать? Манил упомянутый провал на северо-западном углу церковного двора: его можно было найти, но дело грозило затянуться, а я был строго ограничен временем. Решил перерезать лебединцевский подземный ход глубокой траншеей. Начатые раскопки показали, что в короткий срок до цели не добраться. Траншея в митрополитанском саду была брошена, а спешно начата другая, близ юго-западного угла собора, с целью узнать глубину культурного слоя. Глубина его оказалась до 2 м: попадались строительный щебень, куски фресок и остатки повреждённых христианских погребений. Эта разведка показала, что найти провал на северо-западном углу собора, возможно, будет не так-то легко. Я заложил третью траншею, близ железной ограды бывшего Киево-Софийского духовного училища (ныне Исторический архив).

На глубине 3 м траншея обнаружила фундаменты зданий великокняжеской эпохи, [...] Тогда же (это было летом 1915 г.) я обратил внимание на новооткрытый подземный ход в процессе закладки дома Зивала, вне ограды собора, но неподалёку от неё. Ход был выложен кирпичом. Направление под Софийский собор. Ход был сильно, почти на 2/3 затянут илом. Ход стоило расчистить, чтобы выяснить, не перерезан ли он фундаментами больших зданий на пути к собору. Моим попыткам в этом направлении чинили злостные препятствия немец-домовладелец с архитектором. Всё же место входа в тайник домовладельцем позднее было означено в виде ниши в стене вестибюля дома. [...]

Прошёл год. В 1916 г. я уехал на Кавказский фронт. В Киеве прошли ливни, подмывшие мой прошлогодний раскоп близ решётки училища. Поблизости от раскопа произошёл большой провал: на глубине 3 м оказался погреб. Его обследовал А. Д. Эртель [72] в 1916 г. Результаты мне

---

[71]См.: Лебединцев П. Г. О святой Софии Киевской // Труды III Археологического съезда. Киев. 1878. Т. 1. С. 53.

[72]Эртель А. Д. - украинский археолог, до революции неоднократно участвовал в раскопках вместе со Стеллецким.

неизвестны.

В советское время территория св. Софии обращена в заповедник. В 1925 г. раскопки в ограде собора производил профессор В. Г. Ляскоронский. Газеты от 20 октября 1926 г. сообщали, что «обнаружен огромный погреб с многочисленными ходами и выходами: найдено много ценных вещей, древние монеты и цинковая утварь». Что это за погреб? Не погреб ли это Эртеля близ моего раскопа?

Из сказанного очевидно, что почва в ограде Софийского собора как бы висит на подземных невидимых пустотах.

На заре печати

Первые книги Европы

Хотя Восток и далеко опередил христианские государства в отношении изобилия и пышности книг, но за всем тем в Европе с неутомимым рвением трудились на пользу наук.

В Оксфорде, Кембридже, Лондоне считалось до 6 тысяч переписчиков книг, а в Париже и Орлеане - до 10 тысяч. Писцы-книгопродавцы стекались отовсюду в университетские города, где сбыт произведений их шёл так успешно, как только позволяла медленность подобной работы. Библия, списанная в аббатстве Лорени, считалась чудом скорописи.

Религиозные прения начали снова разгораться, а цены на книги вместе с тем повышаться.

Необходимо было найти средство размножения книг, Такое средство было найдено - книгопечатание! [...]

Как бы то ни было, но в двадцатилетие (1436-1456 гг.) книгопечатание было изобретено, совершенно отвечая нуждам своего времени: католики и протестанты по очереди пользовались этим дивным изобретением как для нападений, так и для защиты, и потому крайне интересно следить за развитием книгопечатания в первое полустолетие по его изобретении, особенно же учитывая, что большая часть инкунабул, о которых ниже, сосредоточена в недоступных для учёного исследования подземных хранилищах Московского Кремля!

Первым открытие искусства печатания книг сделал Лаврентий Костер [73] в Гарлеме, в 1436 г.

Тайну его похитил Фауст [74], скрывшийся в Майнце. Первая книга, напечатанная Фаустом в названном городе в 1442 г., была «A1exandree

---

[73]Костер (Мистер) Лаврентий (Лоуренс-Янсон) (ок. 1370 - ок. 1440) - голландский первопечатник. Некоторые исследователи приписывают ему изобретение книгопечатания.

[74]Фауст (Фуст) Иоганн (? - ок. 1466) - купец из Майнца, ссудивший деньги Гутенбергу на открытие типографии в 1459 г. По суду он получил типографию и весь тираж Библии.

Galli doctrinae» [75]. Опыты эти, однако, были далеки от совершенства, и только Гутенбергу [76] и Шефферу [77] суждено было отлить и вырезать подвижные, или так называемые переносные, буквы. Усовершенствованием не замедлили воспользоваться.

Первым вышел в 1457 г. «Ba1marum Codex» [78]. Майнцкая библиотека обладает почти полным собранием печатных произведений типографского искусства. Все эти книги вышли, по большей части, из маленького домика в Майнце, на площади Францисканцев. В этом маленьком домике книгопечатание проявилось во всём своём блеске.

Взятие Майнца Адольфом Наусским [79] нанесло жестокий удар книгопечатанию: работники разбежались кто куда, а сами хозяева-типографщики ушли в другие государства.

Удальрис Ган, Сувейнгейм и Арнольд Паннарис [80] устроили станки свои в самом дворце братьев Петра и Франциска Максимиссов. В 1467 г. они издали там «Цицероновы эпистолы к друзьям». Всего же в продолжение семи лет в Риме было издано 12757 книг разных авторов.

Рекорд по распространению книгопечатания побила, однако, Венецианская республика, из типографии которой на Апеннинском полуострове вышла первая печатная книга.

Первую греческую книгу - греческую грамматику Константина Ласкариса [81] - напечатал Заро в Милане в 1476 г.

В Венеции Альдо Мануччи [82] напечатано было несколько греческих книг. В Венеции за 25 лет (1469-1494 гг.) поселилось 174 типографщика и в Венеции же искусство книгопечатания подверглось одному из важнейших преобразований: оно оставило прежние готические буквы, употреблявшиеся германскими типографщиками, и заменило их круглыми, более удобными, которые и вошли вскоре во всеобщее употребление.

Наконец, из венецианских же типографий вышли первые печатные Библии на еврейском языке, набранные теми же самыми буквами, которые раввины Иисус и Моисей употребляли уже в Саггипо (1480 г.).

В первые времена по изобретении книгопечатания за типографским

---

[75]Александр Галле. Доктринал.
[76]Гутенберг Иоганн (ок. 1394 - 1468) - немецкий первопечатник, создатель печатного станка.
[77]Шеффер Петер (1420/1430 - 1502/1503) - один из помощников Гутенберга.
[78]Бальмарский кодекс.
[79]Граф Адольф Наусский захватил Майнц 28 октября 1462 г.
[80]Удальрис (Ульрих) Ган вместе с Конрадом из Свенгейма и Арндольдом Паннарцем из Праги создал типографию в монастыре Субиако, близ Рима (1465 г.), затем они организовали типографию в Риме.
[81]Ласкарис Константин (1434-1501) - византийский учёный. После взятия турками Константинополя бежал в Италию, преподавал греческий язык в Мессине.
[82]Мануччи (Мануцци) Альдо (1448-1515) - основатель типографии в Венеции.

станком занимались просвещённейшие люди той эпохи, как, например, Мартенс, Какстон [83], Альд, Роберт Этьен [84], Плантен [85] и др. [...] Эразм Роттердамский, Димитрий Халкондид [86], Николай Афинский [87], Бадий Фландрский [88], Алеандр Иероним [89], Навинжеро [90], Бальзони [91] не стыдились в свою очередь приходить в типографии исправлять корректуры и рассуждать о достоинстве шрифтов.

Даже царственные особы всеми силами старались поддержать и возвысить искусство книгопечатания. [...] Папа Сикст IV даровал Енсону [92] звание графа-палантина; Эдуард, король английский, сделал Какстона своим другом; Филипп II дал Христофору Плантену звание королевского архитипографщика, а Франциск I не раз посещал кабинет Ротерта Этьена, когда последний заканчивал исправление своих корректур. [...]

Тем временем майнцкие типографщики неутомимо продолжали заниматься книгопечатанием. Вскоре ими выдана была в свет книга под названием «Gasparini Barzizi pergamensis epistola», 1470 [93]; потом явилось «Speculum vitae humanae» сочинение Родрига [...] [94], 1475 [95], и, наконец, напечатана Библия. Все эти издания имели необыкновенный успех.

Карон, живший в Париже, с итальянского на отечественный язык перевёл книгу «L'aiguiion de L'anardivin de saint Bonaventur», 1473 [96].

Один из учеников Гутенберга, Иоганн Ментелин, напечатал в Страсбурге в 1473 г. большую энциклопедию Викентия де Бове [97] в 10 томах.

Генрих Бехтермюнце из Майнца издал латино-немецкий словарь, имевший четыре издания сразу. Успех для того времени невероятный.

В Голландии первопечатниками явились в 1472 г. Иоганн Вестфальский и Теодор Мартенс. Первый поселился в здании Лувенского университета и за 24 года напечатал 80 разных творений. Его товарищ Мартенс поселился в Аллосте. [...]

---

[83]Какстон Вильям (ок. 1422-1491) - английский первопечатник и писатель.
[84]Этьен Роберт (1503-1599) - основатель типографии в Париже и Женеве, писатель.
[85]Плантен Христофор (1514-1589) - основатель типографии в Антверпене (Нидерланды).
[86]Димитрий Халкондид (ок. 1424-1510) - греческий учёный, автор греческой грамматики.
[87]Николай Афинский (ок. 1450-?) - византийский историк.
[88]Бадий Асцезия Фландрский (1462-1537) - основатель типографий в Лионе и Париже.
[89]Алеандр Иероним (1480-1542) - итальянский богослов, философ, кардинал.
[90]Навижеро (Наваджеро) Андреа (1593-1529) - итальянский гуманист, писатель.
[91]Бальзони - возможно, речь идёт о Баккео Бальдини (ок. 1436 - после 1480), он изготовлял гравюры для книг по рисункам Боттичелли.
[92]Енсон (Йенсон) Николай (1420-1480) - писец, художник, гравёр, первым изучил типографское дело у Гутенберга. В 1461 г. перебрался в Италию (Венеция).
[93]Барцизи Гаспарини. Послание.
[94]Слово не разобрано.
[95]Зерцало человеческой жизни.
[96]«Стрела божественной любви святого Бонавентуры».
[97]Викентий де Бове (?-1264) - чтец при французском короле Людовике Святом. Автор энциклопедии в 73 книгах.

Первая печатная книга в Брюсселе вышла в 1476 г. Это была «Gnotosalitos» [98].

Первая книга в Испании (Валенсия) была напечатана в 1474 г. на испанском языке. Это дидактическая поэма «La Conseption de 1a sainte vierge» [99] - труд творческого коллектива 35 поэтов.

Первопечатником в Англии явился, как отмечено, Какстон, овладевший этим искусством в бытность свою в Голландии. Первая книга, напечатанная Какстоном в Вестминстерском аббатстве, была «Нравоучительная шахматная игра», перевод с французского (1475). Единолично он был переводчиком, типографщиком и издателем. Ещё до этого, в бытность свою в Кёльне, Какстон напечатал в 1469 г. сочинение Рауля Лефевра «История Троянской войны». Тот же Какстон напечатал «Нравоучительные правила и изречения», переведённые с латинского лордом Расселем. Всего с 1477 по 1490 г., т. е., по смерть Какстона, им было напечатано 64 сочинения, а его преемником, Винкеном де Вордом, за сорок лет - 408, причём Роберт Диксон за тот же срок напечатал 200 различных творений. [...]

Таково было развитие искусства книгопечатания в первое время по его изобретении. [...]

Писцы-переписчики печатание книг признавали ересью, «дьявольским наваждением», противники всего нового и слышать не хотели о введении книгопечатания на Руси. И в то время, когда в других странах печатные книги стали быстро вытеснять рукописные, в Московском государстве в течение целого столетия после изобретения книгопечатания не делалось никаких попыток к заведению типографии.

Между тем в других славянских землях уже принялись за книгопечатание; в 1475 г. появляется в Праге первая книга – «Новый Завет» на чешском языке готическими буквами, а в 1491 г. в Кракове выходит «Часослов», напечатанный [...] Швайпольтом Феолем, «из немец», «немецкого роду франком», как значится в его послесловии, - первая книга, напечатанная славянскими буквами. Затем в Угрь-Валахии в 1511 г. появляется славянскими же буквами напечатанное «Евангелие» (от Иоанна). Всё это были славянские книги.

Первая же русская книга вышла из типографского станка в Праге в 1517 г., и этот год в сущности следует считать началом истории русской книги в тесном смысле этого слова. Издателем этой первой печатной русской книги - учебной Псалтыри – был доктор Франциск Скорина [100], известный учёный, астроном и медик того времени, родом из Полоцка. Названная книга - первенец русской печати - отпечатана в четвёрку, на 142 листах, по 22 строки на странице, с заставкой на первой странице,

---

[98]«Гностики».

[99]«Зачатие Пресвятой Богородицы».

[100]Скорина Франциск (Григорий) (до 1490 - не позд. 1551) - первопечатник и просветитель.

изображающей посредине герб Скорины.

В композиции рисунков, шрифтов, заставок и начальных букв Скорина руководствовался, между прочим, образцами венецианских и немецких печатных изданий.

Им же, с приложением своего портрета, издана Библия Русская (из 15 книг), «выложенная», как значится на титульном листе, «богу ко чти и людем посполитым к доброму поучению». Текст украшен гравюрами, «абы братие моя, Русь, люди посполитые, чтучи, могли ясней разумети».

Проникли ли первые издания Скорины в древнюю Москву, неизвестно, но что отдельные экземпляры их хранятся среди «мёртвых книг» в московском тайнике, это не подлежит сомнению. Что касается юго-западной Руси, там творения Скорины были весьма распространены. Скорина также - переводчик Библии на русский язык с церковно-славянского, чешского и латинского текстов. Своими переводами Скорина положил основание литературному языку юго-западной Руси.

В Несвиже (бывшей Минской губернии) Симоном Будным [101] в 1562 г. (за три года до замуровки сейфа Грозного) была отпечатана, между другими, его книга «Оправдание грешного человека» и другие книги, пока не отысканные. Они и не будут отысканы, пока не будет вскрыта таинственная подземная либерея в Москве.

Там же будут найдены [...] еврейские книги. В небольшом городке Бамберге [102] в конце XV в. напечатано было до 300 еврейских книг. Грозному было из чего стянуть в свою «книгохранительницу», быть может, не один десяток их. [...]

По какой цене ходили тогда книги? Цены на книги вообще стояли высокие, особенно на рисованные манускрипты. В XIV в. средняя стоимость тома - 450 франков, а в 1231 г.- 600 франков. Переписка стоила недорого; в XIV столетии перевод Библии (без материала) в Болонье стоил 80 болонских ливров. В XV в. ещё ниже, тогда как стоимость переплёта и украшений всё поднималась. Дороговизна книг приводила к тому, что в книгохранилищах книги держали на цепях.

Только с XIII в. появляются книги на народных языках и выходят за стены монастырей, церквей и замков.

Латинская книга - это богословский или философский трактат, если не житие святого, хроника или Священное писание. Много латинских книг и драгоценных манускриптов хранилось в XI в. в трёх монастырях

[101]Будный Симон (ок. 1430-1493) - просветитель и первопечатник, один из соруководителей реформаторского движения в Белоруссии и Литве.
[102]Бамберг - город в Баварии.

бенедектинского ордена [103]: Клюнийском [104], Картезианском [105] и Цистерианском [106]. Клюнийское аббатство было особенно богато греческими и латинскими классиками; во всех бенедектинских монастырях находились значительные библиотеки, хотя в древнее время стоило чрезвычайных хлопот обзавестись порядочной библиотекой. [...]

За монастырями нередко тянулись отдельные учёные, греческие и римские, не щадившие ни трудов, ни денег на покупку книг.

При покупке книг тогда (XIV в.) заключались такие же контракты, как при покупке больших имений. Случалось, что та или другая книга прослывёт вредной, еретической, для иных это служило причиной большого горя. [...]

Инкунабулы

Инкунабулами называются редчайшие печатные книги, выпущенные в XV столетии (до 1501 г.) и являющиеся первенцами печатных изданий.

В Ленинской библиотеке имеется более 600 инкунабул. Значительная часть этих книг попала в Ленинскую библиотеку в годы революции из частных собраний. Среди инкунабул имеются такие, которых не имеют даже самые обширные книгохранилища Европы и Америки. [...]

Публичная библиотека имени Ленина была занята печатанием научно обработанного каталога этих инкунабул. Книга скоро имела поступить в продажу.

Книжная Византия

Книжные вихри

Византия, успевшая за тысячелетие своего существования накопить в древности огромные книжные богатства, значительно растеряла их в последующие века, обратившись в конечном счёте, можно сказать, в нищую духом. Особенно этому способствовали два исторических книжных погрома, учинённых крестоносцами (ХШ в.) и турками (XIV в.).

Со времени завоевания Константинополя крестоносцами исчезли многие классические авторы. Монастыри превратились как бы в книжные островки.

Однако монастыри стояли не на должной высоте.

«Любовь к невежеству, ненависть к просвещению были господствующими качествами греческих монастырей; монахи с

[103]Орден бенедиктинцев основан Бенедиктом Нурсийским ок. 530 г. в Италии. В X в. у ордена появляются ветви: ордена цистерианцев и картезианцев.
[104]Клюнийский монастырь находился в Бургундии.
[105]Картезианцы имели монастыри Салетт на Роне и Премоль близ Гренобля.
[106]Цистерианцы имели монастыри во Франции: Солемский, Клервосский, Лаферте, Понтиньи, Моримонский.

намерением истребляли богатейшие библиотеки, сохранившиеся с древних времён драгоценные произведения старой литературы» (Гиббон) [107].

«В половине XIV в.,- говорит Галлам [108],- в Греции не осталось ни одного человека, который мог бы понимать Гомера».

«Когда Константинополем овладели турки,- говорит Дукас [109],- то греки продавали десять рукописей Платоновых, Аристотелевых, богословских и других за одну мелкую монету». [...]

После падения Константинополя в большом количестве стали передавать на Афон книги и рукописи, уцелевшие от грабежа турок. К числу афонских монастырей, наиболее богатых рукописями, принадлежал и Ватопедский, которому достались собрания книг двух византийских императоров, бывших там монахами, - Андроника Палеолога [110] и Кантакузена [111] (в этот же монастырь поступил Максим Грек [112], десять лет питавшийся духовно его библиотекою). [...]

Тем не менее Константинополь оставался ещё весьма богат книгами, издавна привлекавшими внимание учёного мира.

Древнейшим из его книжных собраний является огромная библиотека, основанная Константином Великим [113] в новой столице империи, но только при Юлиане получившая своё полное развитие. Именно Юлиан, по Зонару, поспешил собрать в своей библиотеке все произведения греческой и латинской словесности, все памятники древних муз и древней философии. Может быть, Юлиан имеет некоторые права на благодарность потомков тем, что сберёг произведения древнего гения в ту эпоху, когда христиане сжигали древние рукописи и истребляли памятники древней скульптуры и всех искусств, украшавших храмы греков.

120000 рукописей было собрано стараниями Юлиана в публичной библиотеке Константинополя. Эта библиотека, улучшенная стараниями Феодосия Младшего [114], сгорела при Василиске или получила значительные повреждения от пожара, Между драгоценными рукописями, бывшими в ней, летописцы упоминают о какой-то драконовой коже в 120 футов [115] длины, на коей были написаны «творения Гомера и история греков», но ничего больше не поясняют об этой чудесной коже.

---

[107]Гиббон Эдуард (1737-1794) - английский историк. Автор «Истории, упадка и разрушения Римской империи».
[108]Галлам Генри (1777-1859) - английский историк. Автор трудов по истории средних веков.
[109]Дукас. Византийский хронист XV в.
[110]Андроник II Палеолог (1258/1259-1332) - византийский император.
[111]Иоанн IV Кантакузин (1293-1383) - византийский император.
[112]Грек Максим (Михаил Треволис) (ок. 1475- 1556) - писатель, философ, переводчик.
[113]Константин I Великий (ок. 285-337) - римский император.
[114]Феодосий I Великий (ок. 346-395) - византийский император.
[115]Фут равен 0,3048 м, т.е. 36,58 м общей длины.

Император Зенон возобновил библиотеку.

Число рукописей при Льве Исаврянине [116] простиралось до 36000. Столица империи раздиралась тогда фанатизмом иконоборцев. Лев, озлобленный на учёных, занимавшихся в библиотеке, за то, что они противились его богохульствам, запер их в ней, окружил здание горючими веществами и предал огню. Древние рукописи стали жертвою богословских раздоров Византии так, как незадолго перед тем жертвою исламизма стала прославленная Александрийская библиотека. [...]

Не только новейшие писатели, но и византийские хроники часто смешивают публичную библиотеку Константинополя с тою, которая заключалась в зданиях Вуколеона (императорского дворца) и называлась царскою. Порфирогенет [117], кажется, был основателем последней, а при Комнинах [118] она получила значительное развитие.

Большие собрания рукописей хранились также у патриархов и во всех монастырях.

Царская библиотека при взятии города крестоносцами, а также за 57 лет господства последних много пострадала от пожаров и грабежа.

Летописец Дукас, свидетель конечного падения Восточной империи, с прискорбием говорит, что турки при разграблении города не знали, куда деваться с добычею «бесчисленного множества книг». [...]

Книжные тайны Сераля

Однако не все классические творения, ставшие жертвой варваров и огня, были растеряны и уничтожены в ту бурнопламенную эпоху.

Лучшему из турецких султанов, Магомету II [119], приверженцу муз, наук и искусств, впало на сердце собрать и сохранить драгоценные остатки древней книжной культуры Византии, Этот правитель был выше предрассудков и фанатизма своего народа, на целую голову выше своих современников. Он питал искренний пиэтет к книге как таковой. Не от него ли пошло, что турки доныне сохраняют какое-то набожное почтение к книге вообще.

Запад между тем, в лице Николая V [120], зарился на таинственные книги Магомета II. Папа Николай V сам был основателем библиотеки, да не какой-нибудь, а Ватиканской, пополнить последнюю из драгоценного книжного развала Византии ему представлялось весьма уместным. Он даже снарядил в 1455 г. специальную комиссию учёных на Восток с этой целью [...]. Особенно он зарился на подлинную еврейскую рукопись

[116]Лев III Исаврянин (717-741) - византийский император.
[117]Порфирогенет (Багрянородный) - так называли детей императоров. В этом случае речь идёт о сыне Константина Великого - Констанции.
[118]Комнины - династия византийских императоров, правившая в 1081-1185 гг.
[119]Магомед II (1451-1481) - турецкий султан.
[120]Николай V (?-1455) - папа римский.

евангелиста Матфея, которая, как было слышно, хранилась в книжных собраниях византийских императоров. За неё обещал даже выдать находчику премию первого разряда - десять тысяч венецианских червонцев!

Премия была завидной, и учёные охотники изо всех сил старались отыскать манускрипт. И нашли: он оказался в таинственном серале! Но выцарапать его оттуда не представлялось никакой возможности...

Более того: в серале оказалось такое сокровище, как полные декады Тита Ливия! Сообщением об этом обрадовали Европу три образованных путешественника XVI в.

Без сомнения, турецкие султаны могли цепко ухватиться за этого бытописателя Древнего Рима (Ливия), так как считали себя преемниками римских кесарей. Ходили даже слухи, что Тит Ливий по повелению султана полностью переводится с арабского на турецкий язык. [...]

Герцог Тосканский сулил служителю при серале за похищение этого книжного сокровища... пять тысяч испанских пиастров, а венецианский посол даже вдвое больше - и всё напрасно.

В серале же, как оказалось, хранилась значительная часть знаменитой библиотеки венгерского короля Матвея Корвина [121] вывезенная турками из его столицы. Библиотека Корвина славилась исключительно ценным собранием рукописей той эпохи, непревзойдённых по их внутреннему достоинству и по внешней отделке. Особенно восхищали (по тщательности отделки) миниатюры и разные украшения в тексте. Этот Матвей Корвин, сын Гумиада [122], возведённый прямо из мрака тюрьмы на отчий трон, [...] был одним из самых страстных библиоманов своего времени. [...]

Ради библиотеки Корвин шёл на все жертвы, не щадя никаких средств, Не угнаться за ним было в этом отношении даже Ивану Грозному. В год он расходовал на свою любимую «либерею» 80000 дукатов (более 400000 нынешних червонцев). И так целых 24 года! Неудивительно, если она стала ему за это время «в копеечку»: 11000000 рублей на наши деньги!

Само собой разумеется, Корвин содержал в Риме, Флоренции и Венеции целый штат писцов для списывания всякого рода творений древних авторов и щедро награждал дальновидных путешественников, которые догадывались доставить ему какую-нибудь книгу из Константинополя или вообще с Востока. [...].

Весь XVI и XVII вв. в Константинополе по рукам турок ходило множество рукописей, наперебой скупавшихся европейцами, особенно если на них стояла султанская виза. Это значило: выкрадены из сераля!

---

[121]Матвей (Матиаш) Корвин (1458-1490) - венгерский король.
[122]Гумиад (Янош Хуньяди) (1387-1456) - правитель венгеро-хорватского королевства.

Многие из таких манускриптов до Второй мировой войны хранились в разных европейских хранилищах.

И ещё про сераль ходили слухи, будто там, в числе серальских раритетов, должны находиться также трагедии Эсхила и комедии Менандра, и жизнеописания Плутарха, не дошедшие до нас. И даже целых 40 книг Диодора Сицилийского [123]! Их собственными глазами видел в царской константинопольской библиотеке в последние годы империи Ласкарис. Сомневаться в свидетельстве очевидца нельзя, но что весь Диодор в серале, скепсис более чем уместен.

Фома Палеолог [124] тоже [...] знал цену книгам [...]. Выбирая лично книги из царской и патриаршей библиотек для эвакуации, мог ли он не уложить в ящики, «осыпанные камнями», в первую голову Диодора с его книжными чадами и таким блестящим окружением? [...]

Книжными секретами сераля между тем продолжали интересоваться европейцы. В конце XVII в. (1685 г.) европейскими посланниками скуплено клеймённых султанской печатью манускриптов целых 185; но ни одной книги вышеназванных авторов!

Поведение европейцев возбудило подозрение турецких властей; были приняты меры. Цены на клеймёные книги и рукописи неимоверно подскочили. И недаром: султан Ахмет III [125] [...] построил новое [...] книгохранилище, куда и перенёс книги из сераля. [...]

Постройка Ахметом книгохранилища породила слухи об открытии в серале потайной библиотеки. Учёная Европа всколыхнулась, многие устремились на новые отважные поиски утерянного. Таинственность, окутывающая у турок всё, лишь пуще распаляла их воображение.

В правление Амурата [126] над книжными тайнами сераля, находясь в Константинополе, ломал голову Тодерини. Ему удалось удостовериться, что во внутренних хранилищах сераля, в особых сундуках хранились не только книги на арабском, персидском и турецком языках, но и много книг и рукописей латинских и греческих, в частности, вывезенных из Иерусалима. [...] Тодерини составил полный каталог серальской библиотеки, обративший на себя всеобщее внимание. Он это сделал при помощи подкупленного учёного турка, бывшего в молодости серальским пажом и чиновником сераля. Все книги на турецком и арабском языках, в том числе Аристотель и Плиний. Но не одни только эти последние книги были переведены испанскими арабами. Известно, что в академиях Гарун-аль-Рашида [127] имелись почти все лучшие произведения греческой

[123]Диодор Сицилийский (ок. 90-21 до н. э.) - древнегреческий историк. Автор сочинения «Историческая библиотека», 40 книг, до нас дошли 1-5, 11-20, остальные в фрагментах.
[124]Фома Палеолог (?-1465) - младший сын византийского императора Мануила П, деспот Мореи (Сев. Греция).
[125]Ахмет III (1673-1736) - турецкий султан.
[126]Амурат IV (1623-1640) - турецкий султан.
[127]Академия в Багдаде, средневековый университет, где преподавались точные и естественные науки, философия и медицина, была создана халифом Харун ар-Рашидом

словесности и могли сохраниться, хотя и в переводе, ещё и другие, ныне потерянные для потомства книги.

Не все, однако, книги из султанского сераля поступили в Ахметовскую библиотеку: там не оказалось ни одной из рукописей, увезённых турками из Венгрии, но ничто не доказывает, что они были истреблены. Стало быть, искать их надо в Москве. Без малого 50 лет спустя Мустафа III построил другую библиотеку-сейф a la Ахмет. О её содержимом трудно что-либо сказать. Французская республика поручила учёному Виллоазону произвести новые изыскания над заветными тайнами сераля, но - безуспешно.

Англичанам первым была предоставлена честь проникнуть в серальские библиотеки. [...] Султан Селим был выше предрассудков, уважал Европу и её науку. Лорд Эльгин [128] выхлопотал у Порты [129] в 1801 г. разрешение доктору Карлейлю [130] осмотреть серальские книгохранилища. В отчёте очевидца, проникшего под надзором трёх турецких законоучителей, мало сказано о библиотечных книгах: присутствие турок не позволило сделать опись. Всё же насчитано 1292 книги, все творения арабские, персидские и ни одного греческого или латинского, или еврейского имени.

Французский посол Себастьяни настоятельно просился в библиотеки сераля, но Махмуд уклонился от его просьб, хотя из уважения к Наполеону велел отыскать в серале греческие рукописи и отдать их ему; одна оказалась отрывком из Дионисия Галикарнасского [131] (ныне в Парижской библиотеке). [...]

Рукописи, найденные в ограбленном турками дворце византийских императоров, без сомнения, показались султанам предметом высокой цены и могли остаться в недрах сераля без всякого употребления вплоть до нашего времени. Рукописи, найденные в богатых переплётах или, лучше сказать, в футлярах, в каких они обычно хранились у византийцев, иногда в ящиках, осыпанных драгоценными каменьями, могли сделаться предметом суеверного почитания турецких монархов.

Высокая цена книг происходила тогда не от одного только тщания в переписывании, но, как отмечено, ещё более от самих материалов, употреблявшихся в них. Гомер [...] в царской библиотеке Византии писан весь золотом. Евангелие было в переплёте из литого золота, весом в 200 фунтов [132], и было также осыпано драгоценными каменьями. Многие книги

(763 или 766-809). Он же создал знаменитую дворцовую библиотеку. Сын Харуна халиф Аль-Мамун сделал дворцовую библиотеку публичной, присоединив её к академии.

[128]Эльгин (Эльджин) - английский генерал и дипломат, был посланником в Стамбуле.

[129]Порта - принятое в европейских документах и литературе название правительства Османской империи.

[130]Карлейль Томас (1795-1881) - английский историк и философ.

[131]Дионисий Галикарнасский (2-я пол. 1 в. до н. э.) - древнегреческий историк. Автор истории Рима в 20 книгах. До нас дошли 1-9.

[132]Фунт равен 0,4 кг.

Матвея Корвина были переплетены в золотые доски; по смерти его Медичи [133] требовали от его преемника Владислава [134] 1400 дукатов (около 80000 рублей на наши деньги) за одну Библию и 500 дукатов - за молитвенник. Пусть даже в указанных описях книг, хранящихся в двух библиотеках сераля, не значится греческих книг; из этого не следует, что их там не было и нет. Если их действительно нет, значит, они в Москве!

Но, возможно, что султаны не предназначали их для употребления правоверными, Книги, например, добытые французским послом из сераля, не были показаны ни в одном из списков.

Член французской академии Мишо во время путешествия своего по Востоку в 1830 г. имел поручение от министров Карла X - сделать новые исследования о серальских библиотеках и рукописях. Политические перевороты Франции, правда, не позволили ему этим делом заняться всерьёз, но он остался в глубоком убеждении, что в серале (вернее, в Москве,- примечание автора) должны храниться любопытнейшие рукописи.

«Может быть, нашей (сто лет тому назад,- примечание автора)эпохе, свидетельнице стремлений Турции разоблачиться от восточной таинственности, предназначено, наконец, увидеть потерянные столько веков плоды древнего гения; может быть, воскреснет какой-нибудь писатель Греции или Рима, погребённый в Стамбульском серале» (Базили К.) [135]. Несомненно, воскреснет, и не один, а легион, но не в стамбульском серале погребённый, а в московском подземном тайнике! [...]

Книжный Запад

В тихой келье

Библиомания современна искусству писать книги. Во все времена существовали страстные любители и собиратели книг в том или ином сословии.

В средние века библиомания заключалась по большей части в монастырских стенах, в тиши монастырских келий. Отрезанный от общества монах прибегал к книгам, тем более, что праздность осуждалась. Поэтому хорошая библиотека составляла славу и гордость монастыря.

Зала, назначенная для хранения книг, всегда обшивалась деревом, чтобы сырость от каменных стен не доходила до пергамента и не причиняла плесени. Зала делилась на несколько частей, отгороженных

[133]Медичи - итальянский род, известен с XII в., среди них были торговцы, менялы, ростовщики. Первым достиг высокого положения Козимо Медичи (1389-1464) - он стал неофициальным правителем Флоренции. В дальнейшем Медичи играли важную роль в политической жизни Италии и Франции.
[134]Владислав V (1490-1516) - венгерский король.
[135]Базили Константин Михайлович (1809-1884) - русский дипломат писатель, был посланником в Стамбуле. Автор трудов по истории Востока.

деревянными перегородками, Книги распределялись по форматам и укладывались лёжа, не слишком близко одна от другой, чтобы не могли портиться от тесноты или трения; таким образом, было очень легко узнать и отыскать требуемое сочинение.

Любители книг никогда не отличались исправностью в отдаче книг, и в средние века (как и ныне) очень часто случалось, что занявший книгу забывал возвратить её в назначенный срок.

Во избежание таких беспорядков были предприняты самые строгие меры: библиотекарю строго-настрого запрещалось давать книги без письменного обязательства заёмщика возвратить книгу в определённый срок, и это запрещение распространялось даже на соседние монастыри.

Когда занимавший книгу был совершенно неизвестен библиотекарю, то последний должен был брать от него в залог другую книгу, равной ценности.

Относительно редких и дорогих книг соблюдались ещё более строгие правила. Библиотекарь не мог выдавать их без особого разрешения настоятеля. Нет сомнения, что эти правила были общие всем монастырям, потому что они беспрестанно пользовались взаимно своими библиотеками. Те же правила соблюдались ещё в XIV столетии, в то время, когда знаменитый библиоман Ришар де Бюрри [136] написал очаровательную книжечку «Филобиблион» [137]. Он говорит в ней, между прочим, что библиотекарь, прежде чем одолжить книгу, должен удостовериться, что в вверенном ему собрании есть другой экземпляр того сочинения; и даже в таком случае не должно выдавать её, не взяв в залог другой книги равного достоинства.

Все рукописи, изготовлявшиеся в монастыре или вне его, были также в ведении библиотекаря, который не мог принять на себя никакого распоряжения, не испросив предварительно разрешения настоятеля.

Экземпляр книги переходил из монастыря в монастырь, и каждое братство, имевшее счастье добыть экземпляр, спешило снять с него список для обогащения собственной своей библиотеки; нередко даже, при ссуде редкого сочинения, поставлялось в условие заёмщику, чтобы при возвращении его была приложена к оригиналу верная и хорошая копия. Это было нечто вроде вознаграждения за ссуду.

Богослужебные книги были по большей части в лист, и монахам дозволялось брать их с собою в келью; книги же малого формата, из опасения, чтобы они не затерялись, нельзя было выносить из покоев. То же самое правило распространялось на книги редкие и дорогие.

---

[136]Ришар де Бюри (Ричард де Бери) (1287-?) - канцлер Англии, епископ. Его библиотека насчитывала 1500 томов.

[137]«Филобиблион» - книга содержала советы по покупке книг, их хранению, переписыванию и т. п.

Больные братья могли получать из библиотеки книги для развлечения; но как скоро в лазарете зажигались лампы, все книги следовало возвратить до следующего утра в библиотеку.

Эти правила существовали даже в самых древних монастырях. В IV столетии, например, устав св. Пахомия [138] предписывал самую тщательную заботливость в сбережении книг. Каждый брат имел свою книгу, а каждый монастырь - свою собственную библиотеку, что вместе составляло очень значительное собрание книг.

Религиозная нетерпимость того времени особенно преследовала все творения язычества. Библиотекарь должен был сличать разные списки одной книги с подлинником, так как церковные законы не допускали в них ни малейшего изменения. Одним словом, на книгохранителя возлагались обязанности, требовавшие точности и познания. Библиотекари не получали содержания, но при капитулах [139] назначалось им иногда денежное вознаграждение за труды: одному, в X в. - значительные земли; другому, в XII в. - небольшая ежегодная плата со всех членов братства; третьему, в XIV в.- 43 шиллинга 4 пенса в год.

Брат-библиотекарь был, по большей части, отчаянный любитель книг. Потомство должно быть очень благодарно этим людям за услуги, которые они оказали литературе средних веков, тем более, что некоторые из них сами были хорошие писатели и летописцы.

Монастырский общий письменный покой состоял из обширной залы со множеством косых столов и скамеек, расставленных так, чтоб в ней могло поместиться как можно более писцов. Один из монахов, который лучше был знаком с переписываемой книгой, сам писал и в то же время диктовал другим; таким образом изготовлялось несколько списков разом и число рукописей умножалось быстрее. Но это случалось редко, а по большей части каждый работал отдельно.

В письменном покое соблюдалась глубокая тишина и молчание. Это правило было написано по всем стенам, для строжайшего соблюдения. [...] В важном сочинении ничтожная описка уже важна; следующие переписчики, желая её исправить, только увеличивали её. Поэтому переписывать Священное писание могли только монахи степенных уже лет, и списки их перечитывались и сверялись по два и по три раза. Только таким мерам предосторожности обязаны мы тем, что имеем Свясвященное писание в первоначальной его чистоте. Библия, творения святых отцов и писатели классической древности дошли до нас в верных списках.

Бывали монастыри, в которых кроме нескольких хороших латинских Библий [...] были еврейские рукописи и переводы и несколько

[138]Монастырь св. Пахомия был создан в 312 г. в Верхнем Египте неподалёку от Фив. Устав монастыря отличался особой строгостью.
[139]Капитулы - советы при епископах или коллегиях при высших сановниках католической церкви.

экземпляров Евангелия в подлинниках и переводах. Не должно забывать, что переписка Библии требовала искусства и времени и была сопряжена с значительными расходами.

И в самом деле, любо было смотреть на эти толстые томы в тяжёлых переплётах с застёжками, на эти лоснящиеся пергаментные листы с изящно расписанными картиночками.

Не должно удивляться ценности, которая придавалась в то время Библии, и суммам, которые платились за некоторые списки.

Короли и богатые вельможи ценили Библию как редкую и дорогую вещь. Проклятие и отлучение угрожали тому, кто покушался похитить эту драгоценность. [...]

Часть I. Век Ренессанса. Царевна София

Глава I. Последние

Семья Палеологов

Последние - это семья царского дома Мануила II Палеолога (1350-1425), императора византийского.

Династия Палеологов была живуча и долговечна; она правила Византией без малого 200 лет. Это и неудивительно в империи, которая сама просуществовала свыше тысячи лет.

Византия стоит как-то особняком в истории. Она обладает своим собственным резко выраженным лицом, но лицом застывшим, как бы окаменевшим. У византийцев, по характеристике Гиббона, «безжизненные руки», держащие мёртвые богатства предков, «вялые умы», за десять веков ни одного открытия. Их история кажется сухой и бесстрастной, что, однако, не мешало их царскому трону почти постоянно стоять в потоках крови. Единственной, по-видимому, их не меркнувшей страстью была ненависть, ненависть к католической церкви, перенесённая на иностранцев и всё западное. Эту свою непримиримость к «латынам» передали они по наследству и русскому народу. [...]

В общем и целом, историю Византии учёные как бы обходили стороной. На это жаловался и такой горячий её адепт, как Ф. И. Успенский [140], когда предсказывал: «Мы весьма медленно усвояли себе заимствованную культуру, в этом нельзя слагать ответственность на греков. Когда через сто лет (т. е. в 1988 г. – примечание автора.) будет праздноваться тысячелетие просвещения России христианством, тогда, надеюсь, будут популярней византийские занятия: учёные будут доказывать, что XX столетие открыло в Византии клад, обогативший

[140]Успенский Фёдор Иванович (1845-1928) - историк, археолог. Автор «Истории Византийской империи».

русскую науку, давший ей национальное содержание. В изучении Византии заключаются насущные потребности русской науки и нравственный долг русского народа» [...]

Среди Палеологов находим ряд библиофилов и людей пера. Перу, например, Михаила Палеолога принадлежит автобиография и устав монастыря Димитрия Солунского; Мануилу II Палеологу - подлинное педагогическое сочинение.

Владельцы крупных библиотек, императоры византийские Андроник Палеолог и Кантакузен, посвятив себя Афону, передали ему, как отмечено, и свои собрания книг.

Император Мануил II, отец последнего византийского императора, был большим книголюбом: он не только сохранил отцовское книжное наследие, но и самолично приумножил его.

Свою страсть к книгам Мануил II передал и сыновьям своим, особенно младшему, Фоме Палеологу.

Всего сыновей у Мануила было четверо: двое старших царствовали, Иван VII, женатый на московской княжне Анне и принявший унию на Флорентийском соборе,- 22 года, его брат Константин XI (Последний) - всего шесть лет. Он пал смертью героя при защите своей столицы и империи: обезображенный до неузнаваемости труп его (признан по золотым бляхам на порфире) был найден в проломе городской стены.

Младшие сыновья - Димитрий и Фома - были всего только удельными князьями (деспотами) в Пелопоннесе (Греция).

Когда уже совершенно неизбежным представлялось крушение империи и гибель столицы, Фома Палеолог находился в отцовском дворце, без устали работая над подготовкой к эвакуации наиболее ценных реликвий из царской и патриаршей библиотек.

Отобранные им книжные и рукописные раритеты были размещены в добротных ящиках, числом (на основании данных, о которых ниже) до 300 штук.

По морям, морям...

Вместе с семейными реликвиями [...] Фома погрузил сундуки-ящики с книгами на корабль и отплыл в свою деспотию. Была тайная надежда отсидеться там. Но тревожно было вокруг: турки с каждым годом придвигались всё ближе; шесть лет ящики с книгами оставались нераспакованными.

Неожиданно турки овладели половиной Мореи; надо было опрометью бежать. Это было в 1459 г. Спешно погрузив на корабль семью и книжные ящики, Фома [...], почти без денег, отплыл на о. Корфу, под покровительство венецианцев, зарившихся на Морею, как выгодный для

их торговли географический пункт. Оставив затем семью на острове, Фома с грузом ящиков отправился в Рим [...].

Фома Палеолог торжественно вступил в Рим 7 марта 1461 г. Свиту его составляли 70 всадников и 70 пехотинцев. [...] Папский приём состоялся в зале, называемой papagallo. Оттуда кардиналы проводили Фому до его временных покоев.

15 марта папа (это был Пий II) [141] после богослужения вручил Фоме золотую розу: такой чести удостаивались только немногие государи [142]. (Роза - маленькое растение с золотыми листьями, украшенными сапфирами.)

В традициях Рима и Ватикана было всегда проявлять участие к чужому несчастью: низложенные государи неизменно встречали там царственное гостеприимство. Поэтому Фома был помещён на папское иждивение в Санто-Спирито [...]. Это обширное здание, основанное саксами ещё в VIII в., имело церковь, школу и странноприимный дом. Ежемесячная пенсия в 300 золотых была назначена Фоме, лишённому всяких средств. Кардиналы от себя прибавили ещё 200. Этого было довольно для скромного образа жизни. Венеция предлагала Фоме вдвое больше, но - безуспешно. [...]

Многие думали о нём, как об императоре будущей Византии, отнятой у турок. Великодушный и щедрый характер Фомы располагал в его пользу соотечественников,

Навсегда покидая свою резиденцию в Патрасе, Фома взял с собой православную реликвию, чтимую городом,- главу св. Андрея. По настоянию папы Пия П он отдал главу Риму: святыня была помещена в соборе св. Петра навсегда. Стечение народа было громадное; старожилы не помнили ничего подобного. Перед храмом кардинал Виссарион [143] произнёс свою большую речь, с ним рядом стоял кардинал Исидор [144], старый и больной. Пий II ответил в кратких словах с пожеланием крестового похода.

У Фомы хранились и другие реликвии культа: рука Предтечи и клобук с драгоценными камнями; рука Крестителя была потом продана Сиене за 1000 дукатов. А покамест - император Византии был гол как сокол. До

---

[141]Пий II (1405-1464) - римский папа, гуманист и поэт.

[142]Золотая роза, усеянная алмазами, ежегодно в 4-е воскресенье (воскресенье роз) освящается папой в присутствии коллегии кардиналов; она жалуется папой в качестве особого отличия лицу, принадлежащему к влиятельному дому.

[143]Виссарион Никейский (ок. 1403-1472) - архиепископ Никейский. После подписания Флорентийской унии был обвинён в том, что «предал веру». Вернулся в Рим, где получил сан кардинала. Переводчик трудов Аристотеля, Теофраста, Ксенофонта, составил прекрасную библиотеку.

[144]Исидор (XV в.) - митрополит-грек, в 1437 г. был назначен Константинопольским патриархом митрополитом в Москву. Во Флоренции подписал унию. По возвращении в Москву был объявлен предателем и заключён в Чудов монастырь. Бежал в Рим, где получил сан кардинала.

такой степени, что, прибыв с грузом в Рим, послал просить папу о мелочи - расплатиться... с подводчиками! А их было много - целых 70. И всё повозки, гружённые ящиками. А что в них - никто не знал (Пирлинг [145] выудил этот драгоценный факт из венецианских и флорентийских архивов). Папа послал Фоме для оплаты обозных 700 дукатов.

Очевидцы полагали, что сундуки с царским добром [...]. А на самом деле это были ящики с драгоценным грузом: с книгами и рукописями византийской царской и патриаршей библиотек! Если положим ориентировочно на подводу четыре ящика, а в ящике минимум десять книжных единиц, получим в среднем огромную библиотеку в 2800 греческих и иных книг и рукописей. [...]

Водворившись лично и разместив драгоценные книжные сундуки в отведённом ему, как отмечено, поместительном [...] здании, Фома стал ждать прибытия в Рим из Корфу своей жены и троих детей (Зои, Андрея и Мануила, старшая Елена была уже замужем за сербским королём Лазарем II).

Однако проходили месяцы, а о семье ни слуху ни духу; Фома уже считал своих детей погребёнными на дне морском. Отсюда тоска и тяжёлая болезнь, в 7-8 дней унёсшая его в могилу (2 мая 1465 г.). Иные считали его жертвой чумы. Его останки были погребены в склепе св. Петра. [...]

Двуликий Янус

Перед смертью Фома избрал кардинала-грека Виссариона душеприказчиком и опекуном своих детей, изъявив, по мнению Ф. И. Успенского, согласие на воспитание их в католическом духе. Дети Фомы прибыли на другой день после смерти отца. Виссарион всячески заботился, чтобы обезопасить детей Фомы от чумы, свирепствовавшей тогда в Риме. По соглашению с папой, он до октября направил их в Синьён, в замок епископа, бывшего секретаря Виссариона.

Относительно воспитания юных Палеологов существует один источник: программа занятий и жизни, составленная Виссарионом 9 августа 1465 г. Сам Виссарион происходил из бедной и незнатной греческой семьи и достиг положения благодаря только своим личным достоинствам и талантам. Пришлось ему жить на Западе: узнал он латинян, цену денег, личных дарований.

Язык программы, данной им педагогу принцев, по имени неизвестному, отличается своей резкостью. [...] Виссарион держал принцев, как говорится, в ежовых рукавицах. Как-то в пути, во время молитвы о папе, принцы покинули церковь. Виссарион поставил им ультиматум: либо следовать его советам, либо покинуть Запад!

---

[145]Пирлинг Павел (1840-1922) - родился в Петербурге, образование получил в Вене и Риме. Секретарь ордена иезуитов. Автор труда «Россия и папский престол».

Решительным было влияние Виссариона на судьбу Софьи [146], вокруг которой отныне для нас весь исторический интерес.

В каком направлении? По категорическому утверждению академика Ф. И. Успенского, «не может быть сомнения, что после смерти отца в 1465 г. Софья воспитывалась в римском обряде».

Но почему же в таком случае Софья, очертя голову, объявила открыто себя православной, едва вступив на русскую землю?

Названный академик на этот счёт в сильном смущении: «Не должен ли был Виссарион, снаряжая Софью в Москву, дать ей секретные наставления о вере» или не был ли план воспитания «фиктивным, мистификацией»? Сам Пирлинг не доходил до такой мысли, хотя, по его словам, «душа великого кардинала целиком обнаруживается в этом документе» [147], т. е. в программе занятий и жизни юных Палеологов.

Выходит, что Янус-Виссарион, научая Софью правилам католической церкви, в то же время внушал ей оставаться преданной вере отцов. Ф. И. Успенский приводит и мотив - «питал надежду на политическое возрождение Византии» с помощью восточного православного царя.

Пирлинг, однако, другого мнения, заявляя категорически: «Зоя была католичкой, явно придерживавшейся римского обряда» [148].

Жених и Зои

Виссарион находил Зою (так она звалась до вступления на русскую землю) достойной её знаменитых предков, ласковой и прекрасной, умной и осторожной. Он мечтал о царском венце для неё.

Зое было лет 12, но красота её уже гремела. Для сына Людовика Гонзаги [149] искали невесту. Людовик собрал сведения о её отце, тот оказался нищим. Жена Людовика решительно выступила против «невесты без копейки». Сам он был того же мнения: не по средствам взять невесту-бесприданницу.

Смерть отца и неудачный крестовый поход папы Пия II мешали пристроить Зою. Тут - тёмный пункт в истории Палеологов.

В 1466 г. папа Павел II сватал Зою богатому князю Караччиоло [150]. Дело ограничилось одним обручением, Почему?

История умалчивает. Фамилия Караччиоло - знаменитейшая в Италии. В Греции она имела обширные владения. Об этой помолвке

---

[146]Говоря о младшей дочери Фомы Палеолога, автор называет её то Зоя, то София. Зоя - имя, данное ей при крещении. Софией она стала себя называть по приезде в Москву.
[147]Пирлинг П. Россия и папский престол. Кн. 1. М., 1912. С. 156.
[148]Там же. С. 187.
[149]Гонзаго Людовик (XV в.) - представитель знатного итальянского рода, правившего Мантуей.
[150]Караччиоло Роберто (1425-1475) - итальянский прелат.

свидетельствует очевидец обручения.

Третий претендент, сомнительного происхождения, Иаков Лузиньян [151], незаконный сын кипрского короля и гречанки из Патраса. Молодой человек был красив собой, умён и образован, но его умышленно зачислили в воинство Христово, сделали епископом. Первое известие об этом браке идёт из Венеции. Папа, Виссарион и другие одобрили этот брак, как политический, но вдруг, в 1467 г., в мае, переговоры были резко прерваны... Почему? Ищите женщину! Явилась соперница, Екатерина Корнаро [152], красавица, которую наперебой изображали Беллини, Тициан, Веронезе. Вдруг флюгер повернулся, потянуло ветром из Москвы. Там великий князь Иван III, овдовев, высматривал новую жену [...]. Узнал он о царевне греческой веры в Риме, высматривающей жениха. Открыто заслать сватов было как будто не к лицу: лучше сперва узнать, что и как. Для этого нужен был человек доверенный и ловкач на редкость... Такой в Москве отыскался: заурядный на вид Фрязин, Иван Фрязин, иностранец латинской расы, по паспорту - Жан Баттиста Делла Вольпе. На него пал выбор великого князя, его-то последний и решил тайно послать в Рим на смотрины и разведку.

Вольпе, родом из Виченцы, происходил из старинного семейства немецких выходцев. Один из членов этой фамилии, Тревизан Вольпе, владел в окрестностях Виченцы прекрасной обширной виллой, где не отказались бы жить князья.

Вольпе был авантюрист, лукавый и увёртливый, с покладистой совестью, любитель смелых предприятий и крайне неразборчивый в средствах. В 1469 г. он уже проживал в Москве и был вхож в Кремль, чеканил монету для великого князя Ивана III. Как чеканщика москвичи его очень ценили. Неизвестно по каким мотивам, но Вольпе перекрестился в Москве. Антонио Джислярди был племянником его и верным помощником [...].

Около середины 1468 г. в Риме появилось два посла от Вольпе: родственник его Николо Джислярди и грек Юрий. По какому праву простой чеканщик великого князя послал послов и что привело их в Ватикан? Об этом умалчивают римские источники. Известно только, что папа Павел II велел выдать 9 июня 1468 г. 41 флорин на путевые издержки послам Жана Вольпе, обитающего в Москве. На другой же день послы получили деньги. Таким образом, инициатива принадлежала Москве, а условия, при которых сношения происходили, совершенно исключительные.

Известно, как трудно было иностранцам, находившимся на службе у царей Московских, уехать из России. Когда они покидали её даже на короткий срок, им ставились всевозможные препятствия. Если Вольпе так свободно сообщался с заграницей и даже снаряжал послов - это значило,

---

[151]Речь идёт о будущем короле Кипра Иоанне III (1460-1463).
[152]Карнаро Екатерина (1454-1510) - королева Кипра.

что великий князь действовал с ним заодно и что в виду имелись серьёзные, пока прикровенные цели.

Вскоре в Москву вернулся посланец великого князя грек Юрий с ответом, а русский неизвестный компилятор, не разобравшись, решил, что Юрий - посланец Виссариона, якобы инициатора по брачному делу. Летописец писал, что 11 февраля 1469 г. один грек, по имени Юрий, явился в Москву послом от Виссариона. Византийский кардинал писал великому князю Ивану III, что в Риме живёт православная христианка по имени София, дочь бывшего морейского деспота Фомы Палеолога. Из отвращения к латинству она уже отказала двум западным государям - королю Франции и миланскому принцу. Но великому князю нечего опасаться чего-либо подобного: если он пожелает взять княжну в супружество, её не замедлят отправить в Москву. [...] Что касается подробностей у летописца, то они не выдерживают критики.

Прежде всего, Зоя не принимала ещё имени Софии. Затем, ни Людовик XI, женившийся вторично в 1452 г. на Шарлотте Савойской, ни Галеаццо Сфорца [153] не претендовали на руку царевны-сироты.

Кроме того, Зоя, по выражению Пирлинга, «настолько мало ненавидела латинцев, что согласилась на брак с королём Кипра» [154]. Пирлинг не считает возможным допустить, чтобы прямой и правдивый Виссарион отрёкся от латинства перед Москвой, хотя и допускает, что «была у него задняя мысль: супруг Зои мог стать защитником против неверных; могущественным заступником Византии» [155].

Русские люди должны были радоваться браку Ивана с греческой царевной. Ведь и Владимир [156] имел супругою гречанку, и император Иоанн VIII, дядя Зои, был женат на москвичке. Тут была польщена национальная гордость. По русской летописи брак вызвал всеобщее сочувствие.

Был назначен посол - ехать в Рим, смотреть невесту и привезти её портрет и продолжить сватовство. Посол - тот же Вольпе [...].

О первом путешествии Вольпе в Рим, кроме русской летописи, упоминает папская (Павла II) грамота от 14.X.1470 г. Летописи сообщают, что царевна немедленно дала своё согласие на брак, а папа просил прислать несколько «бояр» - забрать невесту. Вольпе получил от папы пропуск, действительный на два года. Польскому королю Казимиру IV папа послал грамоту с просьбой пропустить в Рим русских послов.

Джислярди вернулся с ответом касательно Зои и с папским пропуском... до «окончания веков». Вернулся и Вольпе с ответом от папы.

---

[153]Сфорца Галеаццо Мария Второй (1466-ок. 1474) - миланский герцог.
[154]Пирлинг П. Указ. соч. С. 172.
[155]Там же.
[156]Владимир I (?-1015) - князь новгородский и киевский, был женат на сестре византийского императора Василия I Анне.

В Кремле собрался совет, принявший все римские предложения. Здесь явно следовали заранее обдуманному плану. Оставалось только ехать за невестой в Рим. Великий князь отправил с послами письма кардиналу Виссариону и папе Калликсту. Папа Калликст умер, не дождавшись послов. Послы дорогою выскоблили имя Калликста, надписав имя Сикста IV.

В первых числах мая 1472 г. Вольпе встретился в Болонье с престарелым Виссарионом, ехавшим во Францию, чтобы увлечь последнюю в крестовый поход. [...] (Сикст IV, севши на папский престол, тотчас возглавил антиоттоманскую лигу, побуждая европейские дворы двинуться в крестовый поход против турок.)

24 мая 1472 г. послы Ивана III во главе с Вольпе прибыли в Рим, чтобы заключить брачный договор с дочерью бывшего пелопоннесского удельного князя, во время оно жившего в Риме на иждивении апостольского престола. В ожидании приёма папой послы жили в доме на Монте Марии, с высоты которого был виден весь город. Тем временем шли розыски о вере русских. Всё же брак принципиально был одобрен.

Глава II. Королева русская

Помолвка

Помолвка была совершена в соборе Петра и Павла. Потом состоялся приём у папы. Послы присутствовали на секретном заседании консистории [157]. Тут они представили незапечатанную грамоту великого князя на небольшом пергаментном листке с подвижною золотою печатью, На грамоте значилось несколько слов на русском языке: «Князь Белой Руси Иван, ударяя себя в лоб (бия челом.- примечание автора.), шлёт привет великому Сиксту, римскому первосвященнику и просит оказать доверие его послам». Послы поздравили папу с восшествием на престол и поднесли подарки: мантилью и 70 собольих шкурок.

Папа хвалил князя за то, что тот принял флорентийскую унию и выразил желание на брак с христианкой, воспитанной под сенью апостольского престола. Была выражена благодарность за подарки. Папа назвал невесту дочерью апостольского престола и святой Коллегии, так как она долгое время воспитывалась на средства церкви. Потом папа выразил пожелание, чтобы помолвка была совершена в базилике главы апостолов, Так писал Маффен [158]. В его писании грубый ляпсус: флорентийская уния никогда не была принята в Москве! Уния 1449 г. была поддержана в польском Киеве, который в 1458 г. признал главенство папы.

Собственно обручение состоялось в Ватиканском соборе. Принцессу окружало избранное общество: королева Боснии Екатерина, изгнанная

[157]Консистория - в католической церкви собрание кардиналов в присутствии папы.
[158]Маффен Джовани-Пьетро (1535-1603) - итальянский историк, иезуит. Автор трудов по истории Италии.

турками, и её окружение - единственные славянские женщины, находившиеся при обручении будущей московской царицы. Медичи были представлены Клариссой Орсини [159].

Знатнейшие патрицианки Рима, Флоренции и Сиены явились в храм. Кардиналы прислали своих представителей. Однако имя епископа, совершившего обряд, история позабыла!

И ни одного грека на торжестве! Невестка императора Константина (дяди Зои) Анна провожала её к алтарю.

Во время торжества обручения произошёл досадный инцидент, При обмене колец Вольпе, застигнутый врасплох, должен был признаться, что не привёз перстня для невесты, так как в Москве-де нет такого обычая. Его извинения показались подозрительными, явились сомнения в его полномочиях. На следующий день Сикст IV в присутствии всей консистории сетовал на то, что посол действовал без формальных полномочий своего царя.

К самой виновнице торжества Сикст IV до самого конца относился отечески-великодушно. Казалось, дело близилось к развязке. Да и пора было: ведь от начала сватовства до самого бракосочетания прошло целых четыре года!

Портрет

Что представляла из себя на вид знаменитая царевна7 Этот вопрос всего сильнее, конечно, интересовал самого жениха. Необходим был портрет невесты. [...] Вольпе, посланный великим князем в 1472 г. за портретом, всё же извернулся: он из Рима «царевну на иконе писану привезе». Интересный портрет этот не сохранился до нашего времени, а любопытно было бы сравнить его с тем противоречивым, какой дошёл до нас в письменных отрывках.

Разнобой уже в отношении роста: по одним данным - она невысокого роста, по другим - выше среднего.

По Виссариону, Зоя была красавица, достойная своих знаменитых предков: ласковая и прекрасная, умная и осторожная. [...]

Другие указывают на черты хитрости и злости в её характере. Но, кажется, особой приметой её внешности была исключительная полнота.

Бойкое перо одного гуманиста, Луиджи Пульчи [160], набросало нам портрет византийской принцессы. Флорентийский поэт оказался чересчур суровым по отношению к Зое, Его Дульцинея, красавица, жена Лоренцо Медичи [161], сделала требуемый этикетом визит невесте Ивана, Пульчи

---

[159]Орсини Кларисса - жена миланского герцога Лоренцо Медичи Великолепного.
[160]Пульчи Луиджи (1431-1487) - итальянский поэт, жил при дворе Лоренцо Медичи во Флоренции.
[161]Лоренцо Медичи Великолепный (1449-1492) - правитель Флоренции, поэт и меценат.

воспользовался этим случаем, чтобы дать волю своему злому остроумию. «Я тебе кратко скажу,- писал он своему другу Лоренцо Медичи,- об этом куполе или, вернее, горе сала, которую мы посетили. Право, я думаю, что такой больше не сыщешь ни в Германии, ни в Сардинии. Мы вошли в комнату, где сидела жирная, как масленица, женщина. Ей есть на чём посидеть... Представь себе на груди две большие литавры, ужасный подбородок, огромное лицо, пару свиных щёк и шею, погруженную в груди. Два её глаза стоят четырёх. Они защищены такими бровями и таким количеством сала, что плотины реки уступят этой защите. Я не думаю, чтобы её ноги были похожи на ноги Джулио Тощего. Я никогда не видел ничего настолько жирного, мягкого, болезненного, наконец, такого смешного, как эта необычная betania. После нашего визита я всю ночь бредил горами масла, жира и сала, булок и другими отвратительными вещами» [162].

Пульчи нарисовал не портрет Зои, а карикатуру. Едкость насмешек вызывалась грубо-материальной причиной. Дело в том, что во время визита беседа затянулась. [...1 Несмотря на поздний час, гостям не предложили ни закуски, ни вина... [...]

Упомянутая Кларисса Орсини (жена Лоренцо), более опытная в оценке красоты, не колеблясь, признавала принцессу прелестной. Многие летописцы придерживались того же взгляда. Среди безжалостных насмешек поэта, настроенного сатирически, можно уловить лишь одну реальную, живую черту. При утончённых дворах Италии, среди женщин Возрождения - изящных, остроумных и нежных - тучная и тяжёлая гречанка была не на месте. Судьба Зои предназначила её Северу.

Но одной карикатуры на человека историку мало. К сожалению, сведения наши о Софье так скудны и отрывочны, что трудно восстановить её облик. [...] Перед нашими глазами мелькает неясный силуэт. Софья была дочерью Палеологов времени упадка. Кровавые семейные распри, лишения и несчастья, может быть, ожесточили её характер и развили наименее благородные влечения её сердца. Она променяла изгнание на трон и очутилась в совершенно чуждой для неё среде. Русские невзлюбили Софью. Она была, по их мнению, женщиной гордой и надменной, притом необыкновенно коварной интриганкой. Зато Софья открыла заповедные двери терема. Она давала аудиенции иноземцам и снаряжала посольства к венецианской сеньории [163]. Всё это были неслыханные доселе новшества. Великий князь становился всё более недоступным, уединяясь в своём величии, становясь всё более самодержавцем и решая почти все дела в «спальне». Злостную причину всего этого усматривали в давлении Софьи на великого князя.

Зато она утешала «старую» Москву в другом отношении: она была искренно православной! Она ревностно исполняла все внешние обряды

---

[162]Пирлинг П. Указ. соч. С. 188.

[163]Венецианская сеньория - правительственная коллегия из 6 сановников в Венецианской республике.

православия. Судя по летописям, Софья едва ли не изведала чудес. Удручённая нехваткой сына, Софья отправилась на богомолье в Троице-Сергиеву лавру [164]. Там, в экстазе видения, ей удаётся вымолить желанную милость.

Другим доказательством благочестия Софьи могут служить советы, которые она давала своей дочери Елене, бывшей замужем за католическим государём [165]. Вообще, Софья постоянно являлась горячей защитницей православия.

Приданое

Вопрос о приданом Софьи Палеолог стоит в истории чрезвычайно своеобразно. С одной стороны, она нищая сирота-бесприданница, а с другой - обладала неслыханным в мире по ценности «приданым». Но фактическое положение «царевны-бесприданницы» сказалось болезненно на её личных переживаниях, ожесточило её и с тем большей лёгкостью бросило в берлогу царственного медведя в глуши московского Залесья. Бесприданница! Из-за этого расстроилась её первая партия с итальянским маркизом, то же, по всей видимости, случилось и с королём кипрским...

Виссарион особенно остро воспринимал эти удары судьбы, едва ли не более болезненно, чем сама Софья. Кардинал самоотверженно хлопотал о её приданом: готов был заложить своё движимое и недвижимое и всё, чем владели её братья, Андрей и Мануил.

Папой на приданое сироте было ассигновано шесть тысяч дукатов помимо подарков.

Своим приданым сама Софья считала Византию и византийскую царскую библиотеку. Имела ли она право так считать? Ведь был в живых её старший брат Андрей, последний представитель мужской линии династии и, после смерти отца,- законнейший наследник византийского трона, и сам он считал себя наследником престола отца.

Пирлинг готов лишить его этого права на том основании, что Андрей не пытался вернуть это право оружием и даже не прибегал за помощью к европейским дворам. И мудро делал! Он понимал реальное соотношение вещей. На его глазах складывался проект крестового похода против турок (отца с папой) и как он бесславно рухнул, Андрей оказался до конца реалистом, он понимал, что, при всех правах, византийский трон - «синяя птица», и предпочёл использовать свои права иначе: он продавал их европейским честолюбцам и оптом и в розницу.

«Андрей пустился в торговлю,- говорит Пирлинг,- стал разъезжать по Европе, чтобы продавать свои наследственные права на звонкую монету. Последняя Андрею была тем более нужна, что Ватикан стал снижать ему

[164] В XV в. - монастырь.

[165] Дочь Ивана III и Софьи Палеолог Елена (ум. 1513) была замужем за великим князем литовским Александром Казимировичем. Он проявлял веро-терпимость по отношению к православным под влиянием жены.

пенсию» [166]. Поэтому, можно думать, когда царская греческая библиотека была в Риме и в его полном распоряжении, он выбрал из отмеченных ящиков более ценное, чтобы торговлею с рук поддерживать свой скудный паёк. Такой была в его руках и хризобулла [167] на пергаменте с пурпуровой подписью и золотой печатью. Хризобулла была в его руках в 1483 г. Можно только догадываться, что он специально [...] приезжал в Москву, чтобы погреть руки в отцовских сундуках, которые сам же и устраивал в подземном аристотелевском сейфе в Московском Кремле. По тому же, надо думать, делу приезжал он в Москву и в 1490 г.: доступ в подземную библиотеку ему был беспрепятственно открыт! Ведь это он с отцом спас её от погрома турок, на радость человечеству; ведь это он один (Софье было не до того) заботился о благополучной доставке бесценного сокровища в Москву; ведь это он с Фиораванти [168] (отцом и сыном) и с юным Солари [169] размещал её в новом, добротном, каменном подземном мешке! Ему ли было не рыться в ней свободно за «хризобуллами» разного рода?

Но и другое важное дело влекло его в Москву - сестра и её неизменные претензии на византийское наследство. [...]

«Смотрела ли Софья Палеолог на Византию, как на своё приданое,- спрашивает Пирлинг,- и внушила ли эту мысль своему супругу?» [170] Несомненно, но только теоретически: фактическими правами на Византию она не обладала, Но была возможность приобрести это право: перекупить у брата первородство за «чечевичную похлёбку» звонкой монеты. Может быть, она сама и вызывала его дважды с этой целью в Москву.

Андрей, во всяком случае, не прочь был поторговаться с сестрой. Ведь он уже дважды продавал своё первородство (королям французскому и испанскому), почему не поделиться им с родной и честолюбивой сестрой. Для этого надо было лично ехать для переговоров в Москву. В Москве, как отмечено, был он трижды. В первый раз в - 1472 г. и пробыл в Москве несколько лет, пока не прибыл и не построил подземного книжного сейфа Аристотель. Во второй раз пробыл в Москве с год (1480-1481 гг.); в третий раз пробыл шесть лет ((1490-1496 гг.).

«Русские летописи выказывают ему мало сочувствия; они сухо отмечают, что одно из посещений брата стоило царевне Софии немало денег» [171]. Последнее обстоятельство вызывает у Пирлинга подозрение: «Не вступил ли Андрей в сделку со своей сестрой и, как новый Исав, не

[166]Пирлинг П. Указ. соч. С. 267.
[167]Хризобулла (хризовула) - торжественная грамота византийских императоров. В форме хризобуллы публиковались законы, договоры с другими государствами, важные императорские пожалования.
[168]Фиораванти Аристотель (1415-1485) - итальянский и русский зодчий. Участвовал в строительстве Московского Кремля. Ходил в походы с Иваном III на Тверь и Новгород в качестве мастера пушечного дела.
[169]Солари Пьетро Антонио (1450-1495) - итальянский и русский зодчий. Строитель стен и башен Кремля, а также Грановитой палаты.
[170]Пирлинг П. Указ. соч. С. 272.
[171]Там же, С. 270.

продал ли он за деньги права своего первородства?» [172]

Думается, это сомнению не подлежит.

У Кремля с Византией, кроме многих других, была ещё одна общая черта; и там и здесь могли происходить события, и даже целые дворцовые перевороты, результаты которых обнаруживались, но их подробности оставались тайною.

Удивительно ли, что не только судьба права на Византию, но и конкретная библиотека византийская - эта глубокая династическая тайна Палеологов, раз попав в Москву, пребыла непроницаемою тайной вплоть до наших дней?

Какой же изо всего вывод? Что Софья приехала в Москву не нищей бесприданницей, а царственной невестой с богатейшим приданым, какое только знал когда-либо мир.

Фрески

Брак, так нашумевший в истории, удостоился даже особой фрески, обессмертившей его. Об этой фреске писано уже кое-что, но неясностей в тех писаниях много, а туману ещё больше.

Лично я в Риме фрески не изучал, фотоснимка с неё, изданного в томе XV «Записок Московского археологического института» за 1912 г. в трёх просмотренных экземплярах этого тома, в Ленинской библиотеке не оказалось, и сделать что-либо в этом смысле названная библиотека не могла. [...]

Привожу поэтому высказывания писавших о фреске, представляя читателю самому выбирать вариант, который ему представляется наиболее вероятным.

Первым писал о фреске Ф. И. Успенский:

«В одной из римских церквей, обращённых в настоящее время в больницу, есть фресковая живопись, представляющая Сикста IV, окружённого государями, лишёнными своих царств. Между представленными здесь фигурами должна находиться и Софья Палеолог, как можно заключить из латинской надписи (в шесть строк), в которой упоминаются имена Андрея Палеолога, Леонардо Токко и Софьи Фоминичны Палеолог. [...] Фреска - это живопись, современная событиям, и потому должна представлять портреты Андрея и Софьи Палеолог и, конечно, заслуживала бы издания».

Ф. И. Успенский запросил о фреске настоятеля русской церкви в Риме, архимандрита Пимена. Тот ответил:

«В одной из палат больницы, между двух окон, на высоте 9 или 10

[172]Там же.

метров, фреска представляет папу Сикста IV сидящим на троне. Перед ним три коленопреклонённых фигуры с венцами на головах; эти фигуры должны изображать Фому Палеолога с его двумя сыновьями или его сыновей и деспота Эпирского Леонардо Токко.

На втором плане картины, позади упомянутых фигур, находятся ещё мужские и женские изображения, между последними должна быть боснийская королева и Софья Палеолог. Сфотографировать фреску очень трудно, скопировать неудобно - больные. Костюмы заставляют предполагать, что фреска сделана не в XV в., а гораздо позже и, следовательно, едва ли можно смотреть на изображения, как на портреты». [...]

Отец Пирлинг в своей упомянутой книге «Россия и папский престол», книга 1, пишет на странице 196:

«Фрески Санта Спирита, изображающие жизнь Сикста IV, сохранили память о щедрости этого папы. [...] Налево от прекрасного алтаря, воздвигнутого Палладио [173], на высоте свода, виднеется стенная живопись, более позднего происхождения, чем остальные картины. Изображает она Зою, склонившую колени перед папой. Рядом с Зоей художник поместил, также на коленях, её жениха. Оба увенчаны коронами. Папа изображён вместе с Андреем Палеологом и Леонардо Токко. Он протягивает Зое кошелёк».

Н. В. Чарыков лично фреску изучил, сфотографировал и, как отмечено, издал в томе XV «Записок Московского археологического института» за 1912 г. при статье «Об итальянской фреске, изображающей Иоанна III и Софью Палеолог».

«Прилагаемая фотография снята в 1900 г. по нашему распоряжению с фрески, находящейся в Риме в больнице св. Духа. [...] Больница эта была основана в VIII в. усердием короля саксов Ина для паломников-саксов, при папе Григории II. Преемники последнего, и в особенности Иннокентий III (1198-1216), заботились о поддержании и улучшении помещений больницы и сооружённой при ней издавна церкви. Однако, ко времени избрания на папский престол Сикста IV (1471-1484), здание пришло в такую ветхость, что оно было заново перестроено, причём больница была значительно увеличена, разукрашена живописью и приведена, в общем, в тот вид, в котором она находится в настоящее время. Верхняя часть стены главной палаты больницы окаймлена фресками, изображающими наиболее значительные эпизоды из жизни Иннокентия III и самого Сикста IV, а так как брак Московского великого князя Иоанна III с Софией Палеолог состоялся при Сиксте IV, в 1472 г., то и это событие является предметом одной из упомянутых фресок - той самой, которая воспроизведена на нашем снимке и которая, насколько нам известно, впервые теперь печатается. О ней упоминает отец Пирлинг в своей

[173]Палладио Андреа (1508-1580) - итальянский зодчий.

капитальной истории сношений России со Святейшим Престолом» [174].

Н. В. Чарыков касается этой фрески с археологической точки зрения - относительно времени, когда эта фреска была написана.

«Как интересна была бы она, если бы она была современна увековеченному ею событию! В таком случае можно было бы увидеть в изображении Софии и Андрея Палеологов и, пожалуй, Иоанна Васильевича, портреты, а в тех одеяниях, в которые они облачены, ценные археологические документы. К сожалению, положительные данные, дополненные нашими изысканиями в архиве больницы, доказывают, что фреска была написана не ранее, как через 127 лет после отъезда Софии Палеолог из Рима в Москву.

Латинская надпись, помещённая под фреской, означает в переводе следующее: «Андрея Палеолога, Владетеля Пелопонеза, и Леонардо Токко, Владетеля Эпира, изгнанных Тираном Турок, он (Сикст IV) одарил царским содержанием: Софии, дочери Фомы Палеолога обручённой с князем русских, сверх даров иных, помог шестью тысячами золотых» [175].

Глава III. В Москву! На трон!

Папа просит

Для какого дела Сикст IV «помог» Софье 6 тысячами золотых, о которых гласит надпись? Для торжественного шествия в Москву - на трон!

И папа Сикст IV и кардинал Виссарион были наперебой с царевной любезны и обязательны. Виссарион 24 июня 1472 г. вручил Софье нушительные рекомендательные письма, а папа такие же грамоты через три дня. Самое же важное - папа выдал Софье солидные подъёмные.

Архивный документ об этом от 20.VI.1472 г. Пирлингом разыскан в римском государственном архиве. Собственно, это - платёжный документ трёх кардиналов, главных инициаторов крестового похода, на который было собрано 6400 дукатов.

Поход провалился, и походный фонд оказался свободным. Из этих денег 4 тысячи папа приказал выдать Зое, «королеве русской», «на расходы по путешествию в Россию и на другие цели», 600 дукатов - епископу, сопровождавшему невесту в Москву. Остальные 1800 остаются в кассе [176].

По другому архивному документу, от 27 июня 1472 г., Зое были выданы 5400 дукатов, а епископу 600, что составляет сумму в 6000 дукатов [177]. Деньги эти были истрачены на византийскую принцессу в

---

[174]Чарыков Н. В. Об итальянской фреске, изображающей Иоанна III и Софию Палеолог // Записки Московского археологического института. Т. 15. М., 1912. С. 1-5.
[175]Там же, С. 5.
[176]Пирлинг П. Указ. соч. С. 197.
[177]Там же.

интересах крестового похода. Свита Зои, по замыслу папы, состояла из греков и итальянцев, не считая, конечно, русских, возвращавшихся на родину.

Среди греков был и Юрий Траханиот [178], один из участников брачных переговоров.

Здесь же был и князь Константин, основатель монастыря, канонизированный православной церковью под именем Касьяна.

Представителем двух братьев Зои был Дм. Ралли [179].

Епископа-итальянца Антонио Бонумбре сопровождали латинские монахи.

Трудно установить точно численность отправившихся в путь. В различных городах, которые проезжали путешественники, упоминается то 100 лошадей, то 50.

Известны грамоты Сикста IV к городам на пути Зои: Болонье, Нюрнбергу, проконсулу Любека, почти тождественные по содержанию.

Вот, к примеру, содержание одной из них (герцогу Модены): «Наша дорогая дщерь во Христе, знатная матрона Зоя, дочь законного наследника Византийской империи, славной памяти Фомы Палеолога, спаслась от нечестивых рук турок. Она укрылась под сенью апостольского престола после падения столицы Востока и опустошения Пелопоннеса. Мы приняли её с любовью и с честью, как любимую Свою дочь. В настоящее время она отправляется к своему супругу, с которым она Нашими заботами недавно сочеталась браком. Она едет к Нашему дорогому сыну, благородному Государю Ивану, великому князю Московскому, сыну покойного знаменитого великого князя Василия [180]. Мы хранили славную своим происхождением Зою на лоне нашего милосердия и желаем, чтобы всюду приняли и обошлись с ней благородно. Настоящим письмом Мы убеждаем твою светлость, Государь, во имя уважения к Нам и святому Престолу, воспитавшему Зою, принять её с кротостью и добротою во всех областях твоего государства, где она проедет. Это будет достойно похвалы и даст Нам величайшее удовольствие» [181].

Шествие по Италии

Прощальная аудиенция Софьи у папы Сикста IV состоялась 21 июня 1472 г. Папа принял Зою в садах Ватиканских, в присутствии посла Вольпе.

Момент был удобный поднять вопрос о флорентийской унии и

[178]Траханиот Юрий Мануилович (2-я пол. XV в.) - дипломат, переводчик, служил у московского князя Ивана III.
[179]Из других источников мы знаем, что Софью сопровождал её старший брат Андрей, в заведовании которого был огромный обоз (до 70 подвод) с книгами.- Примечание автора.
[180]Василий II Тёмный (1415-1462) - великий князь Московский, сын Дмитрия Донского.
[181]Пирлинг П. Указ. соч. С. 198-199.

будущем союзнике в крестовом походе на турок: недаром же он, папа, затратил все «крестоносные» деньги на Софью. Такая беседа, действительно, состоялась; об этом упоминают миланские послы, хотя и глухо.

Жизнь, однако, диктовала другое. 1472 г. скорее был годом взаимного отчуждения и охлаждения, нежели сближения.

Как раз в этом году Константинопольский Синод формально отверг все флорентийские постановления; в Москве расточались почести митрополиту Ионе [182], непримиримому врагу Рима. В довершение бед для Рима в конце этого же года (18 ноября) скончался в Равенне самый деятельный и почитаемый защитник унии, кардинал Виссарион.

Отъезд «королевы русской» был назначен на 24 июня; он состоялся в срок, Никогда ещё в Риме не видели такого разноплеменного каравана, какой на этот раз выходил из его ворот.

Византийский орёл, кратковременный гость на Тибре, теперь направлял свой полёт на север. Шли греки в поисках счастья и почестей; туда же стремились итальянцы, чтобы чеканить монету или решать богословские вопросы; за ними и русские, уносившие с собой мечту о восточной империи. Последуем и мы за караваном от одного этапа к другому, по данным новооткрытых на Западе архивных документов, впервые изданных Пирлингом.

Первый город по выступлении из Рима был Витебрародовое поместье Палеологов. Прибыли Палеологи из Рима в Византию при Константине Великом.

Один местный захудалый летописец так отозвался о проходе знаменитого каравана через город прадеда Софии; «...через Витебро к своему мужу проехала знаменитая своей красотой и высоким происхождением принцесса; она была взята в жёны «русским королём», обещавшим за это отвоевать у турок Морею» [183].

Вторым городом, куда затем прибыла Софья, была Сиена. Сиена была предупреждена об этом рекомендательным письмом кардинала Виссариона ещё полтора месяца тому назад. Виссарион писал:

«Мы встретились в Болонье [...] с посланным государя Великой России, отправлявшимся в Рим для заключения от имени своего господина брачного договора с племянницей императора Византийского. Это дело является предметом наших забот и желаний, Мы всегда преисполнены были расположения и сострадания к византийским государям, пережившим великую катастрофу. Мы сочли своим долгом придти им на помощь ради обшей нашей связи с отечеством и нацией. Если невесте

[182]Иона (1448-1461) - митрополит Московский, первый глава русской православной церкви, фактически независимой от Константинопольского патриарха.
[183]Пирлинг П. Указ. соч. С. 200.

придётся проезжать через Сиену, мы заклинаем вас устроить ей блестящую встречу, дабы её спутники могли засвидетельствовать о любви к ней итальянцев. Это придаёт ей особое значение в глазах её супруга, а вам сделает великую честь. Мы же навеки пребудем вам благодарными» [184].

Сиена между тем пребывала глухой к голосу кардинала. Это видно из того, что отцы города никак не позаботились о встрече гостей; этот вопрос возник внезапно, когда почётный кортеж вступил в город; нужны были деньги для экстренной встречи, а городская касса - пуста. Отцы города большинством голосов ассигновали 50 флоринов, а наличных денег нет. Расход пришлось покрывать налогом, который взымался у городских ворот. Принцессе было предоставлено помещение во дворце, что рядом с собором, сложенным из разноцветных камней. Беспечность Сиены представляется странной, если припомнить, что этому именно городу Фома Палеолог продал такую по тому времени драгоценность, как мощи (рука) Ивана Крестителя.

Здесь теряются следы наших путешественников, так как о приёме их во Флоренции не сохранилось никакой памяти. Это тем более загадочно, что во Флоренции того времени эллинизм был в большой моде и греки, изгнанные из Константинополя, селились здесь весьма охотно. Добавить к этому, что во Флоренции царили Медичи, которым Софья была обязана некоторым приданым. [...]

И вот 10 июля Софья в Болонье, на большом приёме во дворце. Все болонцы любовались ею. По словам болонских летописцев, она была пленительна и прекрасна. «Когда Зоя показывалась в обществе, она накидывала на плечи парчовую горностаевую мантию, прикрывавшую её пурпурное платье, Голову её украшала причёска, блиставшая золотом и жемчугом, Всеобщее внимание привлекал драгоценный камень, оправленный в застёжку на левой руке. Благороднейшие молодые люди составляли свиту царственной сироты, спорили из-за чести держать под уздцы её лошадь, Особой торжественностью было обставлено посещение Зоей церкви Святого Доминика, где покоился прах основателя ордена братьев проповедников [185]. Зоя благоговейно прослушала мессу на могиле патриарха. Эта сцена глубоко тронула очевидцев» [186].

Вольпе был гидом. Через Литву он не решился вести караван, через Венецию также. [...] Его влекла родная Виченца. Там народная молва называла его «казначеем и секретарём русского короля». Он смело направился в город своих предков, изящный и живописный.

Караван остановился в упомянутой пригородной вилле Тревизана Вольпе, двоюродного брата Жана Вольпе. 19 июля, за два часа до захода солнца, Зоя въехала в город. Ей было оказано гостеприимство во дворце.

[184]Там же. С. 179-180.
[185]Орден нищенствующих проповедников был основан в 1215 г. испанским монахом Доменианом.
[186]Пирлинг П. Указ. соч. С. 202.

Два дня, 20 и 21 июля - в чаду празднеств и пиров. В городе в её честь - манифестация. Венецианцы прислали Зое ценные подарки и взяли на себя расходы по путешествию принцессы через их территорию.

Эти великолепные приёмы были последними: более Зое не суждено было увидеть лазурное небо и вдыхать тёплый и ароматный воздух родного ей юга...

Вскоре перед караваном встали исполинские Альпы с их снежными вершинами.

С Альп спускались к Риверсто и Триенту, дальше по пути через Инсбрук и Аугсбург.

Летописцы же отметили только проезд каравана через Нюрнберг - 10 августа. Тут привал на 4 дня. Городские власти преподнесли Зое дорогой пояс, женщины - бочонок вина и сласти. В ратуше состоялся большой бал, как предполагалось, с участием принцессы. Однако последняя сказалась больной и не захотела поднимать немецкую пыль своими ножками гречанки.

Два наездника перед её окнами проделали джигитовку, и Зоя подарила обоим по золотому кольцу. В глазах нюрнбергцев Иван был могущественным царём и «жил по ту сторону Новгорода», куда ехал и папский легат, чтобы преподнести Ивану «королевскую корону» и проповедь христианства. Источником нелепых россказней был, конечно, Вольпе. Они были точным отголоском его переговоров с Римом и дали начало странным толкам, державшимся более столетия.

Наконец - Любек (1 или 8 сентября), столица Ганзейского союза [187]. Тут царевна прослыла за дочь византийского императора...

Из Любека тяжёлый месячный переезд морем до Ревеля (Колывани) [188], что «выше Пскова». В Ревеле особенно трудно пришлось Андрею Фомичу, брату Софьи. На его обязанности, как это можно положительно утверждать, лежало наблюдение за целостью и сохранностью отцовских сундуков с книгами царской и патриаршей библиотек.

Их сперва надо было выгрузить с корабля, а потом погрузить, по примеру отца, на 70 подвод. [...]

В Ревеле тевтонские рыцари [189] оказали принцессе приём от имени города.

Сухопутный переход каравана Софьи от Ревеля до Пскова оказался

[187]Ганзейский союз - в XIV-XVI вв. торгово-политический союз северо-немецких городов во главе с Любеком, осуществлял посредническую торговлю между Западной, Северной и Восточной Европой.
[188]Ревель (Колывань) – ныне г. Таллинн (Эстония).
[189]Тевтонский (немецкий) духовно-рыцарский орден образовался в к. XII в. в Палестине во время крестовых походов. В XIII-XV вв. на землях, захваченных у пруссов, литовцев, поляков существовало государство Тевтонского ордена.

трудным и потребовал месячного срока; только 11 ноября Псков увидел у своих стен знатную путешественницу.

На пути к Пскову лежал Юрьев; здесь царевну встретили послы великого князя.

Шествие по Московии

Наконец, наша царевна в Пскове. «И посадники Псковские и бояре, вышедши из насадов и наливши кубци и роги злащённые с мёдом и с вином, и пришедши к ней, челом ударили... И приемши ея посадник с тою же честию и в насады и ея приятелей и казну...» [190]

Что за казна у бесприданницы, самое путешествие совершавшей на позаимствованные у апостольского престола «крестоносные» деньги? Что за казна, специально для доставки которой в Москву пришлось доставить из Италии свыше полусотни лошадей? Что за казна, о которой даже большинство свиты царевны не имело никакого представления, допуская лишь догадки, что там - неведомые ценности византийских царей да царский гардероб принцессы. Тогда, кроме избранных, никто и догадываться не мог, а мы-то твёрдо знаем, что там действительно находилась казна, какой мир не видел,- бесценное ядро древних византийских библиотек, царской и патриаршей. [...]

В Пскове Софья (ставшая так называться, как отмечено, по вступлении на русскую землю), вдруг сбросила маску, подчёркнуто-демонстративно, словом и делом заявляя себя стопроцентной православной христианкой.

Сопровождающий Софью папский вероучитель епископ Антоний был, как говорится, «выбит из седла», он только разводил руками, шепча про себя: «Прощай, хозяйские горшки...» Вверх тормашками полетели и «отеческие», но себе на уме, наставления папы и двусмысленные («секретные») внушения Виссариона. По всем церквам псковским пошла Софья «иконы лизать», усердно ставя свечи, с благоговением стала подходить под благословение русского духовенства... [...]

Папский легат Бонумбре являл собою зрелище «рьщаря печального образа» в своём парчовом облачении, в митре, перчатках и с латинским распятием в руках. Он вызывал всеобщее удивление, а когда осмелился не почтить иконы по-православному, то вызвал негодование. Софья, однако, принудила легата подчиниться православному обычаю. С этого момента Рим был забыт и отвергнут: русское православие одержало блистательную победу.

После торжественного богослужения город устроил в честь царевны пир: хмельной русский мёд лился рекою!..

Софья была искренне тронута: казалось, будущее ей улыбалось.

---

[190]Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Спб., 1848. Т. 4. С. 245.

Покидая Псков, от души благодарила псковичей, обещая им своё заступничество перед великим князем.

В Новгороде внешне тот же энтузиазм, такие же празднества, но - из страха перед Иваном: ведь тот уже протягивал руку к такой его святыне, как вечевой колокол. Но Софья торопилась в Москву - на трон! Следы её пути до последней остались в русских летописях.

Вот поезд Софьи уже у стен Москвы.

Гонцы донесли великому князю, что папский легат Бонумбре приказал нести перед собою латинский крыж (крест) - привилегия, предоставленная легату папой. Великий князь экстренно собрал совет: говорили разное. Одни - не обращать внимания, дескать, маловажно; другие опасались скандала, припомнился им митрополит Исидор. Великий князь - к митрополиту (тогда был Филипп) [191]. Тот - решительный протест. «Манифестация латинства в сердце России! Да если он войдёт в одни ворота, я выйду в другие!..»

Бонумбре предложили убрать крест. Легат уступил, и торжественный въезд Софьи Палеолог в Москву, на трон, совершился мирно и достойно.

Это было 12 ноября 1472 г. Москва была уже в зимнем уборе. Софья привыкла к внешнему виду русских сёл и городов, и своеобразная восточная экзотика Москвы произвела на неё скорее доброе впечатление. Боялась она только пожаров, о которых ей так много говорили.

Деревянные, под снегом, лачуги, однообразные ряды лавок и пожарища, много пожарищ... Кое-где виднелись купеческие особняки с каменными подклетами. Последние - они видела: огню пожива, книги некуда спрятать! Даже царственный полукаменный Кремль был мало утешителен [192]. Тревога царевны за судьбу драгоценных книг всё возрастала. Разочарованный виденным, её брат Андрей лишь подливал масло в огонь своими страхами.

Всюду - толпы зевак, близ соборов – давка. Митрополит ожидал её в полуразрушенном соборе (Успенском) [193] в полном облачении, благословил и проводил в покои княгини Марии, матери великого князя. От свекрови - к великому князю - четыре года жданному супругу. Первая встреча, первая беседа о том, о сём [...] Князь произвёл впечатление: представительный, высокий, плотный, в чертах лица нечто дикое. Недаром современники прозвали его Грозным, хоть внук и побил все

---

[191]Филипп (1466-1473) - митрополит московский.

[192]В XIV в. Кремль представлял собой маленький городок церквей. Тут и Благовещенский собор, самый близкий ко дворцу, и до двух десятков церквей, помещённых на небольшом пространстве, прижались друг к другу, рядом с ними монастыри, дома придворных, лавки и мастерские.- Примечание автора.

[193]Строительство Успенского собора в Московском Кремле было начато в 70-х годах XV в. псковскими мастерами Иваном Кривцовым и Мышкиным. В 1474 г. при землетрясении северная стена храма рухнула. Внутри храма находилась небольшая деревянная церковь, где были обвенчаны Иван III и Софья Палеолог.

рекорды, [...] Но, возможно, в этот день грозный царь выражал ласку, и одинокая, в чужой среде, Софья могла питать надежду на счастье.

Из покоев Марии и князя перешли в тот же полуразрушенный собор (внутри его была устроена временная деревянная церковь). Митрополит совершил таинство и благословил супругов.

Так, изгнанная Магомедом, греческая принцесса-беженка пришла в Москву и воссела на московском троне, рядом со своим суровым князем Иваном III. Она стала «королевой русской», но до самой смерти признавала для себя только один титул - «царевна византийская».

Это был брак сугубо политический, вместе с тем подлинно исторический, он был виновником бесчисленных и разнообразных последствий. Для нас, для нашего времени, самое важное из них - Ренессанс в Москве, им созданный.

Глава IV. На троне

Ренессанс в Москве

Отблески Возрождения несли с собой в Москву иноземцы, отовсюду привлекаемые тароватостью (щедростью) тогдашнего хозяина Москвы.

Отбросив монголов назад, в Азию, Русь могла вдохнуть в себя живительное веяние европейского Ренессанса. Русский народ должен был сделаться учеником Европы и воспользоваться плодами её прогресса. Рассматривая брак Ивана III с Софьей Палеолог с этой стороны, мы не можем не признать его выдающимся явлением русской истории.

В Западной Европе в это время было чему поучиться: в Италии Ренессанс был в разгаре. [...] Центром Возрождения являлся Рим. Недаром папа Николай V собрал здесь величайших художников и талантливейших учёных своего времени, основав Ватиканскую библиотеку и дав могучий толчок развитию знаний и искусства. Вечный город возрождался из-под руин. [...] Он как будто вторично переживал золотой век Августа [194]. Дивные создания Анджелико [195], Мелоццо [196], Перуджино [197] вызывали восторг у всех, побывавших в резиденции первосвященника католической церкви, Превознося этот век, гуманисты пользовались языком Данте и Петрарки. Ещё чаще прибегали они к классической латыни, которая бы сделала честь Цицерону и Вергилию. Чудесное изобретение Гутенберга и Фауста содействовало самому быстрому распространению Ренессанса. [...]

Ивана III и Софью Палеолог можно признать настоящими творцами московского Ренессанса. Но уровень культуры у нас в то время, да и в

[194]«...золотой век Августа» - Октавиан Август (63 до н. э. - 14 н. э.), основатель принципата, положившего начало Римской империи. В его правление наблюдался пышный расцвет культуры.
[195]Анджелико (Фра Джованни да Фьезоле) (ок. 1400-1455) - итальянский художник.
[196]Мелоццо да Форми (Марко дельи-Амброджи) (1438-1494) - итальянский художник.
[197]Перуджино (Ваннучи) Пьетро (1445/1452-1523) - итальянский художник.

последующие века не благоприятствовал расцвету московского Ренессанса, и бесценное культурное сокровище, игрою судеб оказавшееся в Москве, веками пребывало у нас мёртвым кладом, мёртвым богатством, глубоко зарытым в Московском Кремле.

Нынешняя эпоха - советская - уготованная почва для пышного расцвета советского Ренессанса, имеющего стать для Запада с «Востока светом». А это, повторяю, после уже сделанного в подземном Кремле весьма возможно.

Москва горит

Ни от одного бедствия старая Москва так горько и так тяжело не страдала, как от «красного петуха». «Красный петух» был ужасным страшилищем, способным в один час истребить годами накопленное, трудами нажитое.

При первом въезде в Москву 12 ноября 1472 г. Софью поразило болезненно, как отмечено, большое количество воочию виденных ею пожарищ. Это были ещё не зажившие раны страшного пожара 1470 г. Тогда, по словам летописей, «загорелся Москва внутри города (т. е. в Кремле.- примечание автора.), на Подоле, близ Констянтина и Елены, от Богданова двора Носова, а до вечерни и выгорел весь» [198].

Рассказы об этом [...] глубоко тревожили Софью и Андрея - куда же спрятать от огня отцовские ящики с книгами? Андрей Палеолог, как можно полагать, тщательно осмотрел все княжеские и торговые подклеты (подземных ходов и тайников в тогдашней Москве было ещё мало, и по размерам они не годились) и остановился на каменном подземелье под церковью Рождества Богородицы, близ полуразрушенного Успенского собора в Кремле.

Каждую минуту можно было ожидать налёта нового «красного петуха». Им (Палеологам) сообщили, что после особенно злостного пожара 1470 г. был ещё пожар в год их приезда в Москву - пожар на посаде (в Китай-городе). В тушении этого пожара самое деятельное участие принимал и сам великий князь, он «и много простоял на всех местах ганяючи с многими детми боярскими гасяще и разметывающи» [199].

Опасения юных Палеологов скоро оправдались. 12 ноября они вступили в Москву, а уже через пять месяцев, 4 апреля 1473 г., оба ужаснулись, наблюдая особенно свирепый пожар. Если тогда не сгорела их новопривезенная библиотека, то, как говорится, счастлив их бог!

«Апреля 4 день, в неделю 5 поста, еже глаголется Похвалнаа в 4 час нощи, загорелся внутри града на Москве у церкви Рождества Пресвятые Богородицы [200] близ, иже имать придел Воскресение Лазарево и погоре

---

[198]ПСРЛ. Спб. 1859. Т. 8. С. 158.
[199]Там же. С. 173.
[200]В подвале церкви сложили книги византийской библиотеки.- Примечание автора.

много дворов, и митрополичь двор сгорел и княж двор Борисов Васильевича, по Богоявление Троицкое да по житници городские и дворец житничной великого князя сгорел, а болшей двор его едва силою отняша, понеже бо сам князь велики был тогда в городе, да по каменной погреб горело, что на княжь на Михайлове дворе Андреевича в стене голодной, и церкви Рождества Пречистые кровля сгоре, такоже и граднаа кровля, и приправа вся городнаа и что было колико дворов близ того по житничной двор голодной выгорело» [201].

«Всё выгорело», а до старенькой жиденькой каменной церквушки огонь хотя тоже добрался, но слабо, едва повредив крышу, а заветный подвал с ящиками остался в полной неприкосновенности, неоценимое сокровище было спасено благодаря счастливой случайности! Что должна была переживать молодая чета и её окружение, когда занялась кровля церкви Рождества! Достойно пера драматурга!

На протяжении ряда веков это был единственный случай, когда царская греческая библиотека в Москве подвергалась действительно смертельной опасности от огня. Последующие сокрушительные пожары Москвы - 1476, 1493, 1547, 1611 гг. были для неё нипочём: она уже находилась в недоступном для людей и огня каменном сейфе Аристотеля Фиораванти, этого мага и волшебника своего времени. [...]

Нет, тогда, в 1473 г., она не сгорела случайно, а в следующий, второй при Софье пожар 1476 г., она уже не могла сгореть, так как находилась в заколдованном, специально для неё сооружённом тайнике мастера и муроля [202].

Что завещал нам XV век? Искать, искать и ещё раз искать мировое сокровище, хоть и «мёртвые книги», но целёхонькие в заветном тайнике! Никто почти про этот тайник ничего подлинно не знал: где он, что он, кем построен, когда, зачем? Острые вопросы, ответа на которые в течение веков ниоткуда не могло прийти. Тайник, задуманный после пожара 1473 г,, мыслился его творцом как строжайшая государственная тайна. С годами память о нём стала быстро тускнеть и гаснуть. Многие поколения, сменявшие друг друга на протяжении трёх веков, могли только смутно, будто в сонном видении, догадываться о правде, сомневаться, колебаться, спорить, писать фолианты в доказательство, что ничего не было и нет. А заколдованный тайник с шедеврами человеческого гения продолжал себе бесстрастно и безопасно существовать, ожидая... инициативы Советского правительства!

Как же мы, пытливые советские учёные, можем равнодушно обойти эту разительную тайну русской истории, отвернуться, махнуть презрительно рукой: одни, дескать, бредни, фантазия, предположения - как это ещё делают ныне «иные - прочие» адепты исторической науки. [...]

---

[201]Там же. С. 177.

[202]Муроль - каменщик.

Помочь полной реализации векового предприятия - точнее, извлечению из кремлёвских недр библиотеки Грозного, предприятия, подсказанного чувством нового Советского правительства, и ставит себе основной задачей настоящий труд.

Но - к делу!

Глава V. Московский тайник

Гений Ренессанса

После пожара 1473 г., первого грозного московского предостережения великой княгине Софье Палеолог, юные брат и сестра Палеологи вкупе с многоопытным в пожарном деле Иваном III думали-гадали: как быть, что делать, чтоб спасти от огня и лихих людей благополучно прибывшую в Москву бесценную царскую библиотеку, это негласное приданое царевны-гречанки. Андрей и Софья, несомненно, настоятельно доказывали Ивану III, что единственный способ спасти сокровище - это поместить его в специальный подземный каменный сейф, а Кремль превратить в неприступный, с подъёмными мостами средневековый (типа Миланского) замок.

Но где взять зодчего, способного на это большое дело? Было вынесено решение - послать в Венецию дворянина Семёна Толбузина звать на это дело европейскую тогдашнюю знаменитость, слава о которой докатилась до Москвы, «мастера муроля и пушечника нарочита» зодчего Аристотеля Фиораванти, которого Софья по Риму знала лично.

И вот 24 июля 1474 г. московские послы великого князя Толбузин и Джислярди выехали в далёкую Венецию в поиски за «мастером муролем». Толбузин и Джислярди открыли собой вереницу русских послов в Европе. В Венеции Толбузин принялся набирать мастеров и художников всякого рода. Он привёз с собой в дар сенату собольи шкурки, а сенат от 27 декабря того же года одарил его золотою парчою в двести дукатов. Сам Толбузин получил парчовое платье, секретарь его - платье из камки, а слуги - из багряного сукна. Поиски Толбузиным в Венеции «мастера муроля, кой ставит церквы и палаты», увенчались успехом. Случайно Толбузину встретился на улице подросток Пьетро Солари, ученик Аристотеля, который и проводил посла в дом последнего. У Толбузина было мало надежды на благоприятный исход его миссии. «Многи у них мастера,- сокрушённо писал он своему патрону в Москву,- но не един избрася на Русь» [203]. В конце концов, «тот же Аристотель восхоте и рядися с ним по десяти рублев на месяц давати ему». [...]

Посольство Толбузина навсегда останется памятно истории, ибо оно подарило русских одним итальянцем, имя которого покрыто бессмертием.

Рудольфо Фиораванти Дельи Альберти, более известный под именем Аристотеля, был одним из знаменитейших художников своей родины

[203]ПСРЛ. Т. 4. С. 199.

эпохи Возрождения, Такой авторитетный судья, как Евгений Мюнц [204], не колеблясь, называет его самым выдающимся инженером и одним из знаменитейших зодчих Италии XV в. Своеобразно выглядит на фоне этого блестящего отзыва личное мнение проф. А. С. Усова, считавшего Фиораванти за «второстепенного техника по каменной кладке» [205].

Оно стоит также в прямом противоречии с отзывом русской летописи: «Все лити хитр вельми» [206].

Аристотель впервые приобрёл себе известность в Риме, где он перенёс в Ватикан огромные монолитные колонны храма Миневры.

Кардинал Виссарион, бывший тогда в Болонье легатом курии, наградил отважного и хитроумного инженера-архитектора суммою в 50 флоринов. Одарённый изумительной энергией («Всегда бодр!» - девиз его жизни), Фиораванти Аристотель скоро заставил говорить о себе и Неаполь, и Милан, и Венгрию.

Наконец, он опять отличился в Риме, где папа Павел II хотел восстановить тот самый гранитный обелиск, который впоследствии был поднят по властному слову Сикста IV [207].

Слава Аристотеля настолько упрочилась, что правитель Болоньи как-то отозвался о нём: «Никто не может сказать, что не знает Фиораванти в архитектуре».

Одновременно этого гениального строителя, Сольпеса средних веков, зазывали к себе и турецкий султан, и великий князь московский.

Аристотель предпочёл Кремль сералю. Почему?

Потому, думается, независимо от обиды по делу фальшивомонетчиков [208] - что его самого манила благородная перспектива; ознакомившись ближе с интересовавшими его латинскими книгами заветной библиотеки, надёжно укрыть её потом для грядущих поколений в специальном подземном тайнике, недоступном на века ни для огненной стихии, ни для злой воли человека.

На родине

Несколько сухих биографических данных об Аристотеле Фиораванти заимствуем из статьи К. Хребтовича-Бутенёва в сборнике «Старая Москва», взятых им, в свою очередь, из редчайшей брошюры 1870 г. анонимного автора. [...]

Родиной Аристотеля была Болонья, где строителями работали его

[204]Там же.
[205]Усов А. С. Сочинения. Т. 4. М., 1892. С. 110.
[206]ПСРЛ. Т. 8. С. 181.
[207]Речь идёт о памятнике римскому императору Калигуле.
[208]Аристотель был дважды обвинён в изготовлении фальшивых денег и оба раза оправдан.

отец и дед. Отец (1390-1447) - Фиораванти, мать Беттина Алье.

Аристотель (имя, данное при рождении, а не прозвище, как иные думают) родился около 1415 г., умер приблизительно в 1485 г. [...]

Первою женою Аристотеля была Бартоломея Гарфаньини. От неё он имел сына Андрея и дочь Лауру (родилась в 1465 г.). Вторично женился на Лукреции Поэти в Болонье, а в третий раз на Юлии, от которой имел дочь Елену (родилась в 1472 г.).

В 1436 г. Аристотелю шёл 21-й год.[...] Крепостные стены родного ему города Болоньи строил Аристотель, выпрямлял и передвигал башни и колокольни в Болонье, Мантуе и Ченто; со дна моря в Неаполе поднял огромную тяжесть.

Особенно прославился он в 1455 г. передвижкой в Болонье на 65 футов в сторону башни Della Magione, высотою в 65 футов, в полной сохранности. Башня эта после того нерушимо простояла 385 лет, и лишь в 1825 г. её разобрали без всякой к тому надобности [...]

Пять лет (1459-1464) Аристотель работал на стройке стен Миланского замка; стена Московского Кремля почти точная копия миланской.

В 1474 г. Аристотель постоянно жил в Венеции, где и принял посольство Толбузина и договорился насчёт Москвы.

Аристотель долго не раздумывал: ехать так ехать! Подальше только от родины, которая его обидела, обвинив несправедливо в причастии к делу фальшивомонетчиков. Он не отвечал обидчикам. «Лучше,- говорил он,- сомкнуть уста, чтобы избегнуть безвинного позора». Москва далеко - тем лучше! Там его ждёт работа спелеолога в подземном Кремле по устройству невиданного в мире книжного сейфа! Да и заповедные книги интересовали его [...]

Захватив с собой всё необходимое, а также двух помощников: сына Андрея, 30 лет, и юного подмастерья Петра Антонио Солари (впоследствии ставшего его преемником по стройкам в Кремле), Аристотель, с группой набранных Толбузиным рабочих и техников, пустился в далёкий и неверный путь, как оказалось потом - за могилой и крестом.

Покидая родину - увы, навсегда,- Аристотель переживал то же, что впоследствии и Байрон:

Корабль! Валы кругом шумят...
Несися с быстротой!
Стране я всякой буду рад,
Лишь не стране родной!
Привет лазурным шлю волнам
И вам, в конце пути,
Пещерам мрачным и скалам!

Мой край родной, прости. [209]

За белым кречетом

На протяжении двух лет две исторические западноевропейские экспедиции в Россию, в Москву, но какая между ними разница! Триумфальный поход Софьи Палеолог из Рима в Москву летом и осенью 1472 г. с многолюдным караваном и с огромным книжным обозом в 70 подвод внешне носил характер какого-то переселения. Поход Аристотеля Фиораванти, выступившего из Венеции в далёкий путь в разгар зимы (январь 1475 г.), наоборот, носил мирный характер скорее какой-то отборной научно-исследовательской экспедиции, самособранной, подтянутой и подвижной [...]

Аристотель двинулся в путь не вдруг и не случайно, отнюдь не подкупленный 10 рублями «в месяц давати ему». Он заранее всё обдумал и глубоко осознавал всю историческую значимость своей миссии. Он великолепно был заранее осведомлён кардиналом Виссарионом о всех перипетиях и тайных пружинах брачного дела Софии с Иваном, а кардиналом Исидором, надо думать, о том, что такое Москва вообще и её Кремль в частности: его топография, размеры, почва, местоположение, Аристотель, таким образом, имел полную возможность заранее, ещё будучи в Венеции, после договора с Толбузиным, составить глубоко и всесторонне продуманный план своих предстоящих наземных и подземных работ в таинственном Московском Кремле. [...]

Он понимал, что главная цель его вызова в Москву - не постройка какой-то церкви, которую с успехом могли в конце концов построить и псковичи, а в том, чтобы надёжно, на века, спрятать бесценное византийское культурное сокровище. [...] С другой стороны, построить царский каменный дворец, безопасный от огня, а также стопроцентный европейский замок, надёжное убежище от наскоков татар и всяческих врагов - лестная задача!

«Научная экспедиция» Аристотеля вступила в Москву, согласно летописям, 26 марта 1475 г. В литературе вопроса существует попытка сомневаться в этом и утверждать, что Аристотель прибыл в Москву 26 апреля, что ошибочно; в конце апреля по поручению великого князя и по собственным соображениям Аристотель уже выбыл в большую полугодичную, в собственном смысле научно-исследовательскую экспедицию для изучения древнерусских памятников церковного и гражданского зодчества, быта, нравов, словом, всей тогдашней жизни Московии от Москвы до Мурманского побережья. [...]

Имея на плечах солидный груз в 60 лет, Аристотель тем не менее ни на минуту не задумался тронуться верхом в далёкий и неведомый ему путь до самых пустынных Соловков на Белом море, путь в две с половиною тысячи вёрст. Целью отважного рейда, помимо научных устремлений, служил также белый кречет, обещанный им страстному

[209]Строки из поэмы Дж. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда».

любителю и ценителю их миланскому герцогу Галеаццо Мария Сфорца. И - удивительное дело - Аристотель раздобыл-таки трудноуловимую птицу, белого, вернее, серого кречета, и тотчас препроводил его со своим сыном Андреем в Милан, к названному герцогу. Последний успел только раз полюбоваться на эффектный полёт долгожданной птицы, как был заколот кинжалом убийцы.

Тем временем шли подготовительные земляные работы в Кремле для сооружения книжного сейфа. Работы вёл любимый ученик Аристотеля («подмастерье, Петрушею зовут»), молодой Пётр Антонио Солари, будущий преемник «гения Ренессанса».

Весь первый год пребывания на гастролях Аристотель метался по Московии по личным и научным делам; в Москве он пробыл всего два месяца с небольшим. Он вообще не торопился с Успенским собором. На первом плане у него стоял подземный книжный сейф для византийской книжной «поклажи». [...]

По-новому

Наконец, в конце 1475 г. Аристотель вплотную приступил к будням своей исторической миссии в Москве, к сооружению дивного средневекового замка в глуши Московского Залесья. Прежде всего он сверил свой венецианский план замка, набросанный им наобум, по рассказам митрополита Исидора, некогда бежавшего из Москвы от гонений за принятие флорентийской унии, с подлинной топографией Кремля, бывшего теперь перед ним воочию, и внёс необходимые поправки. Пока шли своим порядком неотложные работы по сооружению подземного Кремля, Аристотель приступил к постройке по-новому Успенского собора.

Прежде всего, руины собора предстояло начисто снести. Давно тому назад, в дни Ивана Калиты, на месте нынешнего ветерана Ренессанса стояла жалкая деревянная церквушка, уступившая с течением времени место каменному храму. Стройка последнего началась в год приезда в Москву Софьи Палеолог и длилась три года [210]. Когда уже казалось - вот-вот конец, собор неожиданно рухнул, устояла одна стена. Причина - «земля стукну» - землетрясение. Снести руины - встала перед Аристотелем первая и неотложная задача. Работы по сносу руин тянулись 14 месяцев. Наконец, 12 мая 1476 г. приступлено было к закладке нового храма.

В том же 1476 г. Аристотель отправил письмо герцогу Миланскому, в котором афишировал постройку собора, но ни слова о подземном Кремле: эти работы были строжайше засекречены [...] Постройка собора была Аристотелю и его хозяевам как нельзя более на руку: она отвлекала внимание окружающих от грандиозных засекреченных работ по

[210]Успенский собор (1475-1479) - главный храм Российского государства. Здесь происходили венчания на царство и коронации. Собор являлся усыпальницей митрополитов и патриархов.

подземному Кремлю, с его звездой первой величины - книжным сейфом.

Хитрости зодчего

Аристотель взглянул на руины собора и «храма похвали гладкость». Присмотревшись ближе - «известь не клеевита, да и камень не твёрд»,- авторитетно сказал. Торчала ещё старая стена: велел и её, и всё долой. Летописец подметил это: и не подумал зодчий «приделывати северной стены и полати, но изнова зача делати» [211].

Но прежде, чем «зача делати», «мастер муроль» предусмотрительно построил кирпичный завод и наладил выжигание извести. Глину для завода он нашёл близ Андроньева монастыря, а известь стал выжигать в неолитических пещерных городах на реке Пахре, в сёлах Киселихе и Камкине. Экономя время и пространство, тотчас за Андроньевым монастырём и «кирпичную печь доспе [...] в Калитникове, в чём ожигати и как делати, нашего рускаго кирпича уже да продолговатые и твёрже: егде его ломать, тогда в воду размачивают» [212].

Известь Аристотель изготовлял, с точки зрения москвичей, также по-новому: «Известь же густо мотыками повеле мешати и яко наутрие же засохнет, то ножем не мочи расколупити. Известь же как тесто густое растворяше, а мазаша лопатками железными; вместо бута велел камень ровны внутри (стен.- примечание автора.) класти повеле» [213]. Вместо обычных дубовых мочек велел «всё железо сковав положи[ти]».

Для сноса руин придумал нечто такое, чем снова удивил москвичей и летописцев; им было чудно видеть «барана». «Баран» - таран. «Три древа поставя и концы их верхние совокупив в едино и брус дубов обвесив на ужищи посреди и поперёк и конец его обручем железным скова и раскачиваючи разби» [214]. Баран на Западе был в большом ходу. Там он обыкновенно привешивался между целым рядом брёвен, но Аристотель укрепил его между тремя только брёвнами, связанными вместе у верхних концов, которые, таким образом, составили треножник, а привешенный баран без перестановки был направляем на все стороны. К вершине треножника на цепи, или ужище, привешено было бревно, или баран. Конец барана окован был железным обручем, и, сверх того, самая конечность его была также окована ещё особой железною шапкою. Раскачивая привешенное бревно взад и вперёд, ударяли им в стены и легко разбивали и разрушали их.

И ещё нечто придумал «инженер по устройству крепостей». Там, где использование барана было неудобно, он стены подпёр брусьями, которые потом поджёг и, таким образом, быстро повалил: «Еже три годы делали, во едину неделю и менши развали» [215]. После этого Аристотель приступил

---

[211]ПСРЛ. Т. 4. С. 199.
[212]Там же. С. 199-200.
[213]Там же. С. 200.
[214]Там же. С. 199.
[215]Там же.

к прорытию новых, более глубоких фундаментов: «Рвы же изнова повеле копати и колие (сваи - примечание автора.) дубовые бити» [216].

Рвы для фундаментов глубиною были в четыре и более метров, если верить «Ростовскому летописцу», в дно этих канав он (Аристотель) вбивал дубовые сваи. Длина их неизвестна. Может быть, такая же, как длина свай под башней Кутафьей [217]. Одну такую сваю при работах Метростроя мне удалось выхватить из глубины около 14 метров и поместить в кремлёвский музей [218]. Толстая, до 20 см, она была с одного конца заострена, дубовая кора её выглядела лохматой, высотою свая была около двух метров.

План Успенского собора в Москве свой собственный, отличный от такого же во Владимире-на-Клязьме. И. М. Снегирёв [219] в 1856 г, их ошибочно отождествлял. Против этого говорит как то, что Аристотель во Владимир попал уже после того, как рвы фундаментов были выкопаны, а главное, в московском соборе четыре круглых и два четырёхугольных столба, чего во Владимире не наблюдается,

Архитектурная романтика

Вместе с итальянцами в Москву была занесена идея палаццо - палат. Палаты - это каменные здания: хоромы - деревянные, с теремами, вышками, гриднями и сенями. Под храмами, башнями и палатами неизменно закладывались подземелья, погреба и спои, или склепы. Назначение последних было разнообразное: некрополь, арсенал, ход к воде, казначейство. Так поступал уже Аристотель Фиораванти при постройке кремлёвских каменных соборов: Успенского в 1479 г. и Благовещенского [220], четыре года спустя. [...]

Устройство тайников Успенского собора было начато с подземных. Прежде всего из-под собора был выведен тайник по направлению к будущей Тайницкой башне [221], согласно плану [222]. Постройку этой башни десять лет спустя Аристотель начал самолично.

Вообще, соборы, стены, башни, подземные ходы и пустоты всякого рода сооружались и возводились неизменно по плану Кремля Аристотеля; этим же планом строго руководился и Алевиз, достраивавший стены Кремля в самом конце XV в. Аристотель был отцом Кремля, а не

[216]Там же.
[217]Кутафья башня (1516 г.) - высота 13,5 м, сооружена зодчим Алевизом Фрязиным.
[218]Речь идёт о музее «Подземный Кремль», который пытался организовать Стеллецкий. Судьба его экспонатов неизвестна.
[219]Снегирёв Иван Михайлович (1793-1868) - историк, писатель, автор трудов по истории Москвы.
[220]Благовещенский собор (1484-1489) - домовая церковь русских царей.
[221]Тайницкая башня (1485 г.) - высота 38,4 м. Башня имела отводную четырёхугольную стрельницу, снесённую в 1953 г. при расширении кремлёвской набережной.
[222]Об этом тайнике вспомнил Довнар-Запольский, когда писал в книге «Москва в её прошлом и настоящем» (ч. 11, с. 48), что митрополит Макарий, застигнутый страшным пожаром в 1547 г. за научной работой в Успенском соборе, с большим трудом спасся посредством подземного хода.- Примечание автора.

участником в постройке какой-то его части! Поэтому будет неточно сказать, как это делает С. Ф. Платонов, когда говорит: «Пьетро Солари и другие, с участием того же Аристотеля, строили кремлёвские стены и башни» [223]. С. П. Бартенев лишает Аристотеля даже какого бы то ни было «участия» в постройке Кремля, категорически утверждая, что постройка стен и башен Кремля началась только после 1485 г, (когда, предполагается, Аристотеля уже не было в живых), а закончилась в 1495 г. [224].

Выходит, что Аристотель в деле постройки в Московском Кремле был ни к чему, лишним или случайным человеком, вроде, выражаясь по-современному, летуна и прогульщика, который, кроме Успенского собора, ничего не удосужился сделать в течение по меньшей мере десяти лет.

Аристотель, как отмечено, был одним из строителей Миланского замка, кроме того, реставратором его подземелий. Он был коротко знаком с последними, не хуже строителей. Создавая подземный Кремль в Москве, Аристотель, естественно, ориентировался на Милан.

Сколько времени ушло на оборудование подземного замка в Милане, мы не знаем; но что долгие годы у Аристотеля ушли на Московский подземный Кремль, в этом убеждает личный опыт автора этих строк. Для того чтобы расчистить сравнительно небольшой сегмент засыпанного и забаррикадированного двести лет тому назад тайника, потребовалось, при самых благоприятных условиях, свыше года. Следовательно, годы и годы должны были уйти на то, чтобы в подземной целине Кремля создать подобные же пустоты, да ещё выведя их за пределы наземного Кремля, под Китай-город и под Москву-реку.

Вдобавок, без собственных тайников не обходилось ни одно крупное наземное сооружение в Кремле. Взять хотя бы тот же Успенский собор - не только исторический подземный ход находился под ним, но и целый ряд тайников и сокровищниц в его стенах и даже куполах. Вот - «нижняя алтарная казна». Её видел производивший здесь реставрацию в 1895 г, архитектор К. Быковский. В своём докладе на заседании Московского археологического общества 12 декабря 1895 г. он упомянул и о двух круглых отверстиях на высоте от пола свыше метра, открывающихся внутрь алтаря, которые были заделаны деревянными пробками. Это, очевидно, и есть та, внизу потайная казна, «хранилище драгоценностей на случай опасностей», которая была ограблена французами в 1812 г. А грабить, видимо, было что: 325 пудов хранившегося там серебра и 18 пудов золота,

А вот и казна у шеи средней главы собора. О ней упоминает летопись. Но можно ли в данном случае понимать под «казной» тайник как помещение? Мартынов говорит «да» [225], Н. А. Артлебен - наоборот - «казны

[223]Платонов С. Ф. Москва и Запад. Берлин, 1926. С. 8.
[224]См.: Бартенёв С. П. Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912. Т. 1.
[225]Мартынов А. А. Успенский собор в Москве. М., 1856, С. 3.

помещения там быть не могло» [226].

Спор мог быть решён только личным его осмотром. Это сделали архитекторы И. П. Машков и К. Быковский. Первый видел там в 1911 г. «тайник пустой, по которому ходил»; второй также видел там «пустое пространство». «Вероятно,- догадывается он,- мы видим здесь казну, которую, по сказаниям летописи, устроил Аристотель Фиораванти при самой постройке собора. Этот круглый коридор с внутренней стороны купольной стены, перекрытый каменными плитами, мог иметь доступ через купольное окно и люк в плитяном покрытии коридора» [227]. [...]

Но аристотелевские секреты собора этим, оказывается, не исчерпываются. «В замке сводов заложены четыре угольные каменные плиты с четырёхугольными посредине углублениями на 1,5 вершка [228], мерою в 2 вершка. В кладке сводов, на расстоянии от замка сводов 4 аршина [229] 3 вершка, заделаны выступающие поверх сводов железные ушки с отверстиями» [230].

Архитектурная загадка, вопиющая о разгадке, но архитекторы остались к ней холодны, как мрамор. Как было не вскрыть, используя «железные ушки»? Пустить бы туда спелеологов, картина получилась бы иная!

С именем Аристотеля связан и Благовещенский собор в Кремле. По Забелину [231], он заложен в 1484 г. ещё при жизни Аристотеля «и, быть может, под его наблюдением... Разрушив дедовскую постройку, Аристотель заложил новую, на каменном подклете».

На хорах собора найдены два тайника, закрытые каменными плитами, ведущие в помещение арок. Арки оказались пустыми. По-видимому, это те самые хранилища, про которые барон Мейерберг [232] писал ещё в XVII в., что в верхнем своде церкви Благовещения хранятся сокровища. Четыре подземных тайника, по сведениям И. М. Снегирёва, связывают Благовещенский собор с Грановитой палатой [233]. [...] Против ризницы Благовещенского собора - люк в мостовой, заложенный камнем и чугунной плитой. Люк вёл на белокаменную лестницу. Лестница была расчищена на 15 ступеней и вновь заложена. Лестница приводила в

---

[226]Артлебен Н. А. Казна Московского Успенского собора // Древности. Труды МАО. Т. 8. С. 123.
[227]Быковский К. М. Доклад на заседании Московского археологического общества 12 декабря 1912 г. Отдельный оттиск.
[228]Вершок равен 4,45 см.
[229]Аршин равен 72,12 см.
[230]Быковский К. М. Указ. соч. С. 3.
[231]Забелин Иван Егорович (1820-1908/1909) - историк, археолог, сотрудник Оружейной палаты, фактический директор Исторического музея в Москве. Автор трудов по истории Москвы.
[232]Мейерберг Августин (1622-1688) - австрийский дипломат. В Москве был с посольством в 1661-1662 гг. Автор «Путешествия в Московию».
[233]Грановитая палата (1487-1491) - главный парадный зал Московского Кремля, здесь проходили приёмы послов, земские соборы и т. п.

подземелье. Слышно было, как по своду подземелья ездят и ходят, [...] Тут всё тёмно или неясно.

По соседству - два кирпичных сводчатых, герметически закупоренных тайника. Как в них проникнуть - печатные источники ответа не дают.

Но ещё более ущемляет спелеолога тот факт, что среди подземелий между Благовещенским и Архангельским соборами существует и такое, в котором обнаружена небольшая, ниже человеческого роста, железная дверь с огромным на ней висячим замком. Но рухнул свод, и дверь оказалась засыпанной. Почему рухнул свод? Видимо, от тяжести чугунной решётки между Благовещенским и Архангельским соборами, поставленной в 1835 г. В древности тут решётки не было. Решётка снята в 1915 г., а железная дверь так и осталась манящей, дразнящей и загадочной, но не исследованной до наших дней. А ведь так просто и легко было вскрыть эти «кремлёвские тайны», пользуясь простым спелеологическим методом исследования.

Ещё перл: «При заложении фундамента для кремлёвского дворца была найдена древняя церковь с коридорами из неё, тайниками». Об этом сообщал в 1894 г. протоиерей А. Лебедев, за 45 лет службы в Кремле наблюдавший девять провалов, из которых только два остались незасыпанными. Моментальная, во всяком случае, спешная засыпка всех провалов, без какого бы то ни было предварительного обследования их,- застарелое и тяжкое зло не только советской археологии и спелеологии. [...]

Мой край родной, прости!

Жизнь Аристотеля в Москве для истории сокрыта. [...] По всем признакам Болонья следила за ходом работ Аристотеля в Москве и к моменту окончания им постройки собора в 1479 г. просила великого князя Ивана III (первый отклик в итальянских источниках) отпустить Фиораванти на родину в Болонью, где его ждали давно им начатые, но не оконченные работы. Совершенно не освещена в документах роль в этом деле Софьи Палеолог, которая достигла своего: несгораемый книжный сейф в глубоком подземелье был в её полном обладании! Просьба Болоньи исполнена не была, может быть, потому, что ещё не был закончен постройкой Кремль. Но в 1480 г, из Милана вторично прибыл в Москву ближайший помощник Аристотеля Пётр Антонио Солари, способный быть его заместителем. Тем не менее Аристотель был задержан ещё на пять лет.

Мнение западных писателей о смерти Аристотеля в Москве в 1480 г. опровергается свидетельством русской летописи о личном участии Аристотеля, уже в возрасте 70 лет, в военном походе Ивана III на Тверь в 1485 г. К. Хребтович-Бутенёв принимает годом его смерти 1490 г.

Невольно возникает вопрос: почему Иван III не отпустил Аристотеля ни по личной просьбе последнего, ни по просьбе его родины? Писали

разное.

«Москва,- писал, например, А. Пыпин,- ненавидела всех, кто не был москвичом. Чужестранцы в Москве часто были казнимы смертию. Так был казнён врач Леон, который не вылечил сына великого князя, Ивана Молодого. Врача Антона, который также не смог вылечить одного царевича, зарезали, как овцу. Напуганный такими казнями, архитектор Аристотель стал проситься домой, но великий князь велел его за это схватить, ограбить и бросить в тюрьму» [234].

За что? За простую просьбу об отпуске на родину! Иван III, однако, не всегда был крут на отпуска. Известно, например, что брат Софьи Андрей Палеолог трижды приезжал и уезжал из Москвы [235]; сын Аристотеля Андрей - дважды; сам Солари приезжал дважды, но в третий раз выехать из Москвы с целью - навсегда - ему уже, увы, не удалось, как и Алевизу [236]. Все три зодчих как иностранцы не смогли покинуть Москву и должны были в ней сложить свои кости. Случайность? Нисколько! Это сознательный акт московского двора, поддержанный, видимо, и Софьей Палеолог.

Этот своеобразный триумвират Московского Кремля был носителем самых заповедных его тайн, среди которых «тайною тайн» является книжный подземный сейф. Отпустить в Европу хотя одного из этой славной тройки было едва ли не равносильно заветные тайны Москвы сделать предметом злостных кривотолков. [...] В этом, думается, и только в этом raison d’etre [237] насильственной гибели творцов московской твердыни в её недрах. На костях своих зиждителей основан Кремль! [...]

Глава VI. Генеральный архитектор Москвы

«Генеральный архитектор Москвы» - это гениальный итальянец Пётр Антонио Солари. [...] Однако, хотя он и «гениальный», но русским историкам мало или совсем неизвестен. Как иначе объяснить, что в капитальном двухтомнике «Опыт русской историографии» В. С. Иконников [238] о нём совсем не упоминает? Впрочем, в названном «Опыте» не упоминается вовсе ни один из героев нашего труда: ни Пётр Солари, ни Ниенштедт, ни Иван Фёдоров, ни Конон Осипов, ни Дабелов, ни Тремер не нашли себе места в его обширном «Опыте». Уже из этого видно, какую целину пришлось поднимать автору.

Академик С. Ф. Платонов в своём труде «Москва и Запад» упоминает о Солари, кажется, только раз, когда говорит: «Иные мастера-иноземцы

---

[234]Пыпин А. Н. История русской литературы. Изд. 2-е. Спб., 1902. Т. 2. С. 304.

[235]Под давлением, как отмечено, скорее его сестры Софьи, которая недолюбливала брата и всегда стремилась поскорее выжить его из Москвы.- Примечание автора.

[236]Алевиз Новый (Фрязин) (конец XV - начало XVI в.) - итальянский и русский зодчий. В 1503-1504 гг. строил дворец Бахчисарая для хана Менги-Гирея, с 1504 г. работал в Москве. Один из строителей Московского Кремля и Архангельского собора (1505-1508).

[237]Первооснова (франц.).

[238]Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1; Киев, 1908. Т. 2.

(Антон Фрязин [239], Марко Руффо [240], Пьетро Соларио, Алевиз) с участием того же Аристотеля строили кремлёвские башни и стены» [241]. В действительности Солари имеет гораздо большее значение в русской истории, поскольку фактически является одним из основных триумвиров-зодчих Московского Кремля как державной твердыни!

Под небом голубым

Пётр Антонио Солари был на примете у Аристотеля Фиораванти уже подростком 14 лет. Аристотель ценил его способности и трудолюбие и увёз его с собой в Москву как многообещающего сотрудника и возможного преемника.

Перед этим на родине, в Милане, Солари работал подмастерьем у своего отца, известного в своё время миланского зодчего Гвинифорте. Дед его Джиованни (умер в 1480 г.) также был видным зодчим в родном Милане.

Биография Солари на редкость скудная фактами, к тому же крайне запутанная и противоречивая.

Умер он, говорили, холостым, а на самом деле он был женат: жена, узнав об его смерти в Москве в 1493 г. возбудила дело о наследстве. Говорили ещё, будто он впервые появился в Москве в 1490 г. В действительности, это был год его вторичного приезда. Если в первый свой приезд с Аристотелем вместе он строил подземный Кремль и потайной книжный сейф в нём, то теперь строил Кремль - стены и башни.

Родился он, по одним источникам, в 1460 или 1453 г., по другим - уже в 1446 г. приступил к работе.

Будучи младшим представителем славной миланской династии зодчих, он охотно помогал в работах отцу и деду, помогал и учился, впитывая опыт и знание двух поколений.

Дед строил Павийскую Чертозу [242], крепости, каналы (Навилио), средневековые замки, [...], а также цистерны всякого рода, на случай осады или засухи. Был он (дед) также главным строителем исполинского Миланского собора, а заодно и знаменитого Миланского замка-крепости, мало-мало не двойника Московского Кремля.

Славен был дед, а сын, Гвинифорте, побил рекорд, хотя и был короток его век - 52 года всего.

Едва умер отец Солари (точнее, на пятый день), герцог Миланский выдал последнему диплом (на латинском языке), где содержались

[239]Антон Фрязин появился в Москве в 1469 г., можно предположить, что он был одним из строителей Московского Кремля.
[240]Марко Руффо (Фрязин) работал в Москве в 1487 г., точная дата его приезда в Москву неизвестна.
[241]Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 8.
[242]Павийская Чертоза (1453-1475) - католический монастырь в Павии (Италия).

дифирамбы всему роду строителей Солари, в особенности же Гвинифорте, «удивительному по своему дарованию». Да и юный Солари был аттестован «не уступающим отцу по способностям», Амадео, женатый на сестре Солари, был отмечен как строитель гигантского Миланского госпиталя.

От Амадео Солари несколько поотстал: первый имел мужество рано порвать с готикой, создав свой собственный стиль в духе Возрождения; второй этого не успел или не сумел.

В Милане со смертью Гвинифорте, естественно, встал вопрос об его преемнике. А Солари, оказалось, дома нет: он в далёкой Московии. Выписать! - постановили отцы города. И что же? Аристотель и даже сам суровый великий князь, вообще не охотник мирволить «летунам», отпустили его... без всяких проволочек. [...]

Двенадцать лет оставался Солари на творчески продуктивной работе в родном Милане. В это время он женился. А Москва тем временем осиротела... Сам шеф строителей после военного похода с великим князем на Тверь был, как говорят, за просьбу об отпуске на родину брошен в тюрьму, откуда, как видно, уж не нашёл выхода. В опытных руках отсутствующего Солари оказалась острая нужда. Так или иначе, в начале 1490 г. Солари вторично [243] появился в Кремле в качестве преемника своего шефа и главного руководителя по постройке нынешнего наземного Кремля.

Наземный Кремль

Аристотель и Солари, можно сказать, поделили сферы своих работ в Кремле: Аристотель взял для себя подземный Кремль, Солари - наземный. Из этого не следует, что Солари «подземного» не знал: он вместе с Аристотелем и Андреем Палеологом водворял греческий книжный багаж в подземный сейф.

В каком виде были водворены в хранилище книги - в сундуках или извлечёнными из них? Думается, по типу позднейшего архива Грозного - «в сундуках до стропу» [244]. [...] Впрочем, многие ящики были при водворении вскрыты: Аристотеля интересовали латинские раритеты, Андрея Палеолога - уникумы ценою подороже...

Максим Грек, когда перевёл Толковую Псалтырь из этой библиотеки, преподнёс её великому князю со следующими словами: «Прими убо сия, да не паки в ковчезах, яко же и преже, богособранное сокровище, да воссияет всем обще» [245].

Когда подземный Кремль (а строился он десять лет) стал перерастать в наземный, Аристотель ещё находился в Москве (в 1485 г.), верный

[243]Вместе с Андреем Палеологом, который приехал сюда в третий раз.- Примечание автора.
[244]«...в сундуках до стропу» - до сводов палаты.
[245]Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч. 2. Казань, 1860. С. 316.

своему девизу: «Всегда бодр!» [...] Возможно, он был жив ещё в 1486 г. Во всяком случае, зачинателем стройки наземного Кремля был Аристотель. И начал он стройку с самой ответственной стороны и с самой таинственной башни: сторона - вдоль Москвы-реки, откуда следовали первые удары врага; башня - Тайницкая. Последнюю недооценивали в веках: она гораздо более сложна (и окутана покровом подземных тайн), чем думали и думают. Недаром же засекреченное на века подземелье - дело рук такого мастера-спелеолога, как Аристотель Фиораванти!

Летописец, который вообще не разбирался в тайниках подземного Кремля, писал по поводу этого знаменательного события: «Майя в 29 заложена бысть на реце на Москве стрелница у Шешковых ворот, а под нею выведен тайник, а делал её Онтон Фрязин» [246] [...]

Зачем под башней тайник? «Тайником,- отвечает С. Бартенёв,- обеспечивалась одна из самых нужных вещей во время осады - вода» [247]. Бартенёв по инерции утверждает старую ошибочную установку. Он, видимо, не задавался вопросом: как практически проникнуть к воде при наличии осады Кремля неприятелем. Башня на значительном расстоянии от реки - к ней от башни по открытому берегу незамеченным было не прошмыгнуть. Стало быть, пройти подземным ходом, как из гоголевского костёла в г. Дубно в «Тарасе Бульбе» [248]? Но в таком случае выход к самой реке был бы отлично виден с противоположного берега, и по нему неприятель попытался бы проникнуть в город, Такого прецедента история не знала. Следовательно, не ради речной воды был в башне тайник. Для чего же он?

Быть может, под тайником надо разуметь колодец, виденный в башне многими. Быть может, близость колодца от реки обеспечивала в нём близкий уровень подпочвенной воды? В действительности, колодец является глубоким и сухим! Когда в этот колодец спускали в пожар 1547 г. полузадохшегося в дыму в Успенском соборе митрополита Макария, «вужище» [249] оборвалось и несчастный рухнул... на сухое дно! Тайна на тайне, тайной погоняет.

Если не с плачем, как еврей к «Стене плача» [250] - в Иерусалиме (картина, которую пришлось наблюдать лично), то с исследовательской тоской советского спелеолога подходил я к этой Тайницкой во время сноса её пристройки [251], но неизменно отгонял милиционер. Муки Тантала, перевоплотившиеся из легенды в действительность!..

---

[246]ПСРЛ. Т. 4. С. 155.
[247]Бартенёв С. П. Указ. соч. С. 29.
[248]В повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» Андрей пробирается в город к осаждённым полякам по подземному ходу.
[249]Вужище - вожжи.
[250]Стена плача в Иерусалиме на месте, где стоял храм Соломонов, разрушенный Титом, уцелела часть стены. К ней 20 веков евреи приходят перед закатом солнца, чтобы молиться и оплакивать разрушение храма и утрату независимости.
[251]В это время происходил не снос пристройки, а прокладка канализационных труб.

Вскоре после работ по сооружению Тайницкой наступил в работах перерыв (может быть, вызванный смертью Аристотеля надолго, на целых два года. Хотя и жив был Антон Фрязин, но в 1487 г. появляется, судя по летописи, другой, некий... Марко Фрязин, который и закладывает наугольную стрельницу, называемую Беклемишевской [252]. Стена между Беклемишевской и Тайницкой ждала своего подлинного строителя - Петра Антонио Солари: его-то Москва экстренно и требовала подать из из Милана.

А так как была «дистанция огромного размера», то тот же Антон Фрязин закладывает в следующем (1488 г.) «стрелницу вверх по Москве, где стояла Свиблова стрелница [253]; а под нею вывел тайник» [254].

Что за «тайник» - абсолютная тайна, никогда не было покушений ни любительски, ни научно обследовать его [255].

Постройка стены с башнями вдоль Москвы-реки медленно, но продолжалась, и ко времени вторичного прибытия в Москву Солари этот важный отрезок стены московской твердыни был закончен.

Наконец, с Андреем Палеологом приехал из Италии Солари. На обязанности Солари лежало поставить стены и башни с трёх остальных сторон Кремля - задача грандиозная, экзамен на века! Но Солари был молод, полон удали и уверенности в себе.

Превосходно изучив топографию Кремля - наземную и подземную - ещё 15 лет тому назад, Солари решил начать с самого трудного, с прясла [256] между Боровицкой [257] и Свибловской башнями. Тут сливались Неглинная с Москвой-рекой. И хотя эта (самая высокая) сторона Кремлёвского холма представляла собой чуть не отвесные стремнины, почва у подножия была болотистой, а в глубине едва ли не песок-плывун [258].

В первую голову Солари вывел краеугольную Боровицкую башню, затем связал её прясло со Свибловой. Чтобы поставить башню на болоте нерушимо на века, надо было надёжно укрепить фундамент: Солари загнал в грунт множество длиннейших свай.

---

[252]Беклемишевская (Москворецкая) башня (1487-1488) - высота 46,2 м. Названа по двору бояр Беклемишевых, примыкавшему к башне. Некогда использовалась как тюрьма.

[253]Свиблова (Водовзводная) башня (1488 г.) - высота 59 м. Свибловой названа по двору бояр Свибловых. В 1633 г. получила название Водовзводной, т. к. в ней была устроена машина для подъёма воды. В 1805 г. башня была разобрана до фундамента, т. к. угрожала падением, и отстроена заново. В 1812 г. была взорвана французами, затем отстроена заново.

[254]ПСНЛ. Т. 8. С. 217.

[255]Возможно, что этот «тайник» был разрушен при взрыве башни в 1812 г.

[256]Прясло - участок стены между двумя башнями.

[257]Боровицкая башня (1490 г.) - высота 50,7 м. В старину башня имела отводную стрельницу. Башня перестраивалась при Екатерине II и после взрыва 1812 г.

[258]Песок-плывун - песок, насыщенный водой, способный под давлением вышележащих толщ переходить в текучее состояние.

[...] Этот важный и трудный участок работы был закончен в год приезда (1490 г.). Летописец бесстрастно записал: «Пётр архитектон Фрязин поставил на Москве две стрелницы, едину у Боровитцкых ворот, а другую над Костентинопеленскими вороты [259], да и стену свершил от Свибловские стрелницы до Боровитцкых ворот» [260].

Таким образом, одновременно с боровицким участком стены Солари вёл работы и на самом ответственном, особенно изобильном всякого рода подземными тайнами участке - вдоль Красной площади. Задачей Солари здесь было особенно тщательно увязать им же строенный подземный Кремль с теперь возводимым наземным.

1491 год особенно ответственный во втором кремлёвском периоде жизни славного зодчего. Здесь уже было всё организовано, материалы и средства заготовлены и в паузах надобности не было,

Солари построил Набатную башню [261] и - отныне навсегда связанную с Мавзолеем В. И. Ленина - загадочную Сенатскую [262].

Очистка последней от строительного мусора, произведённая в связи с ходом работ по сооружению Мавзолея, обнаружила удивительные вещи. Башня внутри оказалась колодцем неизвестной глубины, так как и на восьмом аршине дно ещё не было встречено. Уж не люк ли это общекремлёвский в подземную Москву?

В 1491 г., в марте, «заложил Пётр Антон Фрязин две стрелницы, едину у Фроловских ворот [263], а другую у Никольских ворот [264], а Никольскую стрелницу не по старой основе заложил, да и стену до Неглимны» [265].

Летописец задал трудную задачу: «не по старой основе...» Это значит: наметил стену вдоль Красной площади не по линии старой кремлёвской стены, а отступивши на Красную площадь.

Однако это «отступление» не было делом инициативы самого Солари,

---

[259]Речь идёт о Константино-Елининской башне (1490 г.) - высота 36,8 м. В старину она имела проездные ворота и отводную стрельницу, в последней в XVII в. была устроена пыточная тюрьма.
[260]ПСРЛ. Т. 8. С. 219.
[261]Набатная башня (1491 г.) - высота 38 м. В старину на башне висел набатный колокол. За призыв к бунту 1771 г. Екатерина повелела вырвать у колокола язык.
[262]Сенатская башня (1491 г.) - в старину башня имела шатровое покрытие, наверху находился медный шар и «кованый железный кустик». Никаких сведений о назначении и использовании этой башни не найдено.
[263]Спасская (Фроловская) башня (1491 г.) - высота 67,3 м. Первые часы на ней были установлены в XVI в. Новые часы были поставлены в XVII в. При реставрации башни в 1911 г. за циферблатом часов найдена надпись, сделанная из медных, вбитых в стену букв, буквы чередуются с плоскими фигурками людей, животных. Учёные датировали надпись XV-XVI вв. Была ли прочитана эта надпись - неизвестно.
[264]Никольская башня (1491 г.) - высота 67,1 м. Была взорвана в 1812 г. и отстроена в готическом стиле. В 1917 г. башня пострадала при обстреле Кремля красногвардейцами.
[265]ПСРЛ, Т. 4. С. 38.

оно было намечено Аристотелем в его плане Кремля ещё 15 лет тому назад.

«Отступить» Солари был вынужден по двум причинам: во-первых, из необходимости увязать подземные ходы из Фроловской, Никольской и Собакиной [266] башен с тоннелем под Красной площадью, тоннелем, который строил в своё время сам же Солари; во-вторых, из необходимости «накрыть» особой башней удивительный по силе родник минеральной воды, бивший на берегу Неглинной. [...]

Эту задачу Солари выполнил блестяще в 1492 г. Летописец замечает: «От Фроловские стрельници и до Никольские заложила подошву и стрельницу новую над Неглимною с тайноком» [267]. «Стрельница новая» - знаменитая Собакина башня, важнейший ключ к подземному Кремлю и таинственному в ней книжному сейфу Аристотеля вместе!

В Крекшиной летописи [268] встречаем драгоценнейшие указания на тайны как этого шедевра итальянского средневековья в Москве, так и связанного с ним «подземного Кремника» вообще. Солари, говорится в летописи, «построил две отводные стрельницы, или тайника, и многие палаты и пути к оным, с перемычками по подземелью, на основаниях каменных водные течи, аки реки, текущие через весь Кремль-град, осадного ради сидения». В этих скупых и туманных словах представлена целая удивительная система, раскрыта вся механика подземной Москвы.

«Отводными» назывались башни с тайниками - «отводами» к реке. «Многие палаты...» - это загадочные подземные камеры. Их зарегистрировано, но ещё не объяснено наукой, всего несколько; множество ждут своей очереди подо всей Москвой. Таинственные сооружения связаны между собой подземными «путями» - магистралями или ходами, сливающимися под Кремль в узловую станцию. Ходы поделены на участки, принадлежавшие разным лицам, отсюда столь частые в подземных ходах железные двери с тяжёлыми замками, или, по образному выражению летописца, «перемычки по подземелью».

Подземные реки под Кремлём «на основаниях каменных» - это секрет Арсенальной башни, заключающий целый ассортимент загадок. Великокняжеский замок нуждался в пору «осадного сидения» не только в воде вообще, добывавшейся через солариевский «тайник» из Неглинной, но и в непосредственном снабжении ею царских покоев. Природа пошла навстречу людским удобствам: под Арсенальной башней оказался обильный водой источник. Его Солари обработал в колодец. В нём вода периодически поднималась, переливалась за борта. Образовались естественные «водные течи», направленные по «основаниям каменным» (желобам или трубам) в подземных галереях, куда следует, с «отводами»

---

[266]Собакина (Арсенальная, Наугольная) башня (1491 г.) - высота 60,2 м, ширина стен до 4 м.

[267]ПСРЛ. Т. 4. С. 161.

[268]То есть летописи, найденной П. Н. Крекшиным (1684-1763), собирателем материалов по русской истории.

в сторону [269].

В конечном счёте, вся восточная сторона Кремля, сторона «приступна» была почти готова. Её оградили раньше той, которая имела естественное прикрытие непроходимыми местами, образуемыми рекой Неглинной и кручами её берега.

После этого опять наступил перерыв в работах по возведению самих стрельниц и стен. Чтобы продолжить работы, надо было сперва расчистить и укрепить от оползней левый берег Неглинной, а также её правый берег на известном пространстве разгрузить от всех и всяческих построек.

Самоочищение места было связано с значительными трудностями. Дворы, церкви, монастыри прочно срослись с теми или иными участками, и снос их был прямым правонарушением, мерою весьма крутою, затрагивавшей не одни материальные интересы стародавних владетелей этих мест. Но воля самодержавного строителя была непреклонной. Летописец замечает по этому поводу, что в 1493 г. «повелением великого князя Ивана Васильевича церкви сносиша и дворы за Неглимною и постави меру от стены до дворов сто сажень [270] да девять» [271].

Таким образом, жильё, где мог бы укрыться неприятель, и мешавшее свободе действий крепостного огня, было отнесено от стены на выстрел. «Того же лета повелением великого князя копаша ров от Боровитцкие стрельницы и до Москвы до реки» [272].

Этот ров, идущий вдоль линии стены, был необходим в стратегическом отношении, так как от Боровицких ворот Неглинная устремлялась в сторону, оставляя перед кремлёвскими стенами значительный треугольник свободной земли, который мог служить неприятелю для агрессивных действий.

Восточная стена оставалась незаконченной: были заложены только фундаменты Никольской башни и прясло до Собакиной; достроена последняя только на другой год после её закладки Петром Солари. [...] Участок неприступной стены между Никольской и Угловой (Собакиной) башней, зиявший пустотой, был временно загорожен деревянной стеной: без этого Кремль являлся проходным двором. Летописец считал это важным и потому записал у себя: «Того же лета поставила стену дровяну от Никольские стрельници до Тайника до Неглимны» [273].

Чрезвычайно характерно, что летописец нынешнюю Арсенальную Угловую башню называет без обиняков «Тайником», с большой буквы, Этим он как бы подчёркивает, что башня «Тайник» и башня Тайницкая

---

[269]ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3. Д. 36. Л. 272-273.
[270]Сажень равна 2,1336 м.
[271]ПСРЛ. Т. 8. С. 226.
[272]Там же.
[273]Там же.

являются альфой и омегой подземного Кремля, что таинственный сезам, раз соблаговолив открыться, откроет и книгохранилище Палеологов в подземном Кремле.

Только недолго простояла деревянная стена: она сгорела во второй (самый страшный) пожар 29 июля того же 1493 г., когда «погоре град Москва и Кремль весь».

Солари до мая этого года вёл непримиримую борьбу с напористым родником в нынешней Арсенальной башне, но погасить пылавшую рядом деревянную стену, используя воду источника, он уже не мог, по той простой причине, что умер в расцвете сил (43 года), простудившись, как думают, при укрощении родника.

Второй июльский пожар 1493 г. был четвёртый пожар в пятилетку (1488-1493 гг.). Софья не переставала благословлять судьбу, что надоумила её ещё 18 лет тому назад надёжно запрятать её книжное наследство [...] в потайных глубинах Московского Кремля. Сгорел и дом перед тем умершего Солари в Кремле, где огнём было уничтожено множество зданий, в том числе «и Боровицкаа стрелница выгоре и градная кровля вся сгоре и новая стена вся древянаа у Никольских ворот згоре».

Если Собакина (Арсенальная) башня, каменные стены которой тщетно опалял гигантский костёр, поразивший воображение современного ему летописца, тем не менее уцелела от огня, то как же могла сгореть (в один из бывших до или после этого пожаров) задвинутая глубоко в землю белокаменная палата с книгами? Остаётся только удивляться подобному недомыслию.

Голос в века

Уцелевшая Собакина башня, повторяю, фокус тайн подземного Кремля!

Недаром сюда именно упорно, но бесплодно стучались века; XVIII век (Конон Осипов); XIX век (Николай Щербатов) [274]; XX век (Игнатий Стеллецкий). Но только советской власти посчастливилось раскрыть все секреты этого удивительного в Москве творения итальянского Возрождения, бессмертного творения Петра Антонио Солари. И пусть Иконниковы небрегут памятью великого члена зиждительной тройки Кремля, забывая в своих трудах упомянуть хотя бы его имя; великий советский народ и культурное человечество не забудут его, пока живёт, цветёт Москва, стоит Фроловская (Спасская) башня, а на ней, над въездными воротами две надписи: латинская, иссечённая на каменной плите рукою строителя башни, и славянская; первая со стороны Красной площади, другая - со стороны Кремля.

[274]Щербатов Николай Сергеевич (1853-1929) - историк, археолог, директор Исторического музея в Москве. В 1894 г. производил раскопки в подземельях Кремля.

Славянская гласит: «Иоанн Васильевич божией милостию великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Тверской, Псковский, Вятский, Угорский, Пермский, Болгарский и иных и всея России государь, в лето 30 государствования своего сии башни повелел построить; а делал Пётр Антоний Соларий, Медиоланец, в лето от Воплощения господня 1491. К. М. П.» [275] [...]

В погоню за мастером

Умирая, Солари указал себе преемника в лице своего земляка и друга, миланца Алевиза.

Нужда в специалисте «стенного дела» была настолько острая, что великий князь уже в самый год смерти Солари отправил на Запад посольство - отыскать и привезти Алевиза, [...]

Кто они, послы? Имена их называют по-разному: у Пирлинга - Докса и Мамырёв; у С. Бартенёва - Мануйло Ангелов, грек, и Данило Мамырёв. Пирлинг послал послов почему-то в Венецию, тогда как Алевиз... жил в Милане. [...]

Послы вернулись не одни: с ними прибыло несколько иноземцев, согласившихся поступить на службу к великому князю. Кроме оружейного мастера Пьетро, неизвестного происхождения, приехали три уроженца Милана: Алоизо Каркано [276], Микале Парпайоне [277] и Бернардино Боргоманейро [278].

Первое место среди них принадлежало Алоизо - Алевизу. В одном из документов той эпохи он именуется maestro da mura [279].

Алевиз поддерживал сношения с роднёй, оставшейся в Италии. Его первые письма из Москвы дышат чувством полнейшего удовлетворения, Тотчас по прибытии великий князь милостиво пожаловал миланскому зодчему восемь смен одежды. Денег у Алевиза оказалось столько, что он собирался при первом удобном случае поделиться ими с роднёй (по сведениям, собранным Пирлингом в миланском архиве).

Мастер на стройке

В Москве Алевизу были поручены все работы, требующие знаний гидротехники, как-то: сооружение рва, устройство шлюзов для наполнения его водой, связанное с этим образование прудов на Неглинной, исправление её русла, укрепление берега и, наконец, постройка... стен и стрельниц. На следующий (1495) год «заложила стену градную камену на Москве возле Неглимны, не по старой основе, града

---

[275]Бартенёв С. П. Указ. соч. С. 129.
[276]Алоизо Каркано - итальянский мастер стенного дела и инженер. Некоторые исследователи считают, что Алоизо - это Алевиз Старый.
[277]Микале Парпайоне - кузнечный мастер.
[278]Бернардин из Боргаманейро - каменотёс.
[279]Мастер стенного дела *(итал.).*

прибавиша» [280].

Солари, как отмечено, провёл стену вдоль Красной площади «не по старой основе», а прихватив новую часть самой площади.

Это было ему необходимо, чтобы накрыть Угловой (Арсенальной) башней минеральный источник. Натурально, Алевиз вынужден был провести свою стену частично по новой основе, чтобы сомкнуть её с отошедшей Собакиной башней.

Кремлёвская стена со стороны р. Неглинной не была укреплена другой, добавочной стеной. Топи Неглинной и крутой склон горы, на которой стена стояла, служили для неё достаточным обеспечением от нападения врагов. Но зато эта же речная вода Неглинной, которая вследствие сделанных при Иване III запруд стояла весьма высоко, просачиваясь в подстенье, и была причиной особенно частых повреждений в самой стене, почему не раз случались обвалы её на протяжении многих сажен. По описанию середины XVII века от Боровицких ворот к Денежному двору стена каменная (алевизовская) вдоль 98 сажен осыпалась с обеих сторон от подошвы по зубцы.

Вследствие неблагоприятной конфигурации местности Алевиз, как и Солари, западную стену вынужден был ставить на сваях. [...]

Подземная часть алевизовской стены снабжена рядом камер 6х9 м с коробовыми сводами. В одной из таких камер, соответственно оборудованной железными дверями с висячими замками, можно полагать, и размещён архив Ивана Грозного в 230 ящиках до сводов, виденный лично дьяком Макарьевым в 1682 г. сквозь решётчатые оконца. В случае продолжения подземных поисковых работ этот архив незамедлительно будет найден в первую очередь. Для этого надо только пройти макарьевским тайником до конца.

Названный тайник представляет собой солидный тоннель 3х3 м с плитяным перекрытием. Тоннель северной стороной просто примыкает к алевизовской стене. Тоннель, судя по всему, строил Алевиз, строго руководившийся планом подземного Кремля, выработанным Аристотелем Фиорованти за 20 лет перед этим.

Московский Кремник он (Алевиз) превратил в неприступный остров, соединив в 1508 г. реку Москву с Неглинной глубоким водяным рвом, принятым Таннером [281] за другой рукав Неглинной. Глубина рва - 12 аршин, ширина - 50. Ров был выложен белым камнем с зубчатой оградой, обнаруженной при сооружении Мавзолея В. И. Ленина. Через ров к Спасской и Никольской башням были переброшены железные мосты; ворота затворялись тремя дверьми. Из Кремля, со стороны Никольской башни, в Китай-город Алевизом был устроен подземный ход,

[280]ПСРЛ, Т. 8. С. 229-230.
[281]Таннер Бернгард - находился в составе польского посольства в Москве в 1678 г. После него осталось «Описание путешествия польского посольства в Москву».

обследованный в 1896 г. Под ров на глубине до 14 аршин вела каменная лестница. Подо рвом - обширная палата. Из неё - другая лестница, в направлении к нынешнему Историческому музею. Ров просуществовал около 300 лет, а мосты на 20 лет дольше [282].

Судьба Алевиза

Нет никаких данных считать, что он выбыл на родину умирать, но всё говорит за то, что и он, как верный триумвир, сложил в Кремле свои кости.

Является ли он очевидцем библиотеки Палеологов? Думается, что внутренности давно уже замурованной либереи он не видел, но воочию убедился в её местонахождении в процессе работы по сооружению последнего отрезка кремлёвской стены вдоль Александровского сада.

Глава VII. Либерея с неба

Борьба за трон

Иван III - видная фигура русской истории - первый принял титул царя и герб двуглавого орла византийской империи, принесённый туда от хеттов. [...1

Иван III оказал огромную услугу истории и отечеству, приютив у себя в подземном Кремле своеобразное, беспрецедентное в истории «приданое» Софьи Палеолог в виде ядра библиотек византийских царей и патриархов.

Он оставил своему сыну от Софьи Василию (1479-1533) (сын Юрий был слаб умом) огромное богатство, которому рачительно составил реестр и опись, но в которых ни словом не обмолвился о таинственном греческом культурном сокровище, совсем, казалось, забытом и никому при дворе не нужном, Да так оно в сущности и было. Для Ивана III книжное иноязычное собрание в заколоченных ящиках было чуждо, а для Софьи - раз оно было надёжно укрыто от огня и лихих людей, то и ладно...

К тому же со стройкой Кремля было в основном закончено: Алевиз своею стеной по Неглинной замкнул Кремль, а обведя его ещё и водяными рвами, обратил его в неприступный остров, с подъёмными мостами на железных цепях. Иван III мог торжествовать: миланский замок-крепость в основном был перенесён в Москву. Его преемнику оставалось довершить пустяки: отстроить в 1514 г. рухнувшие от землетрясения церкви св. Лазаря (прогремевшую в конце XIX в. в связи с библиотекой Грозного) и церковь Рождества Богородицы, в подвале которой Софья хранила первое время привезённые ею сундуки с книгами. Наконец, с возобновлением собора Спаса Преображения в 1527 г. начатая ещё Иваном III постройка нового Кремля была закончена: Кремль преобразился совершенно, Великий князь Василий III вошёл с семьёй в новый каменный дворец, чуть-

[282]ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3. Д. 36. Л, 274.

чуть только недостроенный его отцом.

Однако путь к благополучному трону Василию достался нелегко, это был путь через кровь и трупы.

В 1498 г. «по диавольскому навождению и лихих людей совету, въоспалеся князь великий Иван Васильевич на сына своего Василия да на жену свою на великую княгиню Софью, да в той вспалке велел казнити детей боярских (шесть человек.- примечание автора.) на леду, головы им секоша декабря 27» [283].

«Спалка» была за то, что к великой княгине «приходили бабы с затеи», а сын Василий хотел «израду» [284] учинить над внуком (Ивана III) князем Димитрием и захватить великокняжескую казну в Вологде и на Белоозере.

Борьба между невесткой Ивана III Еленой [285] и женой Софьей Фоминичной из-за того, чей сын получит московский престол, разделила весь двор на два враждебных лагеря и поставила самого Ивана III в положение, угрожавшее его личной безопасности. Он принуждён был «жити в брежении» от своей жены, вынужден был утопить «лихих баб», с которыми та вела тёмные переговоры, порубать головы сначала боярам, злоумышлявшим против внука Димитрия, и засадить под стражу сына Василия, а затем, в свой черёд, казнить приверженцев Димитрия, а его самого, венчанного уже на царство, «посадили в камень и железа на него возложить».

При таких семейных условиях, понятно, Василию не до библиотеки было какой-то там неведомой, подземной. [...]

«Обыкновенный человек»

Русские летописи в отзывах о Василии соблюдают крайнюю осторожность, Зато о нём подробнее поведали два иноземца. Первый из них - австриец, барон Герберштейн [286], побывавший в Москве дважды. Другой - епископ Ночерский, Паоло Джьовио [287], которого ещё Герасимов [288] посвятил в тайны московского двора. Таким образом, можно воскресить среду, где действовал Василий, и разобраться более или менее в характере этого государя.

В лице сына Ивана III и Софьи Палеолог мы имеем результат

---

[283]ПСРЛ. Т. 8. С. 234.

[284]Израда - измена, обман, предательство.

[285]Елена - дочь молдавского господаря Стефана III, жена сына Ивана III от первого брака Ивана Ивановича Молодого.

[286]Герберштейн Сигизмунд (1486-1566) - немецкий дипломат и купец. Находился в Москве с посольством в 1517 г. Автор «Записок о московитских делах» и первого приблизительного плана Москвы.

[287]Паоло Джовио (Павел Иовий Новокомский) (?-1558) - итальянский историк. Автор сочинения «О московском посольстве», составленном по рассказам Дмитрия Герасимова.

[288]Герасимов Дмитрий (Митя Малой) - дипломат и переводчик, учился в ливонской школе, принимал участие в переводе книг с Максимом Греком.

смешения двух рас (Пирлинг). Однако от слияния византийской крови с русской не родилось ни мощного гения, ни выдающегося характера.

Василий III был «дюжинным человеком». Быть может, он больше казался таким, нежели был им в действительности: слишком уж заслоняли его могучие фигуры и отца его Ивана III, и сына Ивана IV Грозного. Тем не менее и этот великий князь обладал энергией и выдержкой истинного потомка Калиты. Подобно своим предкам, он много потрудился над объединением Русской земли. За Псковом наступила очередь Рязани и Новгорода Северского. Дело территориального объединения России можно было считать законченным,

Нападали крымцы с казанцами и, другой раз, запорожцами. Василий не был Димитрием Донским. Ему недоставало личного мужества. В 1521 г. хан подступил к самой Москве. Москва чуть-чуть не была взята приступом. Великий князь заботился только о своей собственной безопасности. Предоставив боярам оборонять столицу, сам спасся бегством на север. Рассчитывать на помощь Василия III в крестовом походе на турок было невозможно: помехой этому являлась уже его оглядка - как бы чего не вышло! Правда, он громогласно заявлял о своей ненависти к неверным, но ведь удобнее действовать языком, нежели мечом.

Можно ли думать, по крайней мере, что Василий III был благосклонно настроен по отношению к римской церкви и папе? Он отмалчивался. Когда же его припирали к стене, всякий раз решительно заявлял о своей преданности греческой вере. То был язык сердца. А каковы были его чувства к папе?

Он питал к нему, по Герберштейну, какую-то исключительную ненависть и просто именовал его учителем римской церкви. В этом, несомненно, сказывалось также влияние его матери, убеждённой православной. Поведение её сына доказало лишний раз бессилие над нею римских плутней времён кардинала Виссариона.

Неожиданное открытие

Молодому наследнику Василию шёл всего 23-й год, когда смерть принялась беспощадно косить великокняжескую семью: в 1502 г. скончался Андрей Палеолог, брат Софьи, продавший ей своё первородство на византийский престол; через год после него ушла и сама Софья; за ней, два года спустя, и великий князь Иван III, в 1505 г.

Остался 26-летний наследник Василий III обладателем несметных сокровищ, о которых он больше смутно слышал, чем знал. Тогда решил он осмотреть лично всё, что досталось ему от отцов и дедов, где бы оно, в каких бы тайниках ни хранилось. Обшарил всё во дворце, осмотрел все подклеты и тайники, спустился в таинственный для него подземный Кремль. Каждую щель примечал, которую ему тут же расчищали. Так, неожиданно для себя и своего окружения, натолкнулся он на таинственный каменный сейф с «мёртвыми книгами» своих греческих

предков. Это было совершенно неожиданно и совершенно случайно. [...]

Если бы он знал или даже подозревал об этом раньше, ему не потребовалось бы несколько лет, чтобы раскачаться. Новгородский повествователь XVI в. «О Максиме Философе» говорит: «Осмеи убо тысячи наставши, в четвёртое-на-десять лето годищного обхождения русские земли скипетр держащу благо... Василию Ивановичу... непоколицех убо летах державы царства своего, сей православный Василий Иванович отверзе царская сокровища древних великих князей, прародителей своих, и обрете в некоторых полатах бесчисленное множество греческих книг» [289].

Тайное родительское сокровище, скрытое от него! Чувство удивления и обиды сжало сердце князя... Поражённый неожиданностью открытия неслыханного клада, Василий III терялся в догадках: когда и почему он здесь? Каким образом великий князь «отверзе» сейф, мы не знаем. Что за помещение было так неожиданно открыто великим князем? Была ли это круглая Свиблова башня в миниатюре, с тремя сводами-ярусами, или сводчатые четырёхугольные двухъярусные белокаменные палаты типа тайников Троицкой башни, трудно сказать, не имея никаких, хотя бы и отдалённых намёков в источниках на этот счёт.

Великий князь, порывшись, убедился, что книги и манускрипты почти исключительно по-гречески. Язык хотя и материнский, но которого он не знал. Нужен был переводчик. Да мало переводчик: нужен был человек образованный, который мог бы библиотеку изучить, описать, богослужебные книги перевести, повреждённые исправить и ересь жидовствующих [290] побить...

Зачем вызывали?

Решение Василия III раздобыть учёного грека-переводчика было непреклонным. Он обратил внимание на Восток: там рассадник учёных монахов греческой веры Афон. После падения Константинополя Афон был главным хранителем и складом книг. Но Афон был под султаном!

Великий князь с грамотой - к султану - прислать ему какого-нибудь учёного грека. Великому князю указали на Максима. Одновременно великий князь обратился к патриарху в Константинополь. Патриарх ревностно искал такого учёного и в Болгарии, и в Македонии, и в Салониках. Наконец, узнали, что на горе Афонской есть два инока: Савва и Максим, «богословы искусные в языках».

Обрадованный Василий III - на Афон, к проту [291], с грамотой, «чтобы есте к нам прислали вместе с нашими людьми с Василиим с Копылом, да с Иваном Варавиным из Ватопед монастыря старца Савву переводчика

---

[289]Филарет (Гумилёвский). Максим Грек // Москвитянин. 1842. Ч. 4. № 2. С. 47.

[290]«...ересь жидовствующих» - жидовствующие: приверженцы новгородскомосковской ереси (к. XV - н. XVI вв.). Отрицали авторитет церкви, образа и т. п.

[291]Прот - глава всех афонских монастырей.

книжного на время, а они есте нам послужили, а мы от даст бог, его пожаловав, опять к вам отпустим» [292].

С Саввой великому князю, однако, не повезло: «старей Савва, быв многолетен, ногами немощен, не возможе исполнити повеления... великого князя, о нём же и прощения просит» [293], по другой версии - вследствие «старости и болезни кожные». Наиболее правильным и решающим все неясности надо считать заявление самого Максима, что он пришёл «Савве за старость отрекшуся ко царствующему всея Руси граду Москве». [...]

Максим прибыл в Москву в 1518 г. Зачем, собственно?

Ответы самые разнообразные: а) для исправления книг в связи с ересью жидовствующих; б) для перевода Псалтыри и исправления книг; в) для описания великокняжеской библиотеки; г) по частному книжному делу; д) за милостынею.

Нагрузка на одного учёного, как видим, колоссальная. [...] Самым первым по времени, самым обширным и важнейшим трудом, ради перевода которого, собственно, и вызван был Максим Грек в Россию, над которым он трудился год и пять месяцев (с марта 1518 г. по август 1519 г.) - является перевод... Толковой Псалтыри, заключавшей в себе толкования многих древних отцов и учителей церкви, а также Триоди. [...] Около этого же времени (1519) Максим сделал опись книгам великокняжеской библиотеки по поручению великого князя [294].

Глава VIII. Шемякин суд

Максим Грек выработал в себе прямой, открытый характер... аскетизм сделал его неподкупно честным, правдивым человеком, для которого говорить правду когда бы то ни было и пред кем бы то ни было составляло стихию его жизни и деятельности.

Полученное Максимом высокое научное образование облагораживающим образом отразилось на всём его характере. Максим вообще мало знал жизнь, а явившись в Россию, страну дотоле ему совершенно неизвестную, он, естественно, оказался в положении человека, для которого всё представлялось новым и неизвестным.

А что касается до всякого рода интриг, которыми так отличался московский двор того времени, то Максим, по особенностям своего характера, совершенно не был подготовлен к ним.

Положение Максима в Москве на первый раз было очень завидное: он составил себе репутацию человека высокопросвещённого. [...] Первые годы своего пребывания в России Максим Грек провёл благополучно.

---

[292]См.: Иконников В. С. Максим Грек. Киев, 1865. Вып. 1. С. 107.
[293]Там же.
[294]См.: Снегирёв И. М. Памятники московской древности. М., 1842-1845. С. 178.

Первым его занятием, как отмечено, был перевод Толковой Псалтыри. Вручил он свой перевод великому князю, который передал его на рассмотрение митрополиту Варлааму [295]. Тот и собор одобрили и назвали перевод «источником благочестия». Переводчик Максим был щедро награждён великим князем.

После перевода Толковой Псалтыри Максим просил у великого князя позволения, согласно обещанию, отпустить его на Афонскую гору. Просьбу свою повторял неоднократно, но всегда получал отказ. Причина - в особом взгляде на Максима. «Держим на тебя мненья,- говорил один опальный боярин Максиму,- пришёл еси сюда, а человек еси разумный, а ты здесь увидал наша добрая и лихая, тебе там пришед всё сказывати» [296]. Совершенно та же тенденция, какую при Иване III мы наблюдали по отношению к Аристотелю, Солари, Алевизу… [...]

Великий князь Василий III, как отмечено, не любил видеть никакого противоречия себе. [...] Даниил, игумен Волоколамского монастыря, человек тонкий по уму, гибкий по своим нравственным убеждениям, с задатками честолюбия, сумел понравиться великому князю. Следствием было возведение его на митрополию 22 февраля 1522 г., единоличною волею князя, без санкции собора. Новый митрополит сделался вполне покорным слугою великого князя.

Митрополит Даниил - типическая личность иерарха-иосифлянина [297]. Даниил любил внешние условия жизни: богатые одежды, пышные выезды, хороший стол и вообще довольство во всём. [...] Положительною чертою митрополита Даниила была любовь к труду и научным занятиям. Проповедь служила для него самою главною стихией его жизни. Своею редкой начитанностью и познаниями митрополит Даниил возвышался над всеми своими русскими современниками, как и захожий учёный Максим Грек. И между этими двумя китами тогдашней учёности, после нескольких лет добрых отношений, возгорелась смертельная борьба и ненависть...

Повод к раздору - самый странный и внешне ничтожный. Полюбилась митрополиту священная книга блаженного Феодорита, епископа Мирского, но она была на греческом языке, которого митрополит не знал. Попросил трижды Максима перевести книгу и трижды получил отказ. Почему? По содержанию-де книга не годится для народа. Мотив, который отнюдь не убедил митрополита. Отсюда и загорелся сыр-бор: сильный, с растяжимой совестью митрополит всё сделал для того, чтобы сокрушить, опозорить, согнуть в бараний рог непокладистого учёного, своего врага. «Достигоша тебе, окаянне,- говорил Максиму с гневом гонитель,- греси твои, о нём же отреклся превести ми священную книгу блаженного

---

[295]Варлаам (1511-1521) - московский митрополит.

[296]См.: Иконников В. С. Указ. соч. С. 109.

[297]Иосифляне - приверженцы учения Иосифа Волоцкого (1440-1515), игумена Иосифо-Волоколамского монастыря. Отстаивали незыблемость церковных догматов, защищали церковное и монастырское землевладение.

Феодорита» [298]. Много накипевшей злобы слышится в этих словах. Он (митрополит) открыто перед всеми излил свой гнев на Максима, которого подвёл под суд собора. [...] Митрополит был чужд благодушного великодушия по отношению к Максиму. Собор осудил его «аки хульника и священных писаний тлителя». По приговору суда Максим был заключён в темницу Волоколамского монастыря - никого ничему не учить, ничего не писать и не сочинять, не посылать и не получать посланий. Воспрещение писать - одно из главных и необходимых условий заключения Максима.

Находясь в Волоколамском монастыре, Максим выносил ужасные страдания: его морили голодом, дымом, морозом и другими различными «озлоблениями и томлениями». [...] Приставленные к нему старцы следили за каждым его шагом, запоминали всё то, что он говорил им, и впоследствии явились в числе его первых обвинителей.

Около шести лет провёл Максим в заточении в Волоколамском монастыре, пока новые обстоятельства не вызвали его на новый соборный суд. На новом соборе митрополит осуждал Максима за то, что «он волшебными хитростями еллинскими писал (углём на стене.- примечание автора.) и водками на дланех своих и распростирал длани свои против великого князя, а также против многих поставлял волхвуя [299].

Углём он написал на стене своей темницы акафист Параклиту, т. е. Святому Духу... Вообще всё поведение Максима в Волоколамском монастыре понималось его врагами как вызов. Нужен был только повод, чтобы снова потребовать его в суд. Повод представился в виде политического дела: усмотрели связь Максима с турецким послом Скиндером, умершим в 1530 г. (новый собор в 1531 г,). Максима объявили агентом турецкого султана: обвинение, явно притянутое за волосы, ведь заветной политической мечтой Максима Грека, как и кардинала Виссариона, было поднять московского царя в «крестовый поход» против неверных, против захватчика, турецкого султана. [...] Какой же при этих условиях из Максима Грека турецкий агент, враждебный великому князю Василию III? [...] Великий князь всячески выискивал и копил предлоги для расправы чужими (соборными) руками с иноземным учёным, которого он пригласил, согласно собственной грамоте, лишь временно и которого обязан был холить и защищать от врагов, а не продавать а la Пилат, умывая руки, на пытки доморощенной инквизиции.

После постигшей Максима Грека опалы оставшиеся в селе Коломенском книги [300] были спрятаны там же, в тайниках княжеского дворца, связанного подземным ходом с соседней Алевизовской, сторожевой башней, имитированной под церковь (Вознесения). Эта последняя представляет из себя замечательное и загадочное сооружение. На хорах видны две дверные замуровки, которых ещё никто не открывал.

---

[298]См.: Иконников В. С. Указ. соч. С. 109.

[299]Там же.

[300]Автор считает, что летом Максим Грек работал в с. Коломенском, а зимой – в Чудовом мужском монастыре в Кремле.

Каменный подвал церкви в одном углу издавал совершенно определённый звук пустоты. В первые годы революции один московский бывший староста просверлил в буте пола две скважины на глубину до 5 м, но, порвав о камни не один бур и угробив около двух тысяч рублей, бросил.

По распоряжению ЦИКа я пробил в загадочной замуровке сквозной, до материковой глины, колодец, до 8-9 м глубиною, В глине оказались загнанные наискось метровые дубовые сваи в шахматном порядке, назначение которых было, видимо, облегчить давление гигантской каменной пробки на пустоту под нею, на глубине ещё приблизительно 5 м. Наличие пустоты изобличал всё время гул при пробивке колодца, настолько отчётливый, что опытный забойщик-татарин искренне боялся провалиться. Упомянутую глиняную перемычку между пробкой и пустотой для определения её мощности необходимо было пройти буром, но свободного бура в нужный момент не оказалось во всей Москве [301].

Максим Грек более всего пострадал от митрополита Даниила и великого князя Василия III. Почему от Даниила - мы видели. Но в чём тайная пружина ненависти к Максиму со стороны великого князя? [...]

Было одно обстоятельство, которое втайне грызло и мучило великого князя, усугубляло ненависть к Максиму, Это неосторожные отзывы последнего о великом князе, которого доносчики обязательно информировали, как о далёком от увенчания лаврами за храбрость государе; «Князь великий Василей, внук Фомы Амарейского (Корейского.- примечание автора.). Да ты же, Максим, великого князя называл гонителем и мучителем нечестивым... Да ты же, Максим, говорил: князь великий Василей выдал землю крымскому царю, а сам, изробев, побежал от турского. Ему как не бежати? Пойдёт турский и ему либо карач [302] дати, или бежати» [303]. Эти слова жгли душу великого князя особенно своей правдой, но ещё более угнетала мысль о назревающей оппозиции Максима в задуманном им глубоко интимном деле женитьбы при живой жене. [...]

Глава IX. Ищите женщину

Развод

Около двадцати лет прожил великий князь со своей женой Соломонией Юрьевной Сабуровой. Но продолжительный брак не осчастливил их потомством. Неплодие жены сильно огорчало князя, который желал иметь преемником на престоле своего сына, В нём созрела мысль о разводе и вступлении в новый брак. Бояре выразили одобрение. [...] Митрополит Даниил посоветовал великому князю обратиться за разрешением к восточным патриархам, но патриархи и Афон ответили

[301]ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3, Д, 36. С. 358.
[302]«Карач» - присяга, которую зависимые князья давали крымскому хану.
[303]См.: Чернов С. Н. К учёным несогласиям и суду над Максимом Греком // Вопросы истории. 1946. № 2-3. С. 123.

отказом. Тогда митрополит Даниил, на свой страх и риск, допустил развод, вопреки ясному учению Евангелия и всем церковным правилам. 28 ноября 1525 г. Соломония была насильственным образом пострижена в монашество под именем Софии и отправлена в Суздальский Покровский монастырь, где, по сведениям некоторых источников, благополучно родила сына [304].

Митрополит Даниил благословил новый брак великого князя с Еленою Глинской и даже сам венчал их 21 января 1526 г. С строго нравственной точки зрения нельзя оправдать митрополита Даниила. Его мотивом служило желание сохранить свой сан и опасение лишиться благоволения великого князя. [...] Развод произвёл сильное впечатление на всё современное русское общество. [...]

С женитьбой великого князя и потерей Максима Грека, обратившегося во врага,- единственного человека в государстве, который был способен дать новооткрытой библиотеке лад, последняя стала Василию III ни к чему и тягостной по воспоминаниям. Он велел привести её в такой вид, в каком она была до её открытия, т.е. наглухо замуровать.

Об этой государственной тайне вообще мало кто знал и при жизни великого князя, а после его смерти, при наступившей вслед затем боярской заварушке, о ней и вовсе забыли: на мёртвые книги была наложена печать, казалось, вечного забвения.

Но тайну библиотеки выдал юному Грозному в 1553 г. в бывшей Троицкой лавре тот же Максим Грек незадолго до своей смерти. [...]

Елена Глинская

[...] Елена Васильевна Глинская была родная племянница знаменитого Михаила Глинского, происходившего от татарского мурзы Лексы, или Лексады, принявшего в крещении имя Александра и ставшего в Поворсклье в самом начале XV в. родоначальником князей Глинских. Лекса получил от Витовта [305] в ленное владение обширную полосу земель на р. Ворскле, на которой доныне существует город Глинск. [...]

В силу вечного мира Москвы с Польшей Глинским и их окружению в сентябре 1508 г. был выговорен свободный проезд из Литвы (Киева) в Москву.

Михаил Глинский, хорошо знакомый с тогдашней культурой и древностями Киева, по-видимому, использовал благоприятный момент, чтобы вывезти оттуда, из Киева... онное количество («полтретьядцать») светских книг, попавших позднее в число «мёртвых книг» потайной

---

[304]По преданию, Соломония Сабурова в монастыре родила сына Георгия и передала на воспитание в Тверь. Похороны ребёнка были инсценированы. В 1934 г. при ликвидации усыпальницы Покровского монастыря рядом с гробом Соломонии было обнаружено маленькое надгробие, под ним находилась деревянная колода с искусно сделанной куклой.

[305]Витовт (Витаутас) (1350-1430) - великий князь литовский.

либереи в Москве под названием «книг литовской печати».

В Москве Михаил Глинский одно время имел огромное влияние на государственные дела. При всём том остался неудовлетворённым Москвой, запросился в 1514 г. на родину, на старую службу Сигизмунду королю. Его не пустили, он бежал. Его схватили и бросили в тюрьму надолго, на целых 13 лет.

За это время его упомянутая племянница, Елена Васильевна, успела выйти замуж за великого князя Василия III. Первым её делом на московском троне была забота об освобождении дяди из тюрьмы, Сделать это она могла, конечно, только через своего супруга, великого князя. Ей удалось это. [...]

Только через три года родился у новобрачных первый ребёнок, окрещённый Иваном и впоследствии прозванный Иваном Грозным, а вскоре затем родился и другой сын, Юрий. [...]

Василию III не суждено было долго жить и царствовать: погиб во цвете лет от случайно вскочившего прыщика. Ещё в сентябре 1533 г. он был вполне здоров, а 3 декабря 1533 г. его не стало. [...]

Во главе власти оказалась молодая женщина, не чуждая страстей. Она опиралась на боярскую думу, гегемоном которой был митрополит Даниил. Личность правительницы как женщины и как человека, подверженного некоторым порокам, не имела на думных бояр умеряющего влияния. В течение нескольких месяцев правой рукой правительницы являлся её дядя, упомянутый Михаил Глинский. Его вытеснил новый любимец Елены князь Иван Овчина-Телепнев Оболенский. Его сестра, Аграфена Челядина, была мамкой великого князя Ивана. Всем троим Михаил Глинский стал поперёк дороги: его решено было погубить, обвинив в отравлении Василия III. В 1533 г. он был схвачен и снова брошен в тюрьму, где вскоре и умер. [...]

Только пять лет вдовствовала Елена Глинская и правила самодержавно: 3 апреля 1538 г. она погибла, будучи «отравленной врагами»... [...]

Через семь дней после смерти правительницы князь Овчина-Телепнев Оболенский был схвачен и умер от голода в оковах.

1547 г. - год воцарения Грозного - ознаменовался небывалым пожаром, оказавшимся роковым в судьбах семьи Глинских. Искали виновников пожара. Самое тяжёлое обвинение высказывалось против Глинских, родственников царя с материнской стороны. Недаром же колдовала княгиня Анна, бабка Ивана,- говорили повсюду. Нелепые вымыслы передавались из уст в уста... Поднимался призрак мятежа. Наконец, бунт разразился.

Сын княгини Анны Юрий был растерзан на части в Успенском соборе, где он искал спасения. Имущество Глинских было разграблено. Слуги их

были перебиты. Иван Грозный в трепете ожидал исхода мятежа в с. Воробьёве. Угрожающие крики раздавались вокруг его дворца. Народ в бешенстве требовал головы Анны, грозил виселицей Глинским. Тогда была пущена в ход вооружённая сила, и лишь с помощью кровавых мер удалось подавить мятеж.

Глава X. Спор о мёртвых книгах

В учёных потёмках

Царская библиотека XVI в. состоит из двух: греческой библиотеки Софьи Палеолог и, так сказать, европейской - собственной библиотеки Грозного. [...]

Общей особенностью писаний о библиотеке Ивана Грозного в XVIII и XIX вв. является смешение понятий библиотеки Софьи Палеолог и Ивана Грозного, библиотеки царской и царского архива, и полное отсутствие ясного и отчётливого представления о том, что так называемая «библиотека Грозного» в своей первооснове восходит к XV в. и находится ныне в московском подземном тайнике.

Исследователи этого вопроса обычно начинают от «печки», от библиотеки так называемой «великокняжеской», якобы остававшейся без всякого употребления ещё в княжение Василия III.

Но, спрашивается, откуда взялась эта библиотека, когда и как она образовалась? Эти кардинальные вопросы остаются без ответа.

Не даёт ответа, например, и архиепископ Макарий в своей обстоятельной в общем-то «Истории русской церкви», когда говорит о греческой библиотеке Софьи Палеолог как о свалившейся откуда-то сверху. «Сохранились,- говорит он,- сведения о некоторых наших библиотеках. Но важнейшая из них, великокняжеская, оставалась без всякого употребления» [306].

Но откуда взялась эта «великокняжеская» библиотека, и почему она оставалась, и как долго, «без всякого употребления»? Ответить на эти вопросы автору и в голову не приходит: для него это стопроцентная terra incognita [307]. Для него ль одного?..

Греческая библиотека

Как пишет Карамзин: «В XV в. греки и выходцы из Рима, прибывшие в Москву с царевной Софией, перенесли в новую отчизну некоторые, сохранившиеся от турецкого варварства, памятники своей словесности» [308].

---

[306]Макарий архиепископ. История русской церкви. Т. VII, Кн. 2. Спб., 1894. С. 117.
[307]Земля неведомая (лат.).
[308]Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VII, Спб., С. 177.

По указанию Арндта [309], великий князь Иван III получил из Рима собрание драгоценных кодексов. [...]

Святители-греки, особенно Феогност [310] и Фотий [311], привезли из Царьграда древние греческие хартии; в неё также поступали рукописи из Киева, Новгорода и Пскова и разных монастырей.

Великий князь Василий, нашедши в числе сокровищ предков своих множество греческих рукописей, для описания оных вызвал из Греции учёного инока Максима, который с соизволения султана прибыл в Москву в 1518 г.

Когда Василий показал ему это собрание, он воскликнул: «Государь, вся Греция не имеет ныне такого богатства [312], ни Италия, где латинский фанатизм обратил в пепел многие творения наших (православных.- примечание автора.) богословов, спасённые единоземцами от варваров магометовых» [313]. Об эвакуации Фомой Палеологом царской греческой библиотеки из Константинополя в Рим, а через Рим, Софьей, в Москву, Максим, как это очевидно, ничего не знал и не слыхал.

По мнению Снегирёва, Максим сделал не дошедшую до нас опись всем «ещё не переведённым сочинениям и вручил её великому князю, который повелел отложить сии (не переведённые.- примечание автора.) книги особо от переведённых на русский язык рукописей, а начать перевод с Толковой Псалтыри и Триоди» [314]. [...]

В. Иконников (как и Н. П. Лихачёв) [315], не отличая собственно библиотеки Софии Палеолог от позднее собранной и слитой в одно целое с первой библиотеки Ивана Грозного, пишет: «...нельзя не согласиться с профессором Клоссиусом, что это была одна и та же библиотека» [316], тогда как на самом деле это были две совершенно разные по времени и происхождению библиотеки.

Почему греческие рукописи очутились в Риме, об этом догадывается, кажется, один только Клоссиус: «...рукописи могли достаться из Константинополя» [317]. Каким образом? Увы, ответ фальшивый: «...через греков, выходцев после падения греческой империи» [318]. Об историческом подвиге Фомы Палеолога Клоссиус, видимо, не имел понятия. Последний

[309]Арндт Вильгельм (1839-?) - немецкий историк, профессор Лейпцигского университета.
[310]Феогност (1328-1353) - митрополит московский.
[311]Фотий (1408-1431) - митрополит московский.
[312]Т.е. после падения Константинополя.- примечание автора.
[313]См.: Иконников В. С. Указ. соч. С. 107.
[314]Снегирёв И. М. Указ. соч. С. 178.
[315]Лихачёв Николай Петрович (1862-1936) - историк, академик. Автор трудов. по вспомогательным историческим дисциплинам, истории книги, древнерусскому и византийскому искусству.
[316]Лихачёв Н. П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. Спб., 1894, С. 108.
[317]Клоссиус Фр. Библиотека великого царя Василия (IV) Иоанновича и царя Ивана (IV) Васильевича // ЖМНП. 1894, Июнь. С. 416.
[318]Там же. С. 417.

сомневался, чтобы «греческая библиотека могла уцелеть от древних времён при тех опустошениях, каким вообще подвергались русские города» [319]. От сомнения Клоссиуса переходим к категорическому утверждению Забелина, что библиотека Софьи Палеолог погибла при сожжении Москвы в 1611 году, чем он сбил с толку многих и надолго затормозил изучение проблемы.

И. Е. Забелин, не замечая, что впадает в противоречие, утверждает, что подземная библиотека Грозного сгорела, а вот его подземный архив - нет!

Необходимо подчеркнуть правильную установку Забелина, что библиотека и архив Грозного - две совершенно разные вещи.

Библиотека Грозного

Это библиотека греческих и римских классиков, а также, можно сказать, первопечатных книг Европы, которые Грозный, большей частью покупкою, нередко за большие деньги, стянул оттуда в московский подземный сейф Аристотеля Фиораванти. [...]

В Ливонской хронике рижского бургомистра Франца Ниенштедта, изданной впервые полностью только в 1839 г., содержится указание, что книги библиотеки Грозного частью были куплены, частью получены в дар с Востока. Здесь, думается, надо усматривать намёк на «приданое» Софьи Палеолог.

Среди книг библиотеки Грозного, виденных пастором Веттерманом (вернее - «другим немцем», анонимом), упоминается Тит Ливий (59 г. до н. э. - 19 г. н. э.). Из его книг дошли до нас только 35.

Ещё упоминается книга Цицерона, знаменитого римского оратора и писателя (106-43 гг. до н. э.) «De republica» и 8 книг «Historiarum»; Светониевы (римский историк I-II вв. н. э.) истории о царях; Тацит (римский историк, 54-174 гг.); Corpus Ulpiani [320] - Ульпиан (римский юрисконсульт, 170-228 гг.); Papiniani [321] - Папиниан (римский юрист, 140-212 гг.); Pauli [322] и т. д. «Книга римских законов»; Юстиниановы истории (Юстиниан I - византийский император, 482-565 гг.); Codex Constit Imper Theodosii [323] - Феодосий I Великий, римский император (346-395 гг.); Virgilii - Вергилий, знаменитый римский поэт (70-19 гг. до н. э.); Calvi orationes et poemata [324] - полагают, что это - Cays Licinius Calvus [325] (82-46 гг. до н. э.), латинский элегический и сатирический поэт, творения которого

---

[319]Там же. С. 416.
[320]Корпус Ульпиана - сочинения корифея римского права.
[321]Корпус Папиниана, Павла - сочинения корифея римского права.
[322]Корпус Павла - сочинения корифея римского права.
[323]Кодекс конституций императора Феодосия.
[324]Кальва орации и поэмы.
[325]Кальв Лициний (I в. до н. э.) - римский оратор и поэт.

считаются утраченными; Yustinini Codex Constit [326]; Codex Novellar [327] (эти книги достались от императора [328]).

Далее упоминается «Саллюстиевая война Югурты» (De bello Yugurthino) [329] - Саллюстий, знаменитый римский историк (86 - ок. 35 гг. до н. э.); сатиры Сира; Caezar Comment de bello Gallico [330] - Юлий Цезарь, полководец и государственный деятель (102-44 гг. до н. э.); Codri Epithalam [331] - думают, что это поэт Кодд, упоминаемый у Ювенала и Вергилия; [...] Истории Полибиевы - Полибий, греческий историк (204-121 гг. до н. э.), из 40 книг его всеобщей истории сохранилось 5 первых; Аристофановы комедии - Аристофан, греческий автор комедий (446-387 гг. до н. э.), из 44 комедий дошло до нас 11; Basilica [332]; Novelae Constituones [333]; Pindari Carmina [334] - Пиндар, греческий поэт-лирик (521-441 гг. до н. э.), автор 45 од; Heliotrop Gynothed [335] - думают, что это Гелиотропов эротический роман [...]; Haephestion Geographica [336]; Theodori Athanasi Zamoreti etc Interpretacioes [337] и т. д.

Приведённый список древних классиков, найденный проф. Дабеловым в делах Перновского архива в 1822 г., известен в истории библиотеки Грозного под названием «списка Дабелова». Приоритет, бесспорно, принадлежит названному учёному (хотя Дабелов не искал его, а лишь случайно наткнулся на него в связке нужных ему юридических документов), тогда как пишущий эти строки вторично открыл тот же список в результате специальных поисков лишь 91 год спустя, в 1913 г.

Дабелов подвернувшийся ему список опубликовал в Jahrbuch fuer Rechtsgelehrte in Russland, Riga, 1822 [338]; Indexlines unbekannten Herrn.

На заметку Дабелова появилась критика в Hallische allgemeine Literatur Zeitung [339].

Дабелов ответил в № 101 того же журнала, после чего на открытие

---

[326]Юстинианов кодекс конституций - составлен в 529-534 гг. В него входили дигесты (пандекты) 50 книг, составленные из сочинений выдающихся римских юристов и институций, 12 книг, учебники для будущих юристов, а также сюда входило собрание императорских постановлений.
[327]Кодекс новелл - в 535-565 гг. кодекс Юстиниана дополнялся новыми постановлениями императора, они назывались «новеллами». Подлинный текст кодекса и новелл до нас не дошёл.
[328]Надо полагать, что речь идёт о византийском императоре Константине XI Палеологе.
[329]Сочинение Саллюстия «Югуртинская война».
[330]Цезаря Комментарии к Гальской войне.
[331]Кодра эпиталамы.
[332]Сочинение неизвестно.
[333]Сочинение неизвестно.
[334]Пиндаровы стихотворения - олимпийские песни Пиндара прославляли победителей общегреческих конных состязаний. У него же были ещё плачи и застольные песни.
[335]Автор неизвестен.
[336]Гефестионовы географии.
[337]Феодора, Афанасия... и других толкования.
[338]Ежегодник для получивших юридическое образование в России. Рига, 1822.
[339]Галльская всеобщая литературная газета.

Дабелова обратил внимание его коллега по Дерптскому университету Фр. Клоссиус. Клоссиус взялся за широкую пропаганду открытия в журналах и в личной переписке. Например, в письме от 26 ноября 1824 г. к Jourdanu Warm Koenig [340], он писал, что существует каталог рукописей библиотеки великого князя Ивана Васильевича Великого, супруга принцессы Софии, племянницы последнего греческого императора. Этот князь купил (achete) [341] множество рукописей на Востоке.

В этих словах Клоссиуса обнаруживается неосведомлённость его о происхождении библиотеки и обстоятельствах водворения её в московский тайник.

Прошло полтора года, Клоссиус пишет другому учёному, от 6.V.1826, Вишеру. Тут Клоссиус уже подробно излагает историю находки важного архивного документа и пытается определить его научное значение. Он говорит, что, сохранись эти рукописи до наших дней, Россия могла бы возобновить для Европы времена князя Медичи, Петрарки, Боккаччо, когда из пыли библиотек были извлечены неведомые сокровища древности.

«Список» Дабелова в переводе с Platteutsch [342] начинается словами: «Сколько у царя рукописей с Востока? Таковых всего до 800, которые он частью купил, частью получил в дар.

Большая часть суть греческие, но также много и латинских. Из латинских видены мною: Ливиевы истории, которые я должен был перевести. Цицеронова книга De republica и 8 книг histoiarum. Светониевы истории о царях, также мною переведённые. Сии манускрипты писаны на тонком пергаменте и имеют золотые переплёты. Мне сказывал также царь, что они (codex) достались ему от императора греческого и что он желает иметь перевод оных; чего, однако, я не был в состоянии сделать».

Кто этот таинственный переводчик, «другой немец» (после Веттермана), по выражению упомянутого автора «Истории русской церкви» Макария? История знает только, не Веттерман... Загадка эта и многие другие будет раскрыта, лишь когда таинственная либерея из московского тайника будет извлечена на свет!

Аноним («другой немец») не был в состоянии перевести намеченных классиков из библиотеки Грозного потому, по всей вероятности, что она Грозным была экстренно запечатана, ввиду неудачи с Веттерманом, а также по случаю спешного переселения со всем семейством в Александровскую слободу.

Знал ли Веттерман этого «другого немца» лично? Если аноним не мог продолжить перевод книг не потому, что либерея неожиданно была замурована царём, то почему же? Тайна истории, раскрыть которую

---

[340] Йордан Варм Кениг.
[341] Купил - франц.
[342] Простонародное немецкое наречие.

может только вскрытие аристотелевского сейфа в подземном Кремле. [...]

Скептицизм

Существуют, однако, и высказываются иногда сомнения в «Списке» Дабелова. Большинство, впрочем, как русских, так и иностранных учёных, безусловно, верят «Списку». Таковы Фр. Клоссиус, Ив. Преображенский, Жмакин, В. С. Иконников, Эд. Тремер. [...]

В качестве скептика в достоверности «Списка» выступает Н. П. Лихачёв.

«Странно,- заявляет он,- что профессор Дабелов в каких-нибудь шесть лет забыл местонахождение такого важного манускрипта, странно, что в эти шесть лет целые четыре связки «Collectanea Pernaviensia» [343] могли исчезнуть настолько бесследно, что о существовании их не знал сам перновский архивариус. Но ещё страннее то, что Дабелов, описывая слово в слово целый каталог (sic!) чрезвычайно важных рукописей, тщательно ставя точки на месте неразборчивых им не только слов, но и отдельных букв, не потрудился списать начало рассказа и даже записать имя того пастора, который составил список!

«Профессор Дабелов,- говорит Клоссиус,- не мог вспомнить имени пастора, думая, однако, что он назывался не Веттерманом».

Что этот пастор не был Веттерманом, это не подлежит сомнению, Веттерман видел только несколько книг царской библиотеки, каталога их не составлял, с царём не переговаривался, ничего не переводил.

Простодушный Веттерман с его известием о значительных авторах, могущих принести пользу протестантским университетам, едва ли обладал филологическим образованием Anonimusia и, думается, не догадался бы быть настолько палеографом, чтобы отметить тонкость пергамента рукописи.

Самая забывчивость Дабелова относительно имени пастора со скептической точки зрения легко объясняется осторожностью человека, знакомого с тщательностью, с какою немцы разрабатывают свою историю: у немцев и пасторы XVI в. могли оказаться на счету.

Вообще открытие Дабелова возбуждает величайшие сомнения в своей достоверности. Насколько ядро рассказа Веттермана должно лечь в основу известий об иноязычных книгах царской библиотеки XVI в., настолько мы имеем право остерегаться подробностей анонима, даже более того, игнорировать их до того времени, когда будет найдена таинственная связка «Collectanea Pernaviensia» № 4.

Эпоха, в которой действовал Дабелов, рядом с ясно выраженным стремлением к разработке отечественных древностей, отличается

---

[343] Буквально: связка, составленная из разных документов, хранившихся в Перновском архиве.

изобилием фальсификаций, подделок, удачных и неудачных подлогов. Сведения о личности Дабелова недостаточны и бледны, на основании их нельзя ни укрепиться в обвинении в учёном обмане, ни отказаться от него» [344].

Н, П. Лихачёву очень хотелось набросить на личность Дабелова тень и объявить его... мистификатором. Здесь чувствуется превалирующее влияние на колеблющегося Н. Лихачёва незыблемого, резко очерченного и, так сказать, конченого отрицателя библиотеки Грозного в натуре С. А. Белокурова [345]. Но если Белокуров - «конченый», то Лихачёв - «и нашим и вашим»: с одной стороны, плачет, с другой - смеётся. В этом опасность Лихачёва: тянет серьёзно с ним полемизировать, так как надежда переубедить балансирующего на острие иглы не оставляет.

Но пора с Н. Лихачёвым, наиболее серьёзным противником библиотеки Грозного, покончить: он сам поставил над «і» точку: «...мы имеем право остерегаться подробностей анонима, даже более того, игнорировать их до времени, когда будет найдена таинственная связка «Coiiectanea Pernaviensia» № 4».

Решающий для Н. П. Лихачёва документ найден! О чём же спорить? Совершенно ясно, что таинственная библиотека была и есть, что её остаётся только изъять. [...]

Выше выяснено, что раз «Collctanea Pernaviensia» найден, Лихачёв и К не имеют права игнорировать подробности анонима. [...] Следовательно, видеть подлинный список библиотеки, восходящий к моменту, когда библиотека была вскрыта царём, когда аноним переводил ряд классиков из её состава, когда Веттерман и К собственноручно, отряхнув с книг вековую пыль, перелистывали перлы классицизма,- равносильно видеть самое библиотеку в какой-то мере, значит, быть её очевидцем.

Таким очевидцем и является автор этих строк, единственный после профессора Дабелова, кто на протяжении истёкших столетий держал в своих руках подлинный реестр книг из таинственного кремлёвского подземного сейфа Софьи Палеолог, восходящий к тому далёкому времени, когда над подземным сокровищем человеческой мысли носился не призрак кровавого царя, а сам он, этот царь, во плоти и крови, живой, конкретный человек, рылся в этих заповедных книгах, томимый неутолимой жаждой знаний.

Но ищущий ум любознательного царя бессильно никнул перед семью печатями на каждой книге на чужом языке. Нужна была помощь знающих - переводчиков. Подвернулся захожий лютеранский пастор Веттерман, добровольно прибывший в Москву из Дерпта за своими выселенцами-земляками. Пастор казался человеком учёным, царь «отменно» уважал его и даже решил поручить ему на пробу ознакомиться с характером содержимого его библиотеки, дабы узнать, достаточно ли он научен,

[344]Лихачёв Н. П. Указ. соч. С. 39-41.
[345]Белокуров Сергей Алексеевич (1862-1918) - историк, автор трудов по истории Москвы.

чтобы перевести те или иные книги на русский язык. [...] Нас сейчас интересует [...] момент осмотра потайного сокровища Грозного группой захожих немцев.

Но пусть во весь голос говорят документы.

Важнейший из них - рассказ Веттермана о виденных им книгах в тайниках Кремля. Рассказывал он об этом рижскому бургомистру Францу Ниенштедту. Но разве одному бургомистру, а не сотням других лиц, землякам и знакомым? А его «клевреты», все эти Шреттеры, Шрефферы, Браккели, разве молчали они? Их рассказы с гиперболическими узорами пошли гулять из рода в род, из поколения в поколение, обратившись в живучее «семейное предание». Дошло оно и до наших дней. Я имел случай с удивлением убедиться не один раз, что немцы не только учёные, а часто даже рядовые знают о библиотеке Грозного гораздо больше нас, русских...

Франц Ниенштедт (1540-1622 гг.) рассказ, слышанный им от Веттермана, сжато и кратко, как бы мимоходом, пересказал в своей «Ливонской хронике», напечатанной в «Прибалтийском сборнике», т. IV. с. 37. Этот абзац в «Хронике» и является той осью, на которой вращается «миф» о квазилегендарной библиотеке Грозного.

Кроме указанного источника о библиотеке Грозного имеются ещё два.

Известие Арндта [...] в La Chronique de la Livoni // II Halli 1753 in folio [346], извлечённое из неопубликованной ещё в 1753 г. «Хроники» Ниенштедта. Опубликована она, в общем, через 200 лет, в 1839 г. И известие Иоганна Бакмейстера [347] (опубликованное.- Т. Б.) через 23 года после известия Арндта - в 1776 г. [...]

Н. П/ Лихачёв в своей уже так хорошо известной нам книге о библиотеке и архиве XVI в. приводит текст Ниенштедта по Клоссиусу,

«Ибо Клоссиус,- говорит он,- пользовался как печатными известиями Арндта и Гадебуша, так и некоторыми более исправными списками хроники Ниенштедта (Тилеман, Бротце и т. д.)» [348].

Список «Хроники» Ниенштедта, изданный Тилеманом, и есть «наиболее исправный». Об этом Тилеман так говорит:

«При издании хроники Ниенштедта я пользовался шестью копиями, из которых самая важная - древняя рукопись, которую доставил мне пастор Бергман из Руена. Она содержит в себе 93 ненумерованных листа «in folio», Два первых листа писаны позднейшей рукой, в средине и на конце нескольких листов недостаёт. Этот экземпляр очень пострадал от времени, но он, бесспорно, тот, который вернее всех прочих передаёт

[346]Хроника Ливонии // II Галле. 1753.
[347]Бакмейстер Гартвиг-Людвиг Христиан (1730-1766) - историк литературы.
[348]Лихачёв Н. П. Указ. соч. С. 42.

затерянный оригинал» [349].

Таким образом, ориентироваться надо на текст, изданный Тилеманом. [...]

Глава XI. Франц Ниенштедт

Личность

Франц Ниенштедт, или Ниенстеде, как он сам называет себя в своих «Записках», родился 15 августа 1540 г. в графстве Гоя, в Вестфальском округе и прибыл в 1554 г. в Дерпт, где посвятил себя торговле. Отсюда он впоследствии вёл значительные торговые дела с Россией. По поводу их принуждён был часто предпринимать поездки в Москву, Новгород и Псков, чем положил основание к позднейшему своему благосостоянию. В 1571 г. переехал в Ригу, сделался здесь бюргером, 21 августа того же 1571 г. женился на вдове купца Ганса Крумгаузена. Прожив здесь немалое число лет, он только что решился выстроить для себя удобный дом в своём поместье Зуецеле и маленькую церковь на близлежащей горе св. Анны, собираясь провести остальные дни своей жизни на покое среди сельской тишины, как 22 сентября 1583 г. его выбрали членом магистрата.

Ниенштедт приехал в Ригу и попытался отстоять свою свободу хотя бы ценою откупа за 1000 марок в пользу бедных, но всё напрасно: он получил отказ... Он, наконец, согласился. Через два года на него был возложен сан бургомистра (в 45 лет) 15 октября 1585 г. Он испытал тревоги во всей их полноте во время известных календарных смут. [...]

Ниенштедт оставил после себя Ливонскую летопись и свои записки. Подлинная рукопись летописи Ниенштедта находилась ещё в половине прошлого столетия в руках поручика фон Цеймерна, в Нурмисе, который сообщил её для пользования бургомистру фон Шифельбейну, но с тех пор она исчезла бесследно. Записки его перешли в 1807 г. вместе с собранием книг бургомистра Иоганна Кристофа Шварца в рижскую городскую библиотеку. Они написаны собственною рукою Ниенштедта, и в них на с. 108 [...] заключаются, кроме известий об его семье и торговых делах также и общественные городские события его времени.

Он писал историю как дилетант, а достоверность его известий, которые он сообщает как очевидец, вознаграждает за все недостатки.

Хроника

Выписка из Хроники дословно. «Летом 1565 г. Московит [350] приказал всем дерпским бюргерам и жителям, которые по завоевании города Дерпта из-за своей бедности должны были оставаться там, выехать

[349]Ниенштедт Ф. Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3. Рига, 1880. С. 358.
[350]Т. е. Иван Грозный.

вместе с жёнами и детьми: их разместили по отдельным московитским городам: Володимиру, Низен-Новгардену (Нижнему Новгороду), Костроме и Угличу.

У них был в Дерпте пастор, именем магистр Иоанн Веттерман, человек доброго и честного характера, настоящий апостол Господень, который также отправился с ними в изгнание, пас своё стадо, как праведный пастырь, и, когда у него не было лошади, шёл пешком от одного города до другого, а если стадо его рассеивалось, он посещал его и ежечасно увещевал о страхе к Господу и даже назначал для их детей школьных учителей, каких только можно было тогда достать, которые в каждом городе по воскресеньям читали детям из Священного Писания. Его, как учёного человека, очень уважал великий князь, который даже в Москве велел показать ему свою либерею - библиотеку, которая состояла из книг на еврейском, греческом и латинском языках и которую великий князь в древние времена получил от константинопольского патриарха, когда московит принял христианскую веру по греческому исповедованию. Эти книги, как драгоценное сокровище, хранились замурованными в двух сводчатых подвалах.

Так как великий князь слышал об этом отличном и учёном человеке, Иоанне Веттермане, много хорошего про его добродетели и знания, потому велел отворить свою великолепную либерею, которую не открывали более ста лет с лишком, и пригласил через своего высшего канцлера и дьяка Андрея Солкана (Щелкалов) [351], Никиту Высровату (Висковатов) [352] и Фунику (Фуников) [353] вышеозначенного Иоанна Веттермана и с ним ещё нескольких лиц, которые знали московитский язык, как-то: Фому Шревена, Иоахима Шрёдера и Даниэля Браккеля, и в их присутствии велел вынести несколько из этих книг.

Эти книги были переданы в руки магистра Иоанна Веттермана для осмотра. Он нашёл там много хороших сочинений, на которые ссылаются наши писатели, но которых у нас нет, так как они сожжены и разрознены при войнах, как то было и с Птоломеевой и другими либереями. Веттерман заявил, что хотя он и беден, но отдал бы всё своё имущество, даже всех своих детей, чтобы только эти книги были в протестантских университетах, так как, по его мнению, эти книги принесли бы много пользы христианству.

Канцлер и дьяк великого князя предложили Веттерману перевести какую-нибудь из этих книг на русский язык, и если он согласится, то они предоставят в его распоряжение тех трёх вышеупомянутых лиц и ещё других людей великого князя и несколько хороших писцов, кроме того, постараются, что Веттерман с товарищами будут получать от великого

[351]Щелкалов Андрей Яковлевич (? - ок. 1597) - думный дьяк, дипломат. Возглавлял ряд приказов. В 1594 г. отошёл от дел и постригся в монахи.
[352]Висковатый Иван Михайлович (?-1570) - думный дьяк, дипломат, более 20 лет руководил внешней политикой России. В опричнину был обвинён в измене и казнён.
[353]Фуников Никита (?-1570) - дьяк, государственный казначей. Казнён вместе с Висковатым.

князя кормы и хорошие напитки в большом изобилии, а также получат хорошее помещение и жалование, и почёт, а если они только останутся у великого князя, то будут в состоянии хлопотать и за своих.

Тогда Веттерман с товарищами на другой день стали совещаться и раздумывать, что-де как только они кончат одну книгу, то им сейчас же дадут переводить другую, и, таким образом, им придётся заниматься подобною работою до самой смерти; да кроме того, благочестивый Веттерман принял и то во внимание, что, приняв предложение, ему придётся совершенно отказаться от своей паствы. Поэтому они приняли такое решение и в ответ передали великому князю: когда первосвященник Онаний прислал Птоломею из Иерусалима в Египет 72 толковника, то к ним присоединили наиучёнейших людей, которые знали Писание и были весьма мудры; для успешного окончания дела по переводу книг следует, чтобы при совершении перевода присутствовали не простые миряне, но и наиумнейшие, знающие Писание и начитанные люди.

При таком ответе Солкан, Фуника и Высровата покачали головами и подумали, что если передать такой ответ великому князю, то он может им прямо навязать эту работу (т. е. велит присутствовать при переводе) и тогда для них ничего хорошего из этого не выйдет: им придётся тогда, что, наверно, и случится, умереть при такой работе точно в цепях. Потому они донесли великому князю, будто немцы сказали, что поп их слишком несведущ, не настолько знает языки, чтобы выполнить такое предприятие. Так они все и избавились от подобной службы. Веттерман с товарищами просили одолжить им одну книгу на 6 недель, но Солкан ответил, что если узнает про это великий князь, то им плохо придётся, потому что великий князь подумает, будто они уклонились от работы. Обо всём этом впоследствии мне рассказывали сами Томас Шреффер и Иоанн Веттерман, Книги были страшно запылены, и их снова запрятали под тройные замки в подвалы» [354].

Глава XII. Книги подземной либереи

Иноязычные

Уже при Иване Грозном книги продавались в Москве на «торжищах». Об этом говорится в предисловии к «Апостолу» 1564 г. Существовал даже так называемый «книжный ряд», где торговали книгами попы и дьяконы. Сверх того, торговля книгами производилась и в «овощном ряду» [...], а также в лавках, торговавших церковными предметами.

Но то были рукописные книги. Печатные же появились на «торжищах» как товар только в конце XVI в.

Новый товар, конечно, возбудил громадный интерес среди покупателей. Продавались печатные книги не только на «торжищах», но и

[354]Ниенштедт Ф. Указ. соч. С. 355-358.

на Печатном дворе [355]. Спрос на печатные издания в конце XVI в. был большой. Но и писцы с успехом продолжали своё дело и не только до конца XVI в., но и позже.

Сведений о ценах на книги в XVI в. не сохранилось [356]. Несомненно, однако, что цены на печатные книги были долгое время выше, нежели на рукописные, так как печатание обходилось очень дорого и самое типографское дело развивалось медленно. [...]

Выше мы видели, что Веттерман упоминает о наличии в либерее Грозного «латинских книг». Что такое «латинская книга»? Это богословский или философский трактат, если не житие святого, хроника или Священное Писание.

Интересно стоит вопрос об еретических книгах в библиотеке Грозного. В современной немецкой печати довоенного времени высказывалось мнение, что Грозный по своей толерантности весьма терпим был к еретическим книгам, собирал и хранил их в своей либерее. Стимулом к этому могло служить также то жестокое преследование и беспощадное уничтожение, какому подвергались книги такого рода.

Если книга была предосудительного содержания, её сжигали, а с ней, как отмечено, казнили автора, покупателя и того, кто её находил, но не сжигал. Особенно преследовались книги еврейские. В 1309 г. в Париже было сожжено четыре воза книг, а в 1348 г. в том же Париже ещё 20 возов еврейских книг. Такое положение с еврейской книгой на Западе в ту эпоху, очевидно, давало возможность Грозному скупать там еврейские книги для своей либереи в большом числе и подешевле, особенно в г. Бамберге. По-видимому, их у Грозного в библиотеке было особенно много, судя по тому, что. еврейские среди иноязычных книг царской библиотеки хорошо знавший последнюю «другой немец» ставит на первом месте.

Любопытный элемент в составе книг либереи Грозного представляют книги на восточных языках. В этом отношении особенно интересно известие Ногайской посольской книги, [...] 6 июня 1565 г. в памяти-наказе Михаилу Фёдоровичу Сумбулову в Ногаи [357] читаем: «...А нечто молвит Тинехмат-князь: писал есми ко царю и великому князю о книге об Азя ибу имах лукат. И государь тое ко мне книги не прислал. И Михаил молвити: государь тое книгу в казнах своих искати велел и доискаться её не могли» [358].

---

[355]Печатный двор в XVI в. находился в Кремле, а в 1613-1614 гг. был перенесён на Никольскую улицу.

[356]В XIII в. стоимость Архангельского Евангелия составляла 2 гривны (столько же стоил конь), в XIV-XVII вв. цены возросли, но в это время книги чаще дарили и обменивали, чем покупали.

[357]Ногаи - татарское ханство в XVI в., было расположено в южнорусских степях.

[358]Наказ сыну боярскому Михаилу Фёдоровичу Сунбулову о исправлении посольства к ногайскому князю Тинехмату // Продолжение Древней российской библиофики. Ч. 2. Спб., 1801. С. 150.

По объяснению ориентолога В. Н. Трутовского [359], здесь надо разуметь известное сочинение знаменитого арабского естествоиспытателя Захария бен Моххамеда Казвини (ум. 1273 г.) «Аджибу-ль-Махлукат» - «Чудеса природы», содержащее в себе космографию [360] и естественную историю.

Итак, восточные книги хранились где-то в казнах великого князя; в казне государственной лежали также все «доскончальные грамоты» [361].

Украинские книги

Отовсюду собирал Грозный редкие книги в свою подземную либерею, не миновал и Украины. Оттуда был им вывезен ряд старинных и ценных книг, отсутствие которых больно чувствовалось на Украине. За такими книгами не раз предпринимались трудные паломничества из Украины в Москву. Из ряда таких случаев укажем на два, более характерных.

Некоторые исследователи относят приблизительно к 1575 г. известный акт приобретения князем Острожским [362] из Москвы списка полной славянской Библии (Геннадиевской, 1499 г.) [363], испрошенного им у царя Ивана Грозного через литовского посланника Михаила Гарабурду. Это мнение высказывал покойный Филарет, архиепископ Харьковский, в своём «Обзоре русской духовной литературы» [364]. Известно, впрочем, что Гарабурда, начиная с 1560 г., отправлялся несколько раз посланником из Литвы в Москву: в 1570, 1572 и 1575 гг. [...]

В одном сборнике Библиотеки им. Ленина конца XVI в. нашлись два неизвестных доселе произведения с именем каменец-подольского дьякона Исайи, приехавшего из Вильны в Москву с целью «трудолюбственно вынести из земли Московской Евангелие и беседы Ивана Златоуста в переводе инока Силуана, ученика Максима Грека».

Исайя был заподозрен в латинской ереси, его заставили уехать из Москвы в Вологду, а потом в Ростов, где Исайя был посажен в монастырскую тюрьму [...]

В «Новом времени» за 1912 г. от 7 марта, № 12920, находим «Мних Комянчанин Исайя, его «Лист» до великого князя Ивана Васильевича и «Плач из Ростовской тюрьмы».

В «Листе» говорится, что «он плакал и сам себя тешил в земле

---

[359]Трутовский Владимир Константинович (1862-1932) - археолог, искусствовед, хранитель Оружейной палаты.

[360]Космография - буквально: описание Вселенной.

[361]Доскончальные грамоты - в XIV-XV вв. такими грамотами определялись отношения великих и удельных князей между собой.

[362]Острожский Константин Константинович (1526-1608) - князь, киевский воевода. Защищал православное население от окатоличивания и полонизации. Основал школу и типографию в Остроге, где работал Иван Фёдоров.

[363]Геннадиевская Библия - первый полный свод Священного Писания на славянском языке. Она появилась в 1499 г., называют её по имени составителя - архиепископа новгородского Геннадия.

[364]См.: Филарет. Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1854. С. 255.

Московской в местечке Ростове в темнице, року Божьего 1560-го»:

«Року 1560 Бесед Евангельских (Златоуста) как Михаил Гарабурда на Москве через дьяка Висковатого у Грозного доставал купити, когда послан был, но вскоре не достал. Тогда за этой книгой до Москвы и опять назад в Литовское государство отправился Исайя Комянчанин и из земли Московской хотел её вынести... Днесь аз в темнице, в узах, яко злодей стражу и не найдах, в чём был пред ними согрешил или кому чем повинен».

Переплёты

Книги московской либереи тех счастливцев, которые её откроют, поразят, между прочим, своими переплётами. Переплётное искусство вообще совершенствовалось медленно.

Книги из западной Греции доставлялись в царские и монастырские книгохранилища, вероятно, переплетёнными. Переплёты, дощатые или кожаные, могли служить у нас образцами. Доски, служащие для тиснения, были сделаны русскими мастерами.

По введении книгопечатания в России явились переплётчики. Значительная часть книг, например, Филарета Никитича [365] (163 экз.) была в переплётах дощатых и в коже, обыкновенно красной, иногда белой. Есть много в сафьяне лазоревом, выбиваны золотом [366].

Были также обтянутые рыжими тканями, бархатом и оболоченные камкою [367] вишнёвою или «учажком золотным по тасиной земле» [368], один потребник значится обогнутым в хартею [369].

В пергамент переплетали книги в Европе преимущественно в XVI столетии, и введение этих переплётов приписывали иезуитам [370].

Под выражением «книга переплетена» разумеется обыкновенно переплёт с кожей. При патриархах были переплёты разнообразные и роскошные.

Самые ценные употреблены для Евангелий и Апостолов. Например, Евангелие Татра: «...древнее письмо в полдесть и обложено бархатом червчатым, плащи на верху и в исподе серебряные белые, застёжки серебряные ж, позолочены, в ней прокладочки, кисти золотом и шёлком, влагалище едино вишнёво, подложено тафтою жёлтою».

---

[365]Романов Филарет Никитич (ок. 1554/1555-1633) - русский патриарх, отец царя Михаила Фёдоровича

[366]«...выбиваны золотом» - речь идёт об украшении переплёта тончайшими золотыми листочками, что придавало им вид золотых.

[367]Камка - шёлковая цветная ткань с разными узорами.

[368]«...по таусиной земле» - т. е. по тёмно-синему фону (основе).

[369]Хартея - в переводе с греческого «мех», «кожа», т. е. пергамент.

[370]Иезуиты - члены монашеского ордена «Общество иезуитов», основанного в 1534 г. в Париже Игнатием Лайолой.

Обрезы на книгах иногда красные, иногда басмяны золотом. Часто книги были с застёжками, медными или серебряными, с жучками, металлическими же, которые «резаны финифтью [371] или пробиваемы». Жучки - это род ножек, или подставок, по углам, на исподней стороне переплёта. Застёжек две, иногда одна.

Лучшие книги украшались мастерами чеканного и золотого дела. Они переплетались и заключались в доски с матерчатыми оболочками и металлическими покрышками: то были оклады с резьбой и чеканью, с работой басменною [372] и сканною [373]. Такие книги были часто вкладными в монастыри и церкви и были часто весьма драгоценные по золоту, серебру, камням и финифти и по тонкой работе.

И не только в московских соборах, в Троице-Сергиевской лавре, но и в некоторых старинных монастырях сохраняются некоторые древние оклады, замечательные по богатству и старинной работе, в гораздо большем количестве и разнообразии сохраняются они, однако, в качестве «мёртвых книг» в потайной либерее Грозного в Москве.

Но пробил их час!

Глава XIII. Архив Грозного

Во времена Грозного господствовала духовная литература, но уже делаются попытки и в другом роде. Не говоря уже об опытах в обработке исторического материала и стремлении к изучению общей истории, в XVI в. появляются в Москве переводы польских хроник и космографий, начинают организовываться архивы, определённую физиономию получает царский архив. [...]

В описании царского архива 1575-1584 гг. упоминается, что в ящике № 217 хранится, между прочим, перевод летописца польского и космографии, причём замечено: «Отдан государю».

Полагают, что это был перевод хроники Бельского [374] и его космографии.

И. Е. Забелин ставил архив Грозного чрезвычайно высоко, выше его знаменитой библиотеки, с точки зрения его значимости для русской истории как таковой. Вместо библиотеки царской Забелин предлагает искать в земле архив царский, от которого-де осталась одна опись.

О царском архиве писал С. А. Белокуров [375]. Он пришёл к таким

---

[371]«...резаны финифтью» - украшение разноцветной и непрозрачной эмалью. Эмалью могли заполняться узоры, выложенные из сканных нитей, такой узор казался вырезанным.

[372]Басменная работа - на тонких металлических листах вытиснялся узор - басма.

[373]Сканная работа - от скручивания двух проволочек получалась верёвочка, которую использовали для украшений, выкладывая из неё узоры.

[374]Бельский Мартин (ок. 1495-1575) - польский историограф и писатель.

[375]См.: Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899.

выводам:

1. Никакого царского архива XVI в. в Московском Кремле под землёй нет.

2. Большая часть этого архива находится в Московском главном архиве Мининдел.

3. Часть архива погибла безвозвратно.

4. Часть архива увезена в Польшу [376].

Вывод, к которому пришёл С. А. Белокуров, не нов: то же самое говорил Н. П. Лихачёв в сообщении о царской библиотеке XVI столетия.

На полярно-противоположной точке зрения стоял А. И. Соболевский, который, отвечая Белокурову, писал в статье «Ещё о библиотеке и архиве московских царей»:

«Господин Белокуров, служащий в Московском архиве Мининдел, сообщил в «Московских ведомостях», № 97 важные данные относительно царского архива XVI в. Он открыл, что часть ящиков, описанных в описи царского архива XVI в., после избрания на царство Михаила Фёдоровича в 1614 г. находилась в Посольском приказе, была описана и почти целиком дошла до наших дней.

Произведённое им сличение девяти ящиков по описи XVI в. и по описи 1614 г. не оставляет сомнения, что эти ящики царского архива те самые, которые находились в начале XVII в. В Московском приказе, так что мы можем не сомневаться, что царский архив XVI в. не погиб в нашествие Девлет-Гирея (1571 г.) и что его драгоценные документы могут ещё найтись» [377].

Однако Белокуров не ограничивается сообщением данных. Он старается уверить, что никакого царского архива в XVI в. не было.

«Мнение Белокурова, что никакого царского архива не было,- недоумевает А, И. Соболевский,- по меньшей мере странно... Эти документы, вместе с некоторыми другими, в конце XVI или в самом начале XVII вв., были взяты из (подземного по Забелину и Соболевскому.- примечание автора.) царского архива в приказ для справок и в этот архив не были возвращены.

Остальные документы, к Посольскому приказу не имеющие отношения, конечно, остались по-прежнему в царском архиве. Это - «дефтери» [378] Батыя и других ханов и «духовные» старых великих князей, предшественников Ивана Калиты, перешедшие в царский архив вместе с

---

[376]В 1613 году.

[377]Соболевский А. И. Ещё о библиотеке и архиве московских царей // Новое время. 1894. № 6511.

[378]Дефтери - списки ярлыков (грамот) золотоордынских ханов.

другими многочисленными документами захваченного Калитою великокняжеского архива...

Нет сомнения, что Иван III перевёз в Москву Новгородский архив [...], а Василий III - Псковский.

Архивы князей Суздальских, Тверских, Рязанских, князей Казанских и Астраханских также не были оставлены без внимания.

Всё это должно было поступить именно в царский архив.

На это указывает и то, что в царском архиве дела по внешним сношениям Москвы сохранились в отличном состоянии и полноте, но в них зачастую отсутствуют подлинные грамоты к царям иностранных государств - очевидно, потому, что они хранятся в царском архиве вместе с другими, очень важными, но для справок ненужными документами...» [379].

Белокуров упоминает о библиотеке и архиве Грозного, но лишь для того, чтобы назвать несбыточной мечту их найти. Так думало подавляющее большинство учёных 50 лет тому назад; так думают ещё многие, но... их ждёт приятное разочарование.

«Позволим себе,- скажем словами первого учёного адепта подземной библиотеки академика А. И. Соболевского,- надеяться, что голоса скептиков в этом деле не помешают произвести поиски в Кремле. Думается, что результаты этих поисков, как бы ничтожны они ни были, всё-таки будут более ценны, чем результаты производимых у нас ежегодно раскопок курганов и могильников, и не потребуют больших издержек, чем эти последние» [380].

Глава XIV. Драма жизни Ивана Друкаря

Предтечи

XV век в Москве, как и вообще в Восточной Европе,- это век великих перемен и переворотов как в жизни экономической, так и в социальной и культурной.

Быстрый рост Московской, национально определившейся, хотя и молодой ещё, державы, поставил на очередь между другими и ряд культурных проблем, в том числе и вопрос о книгопечатании,

В XVI в. публицистика обходилась рукописными копиями. Иначе обстояло дело с книгами религиозного содержания, которые переписывались тысячами, но при этом портились через ошибки и переделки безбожно, о чём свидетельствует сам Иван Фёдоров: «Мали обретошася потребни, прочи же вси растлени от переписующих».

---

[379]Соболевский А. И. Указ. соч.
[380]Там же.

Когда об этом осведомился Иван Грозный, он стал «помышлять, как бы изложити печатные книги, якоже в Греках и Венецыи и во Фригии и прочих языцех». Таким образом, московское правительство в лице царя пришло к убеждению, что книги необходимо печатать. [...]

Окончательно решено было основать типографию на государственный счёт около 1552 г. Долгожданный в Москве печатник явился, можно сказать, случайно. [...] В мае 1552 г. в Москву был прислан от датского короля Христиана III миссионер Ганс Миссенгейм или Бокбиндер (переплётчик книг).

Сам Христиан был благочестивый лютеранин и надеялся направить по путям реформации и московского государя. Об этом король выразительно пишет в своём письме к царю, которое сохранилось до наших дней.

У Ганса Миссенгейма была Библия и ещё две книги, где были изложены основы реформаторского обряда. Король предлагал рассмотреть эти книги совместно с митрополитом, епископами и всем духовенством. В случае, когда собор признает лютеранскую веру, то он, Миссенгейм, перепечатал бы указанные книги в количестве нескольких тысяч экземпляров на русском языке. [...]

Что же царь? Принял предложение? Нет,- замечает С. М. Соловьёв,- невероятно, чтобы Иван поручил устройство типографии человеку, присланному явно с целью распространения протестантизма!

Это положение Соловьёва было ещё долгое время аргументом против гипотезы, что типографию в Москве устроил именно Миссенгейм. Однако такое утверждение фактами не подтверждается, наоборот, логика вещей говорит скорее за то, что царь Иван использовал благоприятный случай и оставил при себе типографа, какого давно уже искал.

В. Е. Румянцев, давший ценное исследование о первопечатных московских книгах [381], говорит, что Иван Фёдоров мог научиться типографскому искусству у итальянцев-фрязинов, так как на это есть указание в так называемом «Сказании о воображении книг печатного дела». Названный автор приводит интересный реестр названий деталей типографского станка, как назывались они в старой Москве: «штанба сиречь книг печатных дело», «тередорщик» - печатник, «батырщик» - красильщик, «пиян» - верхняя доска для тиснения набора, «тимпан» - верхняя доска для тиснения набора, «пунсон» и многие другие взяты из итальянского языка, а не из немецкого, где все предметы носят совсем другие названия,

Всё это доказывает непосредственную связь старого московского печатного двора с итальянскими мастерами.

---

[381]Румянцев В. Е. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. Вып. 1. М., 1872.

«Должно быть, так оно и было,- замечает В. Е. Румянцев,- первые мастера, показавшие возможность печатания книг металлическими буквами, были не итальянские специалисты-типографы, а ремесленники и художники, каких много было в Москве в начале XVI в.» [382].

Однако сделать специалистами московских печатников, организовать большую типографию, выливать буквы и т. п. довелось, кажется, всё же Бокбиндеру-Миссенгейму. [...]

Использовав указания Миссенгейма касательно техники, Иван Фёдоров мог отлично наладить дело и наряду с тем обезвредить протестантскую пропаганду. Шрифты для своей печати Иван Фёдоров сделал заново с помощью своих «клевретов» Петра Мстиславца [383] и Маруши Нефедьева [384]. В этом причина, почему буквы были сделаны по строго московскому образцу, без признаков какого-либо стороннего влияния.

С другой стороны, весь орнамент носит явные следы итальянского пошиба: «фрязский» вкус тогда был приемлем не только в России, но и во всей Европе, достаточно сказать уже о тех сборниках образцов орнамента, какие тогда были в широком употреблении по всей Европе.

С такой подготовкой и знаниями начал своё печатное дело в Москве Иван Фёдоров. [...]

Исключительное внимание царя к печатникам было не по вкусу правящим московским верхам и высшему духовенству. Что касается низшего духовенства, которое в подавляющем большинстве жило переписыванием книг, то оно в печатниках справедливо усматривало своих грозных конкурентов, так как на рынке трудно было конкурировать рукописным книгам с печатными,

Как бы то ни было, но на пятом году своего царствования, т. е. в 1553 г. «благоверный же царь Иван Васильевич всея Руси повелел устроити дом от своей царские казны, идеже печатному делу устроится и нещадно даяще от своих царских сокровищ деятелем: Николы Чудотворца Гостунскому диакону Ивану Фёдорову да Петру Мстиславцу - на составление печатному делу и к упокоению их, дондеже и на совершение дела их изыде».

Казалось бы, мечта исполнилась, цель достигнута, только работать. Ан не тут-то было! Так бывает в жизни нередко и в старые, и в новейшие времена.

---

[382]Румянцев В. Е. Указ. соч. С. 5.

[383]Мстиславец Пётр Тимофеевич - русский первопечатник. Вместе с Иван Фёдоровым выпустил первую русскую датированную книгу «Апостол» 1564 г. С начала 70-х годов XVI в. работал в Вильно.

[384]Нефедьев Маруша - первопечатник, участвовал в печатании Евангелия в Новгороде (1554-1564), затем работал в Москве.

Личность

Иван Фёдоров был вдохновенный человек, творческий мастер, энтузиаст своего дела; нравственный идеал его был высок, в его сознании печать являлась могучим орудием истинного духовного просвещения: «Да многие умножу слово Божие и слово Исус Христово». Он был апостолом [385].

Жизнь Ивана Фёдорова полна глубокого драматизма и трагизма. Она невольно затрагивает сердце каждого из нас, ибо тяжкие страды, им вынесенные, близко знакомы всем людям идеи, беззаветным труженикам знаний и искусства.

Первое, с чем встретился первопечатник Иван Фёдоров, энтузиаст своего дела, это с завистью, вызвавшей озлобление. Не от царя шло озлобление [...], а целые организованные сословия и самые влиятельные люди - бояре и думные дьяки были против того, что великое государево дело поручено какому-то [...] дьякону. Архимандриты и игумены, боявшиеся его возвышения у царя и митрополита, а затем и сам Афанасий [386], преемник Макария, завидуя Фёдорову, обвиняли его в «еретичестве»; в чём оно состояло - неизвестно.

Но зависть, столь хорошо знакомая и ныне миру учёному и художественному, не стесняется в напрасных поношениях. «Зависть,- говорит Иван Фёдоров,- наветующе сама себе не разумеет, како ходить и на чём утверждается. Завистники и туне и всуде слово зло пронесоша».

Положение Ивана Фёдорова создалось тяжёлое. Митрополита Макария уже не было в живых. Грозный игуменствовал в преименитом новеграде Слободе [387]. Типография была подожжена и сгорела в 1565 г., сгорел и печатный станок. Успел спасти Иван Фёдоров только печатные матрицы и гравировальные доски в количестве 35, для украшений. [...] Впереди рисовался только костёр для еретиков, и, по совету Петра Мстиславца, оба бежали в родной его край Литву, «где инны и духовенство просвещённее и добрее московских бояр и духовных властей».

Заметно, что очень тяжело было Ивану Фёдорову расставаться с Москвой. «Сия убо зависть и от земли и от отчества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы (т. е. чужие - примечание автора.) пресели».

Гетман Хоткевич [388] приютил их в своём имении Заблудово (б. Гродненский губ., Белостокского уезда), дал всё нужное, чтоб устроить верстак друкарский, а Ивану Фёдорову отдал даже целую деревню «для спокойствия его».

---

[385]Апостолы - в раннем христианстве: странствующие проповедники.
[386]Афанасий (1563-1564) - московский митрополит.
[387]Речь идёт об Александровской слободе.
[388]Хоткевич Григорий Александрович (XVI в.) - литовский магнат, защитник православия и противник унии.

Первым было издано «Учительное Евангелие» (1568-1569 гг.), затем Пётр Мстиславец перешёл в Вильну и там осел в типографии Мамоничей [389], где в 1575 г. издал «Напрестольное Евангелие», напечатанное изобретённым им чётким шрифтом (с прибавлением «юсов») [390], который потом был вывезен в Москву и стал родоначальником наших европейских шрифтов, а шрифт и украшения у Ивана Фёдорова носят на себе следы первых московских изданий.

За старостью Хоткевич закрыл типографию и предложил Ивану Фёдорову заняться... хлебопашеством.

«Не мне заниматься ралом и сеянием семян, призвание моё вместо рала действовать словом и вместо семян житных сеять по всей Вселенной семена духовные. Грех мне закапывать в землю талант, данный мне от господа. Размышляя о том в своём сердце, горько я плакал в своём уединении множицею слезами моими постелю мою омочих».

Для всех времён поучительна эта нравственная борьба за своё призвание среди житейских выгод и соблазнов. В сравнении с его духом как низменны те, кои высокое служение науке и искусству легко и скоро меняют на разные злачные, но более хлебные места. [...]

Иван Фёдоров умер во Львове и погребён в церкви Онуфриева монастыря. [...] Надпись на его надгробии гласит:

«Иоанн Фёдорович, друкарь книг предтым невиданных, который своим тщанием друкование занедбалое (после Скорины,- примечание автора) обновил. Преставися во Львове року (1583 г.- примечание автора.) декабря».

Том II

Часть I. Во мгле

Глава I. Девятый вал

Тайна истории

Исчезло большое собрание книг, найденное во дворце Василия Ивановича и ещё существовавшее при Иване Грозном. Оно составилось из редких греческих книг и даже книг еврейских и латинских. Когда и как составилась эта библиотека, положительно неизвестно.

Так безнадёжно обстояло дело с библиотекой Ивана Грозного всего каких-нибудь 70 с небольшим лет тому назад. А ныне?

---

[389]Мамоничи Кузьма и Лука (XVI в.) - литовские магнаты, представители православного лагеря.

[390]«Юсы» большой и малый - буквы кириллического алфавита, первоначально обозначавшие особые носовые гласные.

Ныне дан обстоятельный ответ на эти вопросы в первом томе «Мёртвых книг».

Задача настоящего, второго тома «Мёртвых книг» - проследить судьбу библиотеки или воздыханий по ней на протяжении веков после смерти Грозного, вплоть до генеральных раскопок библиотеки в советские дни.

Мировая история полна тайн и загадок, так же как история каждого народа и человека в отдельности.

Многие из таких тайн не поддаются расшифровке, несмотря другой раз на все усилия любознательных потомков.

В русской истории такой веками не поддающейся разгадке загадкой является всемирно известная, окутанная легендами и унылым учёным скепсисом знаменитая подземная библиотека в московском тайнике XV в., получившая в истории не совсем точное название библиотеки Ивана Грозного.

«Предположения»

Как же обстоит дело с этой, захватывающего интереса загадкой в нашу сталинскую эпоху, эпоху выявления и разоблачения всех и всяческих исторических тайн?

Так, как недостойно нашей великой эпохи. Вот иллюстрация.

Близившийся юбилей 800-летия Москвы побудил меня попытаться проинформировать советских историков о стадии, на какой стоит в данный момент вопрос о библиотеке Грозного. Статья об этом под заглавием «Острый вопрос истории - библиотека Грозного» была по рекомендации академика Б. Д. Грекова направлена в редакцию журнала «Вопросы истории», орган Института истории АН СССР, 6 апреля 1946 г. и получена обратно без единой помарки через 92 дня, при отношении от 27.07.1946 г., за подписью заведующей отделом истории СССР: «Возвращаем рукопись Вашей статьи «Острый вопрос истории - библиотека Грозного». Редакция считает нецелесообразным печатать предположения о библиотеке Грозного, когда ведутся работы по отысканию этой библиотеки»,

Итак, о «предположения» споткнулась редакция.

Но, во-первых, без «предположений», конкретизируемых в процессе продвижения к цели, не может быть прогресса науки, в таком случае она обречена на застой и разложение. Только благодаря «предположениям» созданы среди многих такие, например, советские науки, как радиолокация или, далее, спелеология. Инженеры-специалисты по радиолокации предлагают свои услуги по отысканию кремлёвской библиотеки, зарытой в земле.

Радиолокация в союзе со спелеологией - это такая непреоборимая научная сила, при которой только и остаётся «заколдованный клад России» «за ушко, да на солнышко»!

Во-вторых, если и ведутся работы по отысканию этой библиотеки, то сорок лет мною одним. [...]

Более того, на путях к ней под землёй,- опять же мною одним, взяты штурмом в советское время такие «доты», одолеть которые в течение ряда столетий тщетно пытался целый ряд ушедших поколений.

О результатах своеобразных и жизнеопасных спелеологических работ а-ля крот - в третьем томе («Раскопки»), с альбомом фотоснимков...

Так подлинно «в учёных потёмках» (Забелин) всё ещё пребывают иные корифеи истории...

Также «в учёных потёмках», выезжая на «предположениях», ощупью, пробирались немногие из немногих, как среди наших предприимчивых предков XVII-XVIII вв., так и среди позднейших учёных, современников XIX в,, а в XX в. - автор настоящих строк, бескорыстно стремившиеся к раскрытию этой беспрецедентной тайны русской истории.

Трудны и тернисты были пути их исканий! Немало ошибок и падений! Но своими ошибками и достижениями они, однако, уготовили торный путь для нашего, старшего поколения, получившего от дальновидного Советского правительства все мыслимые возможности, все средства, научные и технические, для окончательного, притом положительного, решения этой вековой проблемы; сделан гигантский шаг к этому книжному сокровищу Ренессанса в Москве, окончательное извлечение которого близится неотвратимо, как девятый вал. [...]

Глава II. Безлюдье

Замурованные книги

В XVI в., «веке тайны», библиотека Грозного была в зените своей славы, слухами о ней полнилась Европа: Фома Палеолог и его сын Андрей, разъезжая по европейским дворам с целью подбить их на крестовый поход против турок, рассказывали о том, как они эвакуировали ядро царской и патриаршей библиотек из Константинополя в Рим, в Ватикан.

А Ватикан, хоть и старался держать в секрете «приданое» опекаемой им Софьи, но - слухом земля полнится.

А тут ещё «свадебное путешествие» через всю Европу в Москву. А в Москве очевидцы: Максим Грек, четыре немца с Веттерманом и иже с ними, все они не давали зарока молчать о виденном и слышанном...

Неудивительно, что о таинственной библиотеке в московском каком-то тайнике говорили и в Европе и повсюду: в Константинополе, на

монашеском Афоне, в папском Ватикане, в Киеве, Новгороде, Ганзе, Швеции, Дании, Италии, Германии.

С нею связывалось странное явление, наблюдавшееся повсюду в Европе: таинственное исчезновение древних классиков и первопечатных книг Европы. Ходили слухи об агентах, скупающих по Европе книги за большие деньги. Из Киева в Москву за книгами потянулись паломники, с Востока явились ходоки искать у царя арабские книги... И Грозный приказывал их искать в подземной своей библиотеке, и если находили, то давал.

Однако неудача с хитрыми переводчиками-немцами и внезапное, всем домом, переселение в Слободу «Неволю» заставило Грозного проделать то же, что и его отец - замуровать библиотеку навсегда! Но в жизни человеческой всякому «навсегда» бывает конец. То же грозило и навсегда замурованному книжному сейфу - переменяются времена, переменяются люди.

Кто? Новые люди, новые правители могли безнаказанно извлечь из недр земных библиотеку вскоре после смерти Грозного. Это не случилось. Почему? Вследствие полного «безлюдья». В само деле: кто? Кто мог её извлечь? Может быть, новый царь Фёдор Иванович? Но о нём даже не вспомнил Забелин, когда перебирал людей, способных на это дело [391]. [...] Фёдор Иванович с ранних лет привык к церковному перезвону в Александровской слободе вместе с отцом, братом и Малютой Скуратовым, и для него не было большего удовольствия, как «малиновый звон», которым он упивался. А какая-то там отцовская библиотека, да ещё где-то под землёй, была для него звук пустой, «суета сует»...

Недалеко от царя-звонаря ушёл и его «бывший ближний боярин», впоследствии патриарх Филарет, на которого Забелин возлагал явно преувеличенные надежды...

«Больше, чем другие, о таком книгохранилище должен был иметь сведения, например, патриарх Филарет Никитич... Сделавшись патриархом, он непременно отыскал бы это забытое сокровище. Но, видимо, что отыскивать было нечего; видимо, что в XVII столетии никто и понятия не имел о потерянном по забвению сокровище» [392].

Верно, конечно, что тогда «никто и понятия не имел» о сокровище, но не верно, будто потому, что такового и в природе не было. Оно существовало, а почему Филарет, ставши патриархом, не искал его, мы не знаем и можем только гадать. Во всяком случае, ледяное равнодушие Филарета к этой большой проблеме, ещё такой свежей в его время, не говорит в его пользу.

Кто ещё? Дьяк Андрей Щелкалов, «канцлер», единственный из

---

[391]См.: Забелин И. Е. Подземные хранилища Московского Кремля // Археологические известия и заметки. 1894. № 2.
[392]Забелин И. Е. Указ. соч. С. 37.

триумвиров, оставшийся в живых. Но прошло уже лет 30, как он никакого отношения к забытому книгохранилищу не имел и, будучи к тому же лицом подчинённым и зависимым, в новой обстановке старался, быть может, вовсе не вспоминать о нём, связанном в его сознании с жуткими воспоминаниями о лютой гибели его друзей и сослуживцев по подземной библиотеке Висковатого и Фуникова.

Остаётся один Борис Годунов, «гениальный Борис Годунов», фактический правитель государства, хоть и полуразорённого. Но что за человек был Годунов, современники плохо разбирались, судя по тому, что пишет Иконников: «Даже в одной и той же (Псковской) летописи взгляды на Бориса Годунова существенно отличаются друг от друга по спискам» [393]. Как бы то ни было - факт, что Борис на высоте власти, как и Грозный во всю свою жизнь, оказался одиноким, без друзей, без преданных слуг. Его положение на престоле было лишено той прочности, какую даёт кровное право, наследование из рода в род. Бояре смотрели на нового царя, как на похитителя престола, и готовили отмщение. [...]

«Не упоминаем,- подчёркивает Забелин,- о царе Борисе Годунове, при котором такая библиотека, если бы и была где забыта и сокрыта, тоже была бы неотступно отыскана. Можно с большой уверенностью полагать, что она исчезла ещё в XVI столетии, а именно в пожар 1571 года» [394].

Этот злополучный пожар 1571 г. (так красочно описанный Штаденом [395]) для Забелина - сущий камень преткновения. Не будучи полевиком-спелеологом, Забелин просто не представлял себе, что в глубоком подземном белокаменном пустом тоннеле, с герметически вдобавок замурованным в нём каменным же казематом с книгами, не может быть никакой абсолютно пищи для огня и потому вообще «пожар» там физически невозможен. Выше мы видели, что Штаден, свидетель пожара 1571 г., и сам едва не ставший его жертвой, отмечает, что люди в погребе (с водой) сгорели, а в каменной палатке с железной дверью над погребом (и он в том числе) живы и невредимы. А ведь книжный каменный сейф Софьи Палеолог находится на глубине не менее 10 м от поверхности!

До последних глубин поражённый пожаром 1571 г., Забелин не замечает резкого противоречия самому себе: если книги византийской библиотеки на такой глубине сгорели, то почему же царский архив Ивана Грозного на той же глубине... уцелел? А сохранность последнего Забелин решительно утверждает и ставит его по исторической ценности материала даже выше самой библиотеки!

Конечно, Борис Годунов лично знал, лично видел в натуре подземную библиотеку и был, действительно, единственным человеком, который был в состоянии оценить её огромную историческую значимость, а главное, имел власть «неотступно открыть». Но мог ли он при наличии тогдашней

[393]Иконников В. С. Опыт русской историографии. Указ. соч. С. 53.
[394]Забелин И. Е. Указ. соч. С. 38.
[395]Штаден Генрих (ок. 1542-?) - немецкий авантюрист, был в России опричником. Автор записок «О Москве Ивана Грозного».

ситуации это сделать? Нет, не до того ему было! Пока жив был царь Фёдор Иванович, Годунов выжидал и создавал обстоятельства, когда сам станет царём, а ставши таковым, вконец испортил себе жизнь и только на бумаге, под пером Пушкина, говорит, что шестой уж год он царствует спокойно. [...]

А если не Борис, то больше тогда никто не мог извлечь книги из подземной тьмы Эреба [396].

Такова судьба библиотеки Грозного в XVI в. Поистине счастливая судьба! Ибо будь книгохранилище тогда же вскрыто, от него действительно осталось бы для нас одно грустное воспоминание.

Библиотека в подземелье уцелела, но после Годунова и его окружения она безнадёжно, на века, забыта. Забыта, правда, русскими, но Европа - Европа помнила, хотя еле-еле...

Глава III. Молва

Зарубежная

Население Москвы после смерти Грозного и Годунова о судьбе царской библиотеки [...] ничего не знало и не ведало: в Кремле ли она, в селе Коломенском, в слободе ль Александровской, или на Белоозере [397] - бог весть.

Да и правители новой династии о ней решительно позабыли, а кто ещё помнил, предпочитал молчать - как бы чего не вышло!.. Да и что толку, даже если б книги извлечь? Хлопотно, да и книги-то все иноземные, на чужих, непонятных языках. Надобно переводчиков, а где их взять? Ведь и сам Грозный царь не мог их сыскать. Потому и замуровал своё сокровище.

Так из избы не вынесено сору.

Только удивительное дело - память о потайном подземном книгохранилище в каком-то московском тайнике продолжала неугасимо тлеть и всё глубже пускать корни, только не на родной почве, а - за рубежом, в Европе!

Уже в конце XVI в. иностранцы, проживавшие в Москве, заинтересованные ходившими по Европе упорными слухами, всякими манерами и так и этак выспрашивали даже «самых первых сенаторов» про тайную греческую библиотеку.

Так точно продолжалось и в XVII в., когда выспрашивали не только «сенаторов», но и «стражу», попросту сторожей. Особенно характерны в этом отношении ставшие известными истории письма трёх особ - учёного

---

[396]Эреб - бог мрака, сын Хаоса в древнегреческой мифологии.

[397]Белоозеро - озеро на севере Ярославской области, в него впадает река Шексна.

грека Петра Аркудия [398], Яна Петра Сапеги [399] и «загадочной личности» Паисия Лигарида [400].

Твёрдые заклёпы

Но предварительно два слова о том, на чём собственно базировались как письма названных исторических деятелей, так и европейские слухи о таинственной библиотеке в Москве.

Дело в том, что в состав имущества Грозного входили также его архив и библиотека.

Уже в первой половине XVI в. книги и рукописи составляли необходимую часть сокровищ русских богатых людей. Курбский пишет, что русские вельможи «писание священное отеческое кожами красными и златом и драгоценными камнями украсив и в казнах за твёрдые заклёпы положи тщеславнующиеся ими и цены слагающе, толики сказуют приходящим».

Поэтому нет сомнения, что библиотека московского царя должна была заключать много драгоценных книг.

Однако не одно такое предположение вызвало представление об исключительности библиотеки Ивана Грозного и возбудило мечты и возможности существования её и теперь где-то в неведомых тайниках подземного Кремля.

Глава IV. Разведчики

Аркудий

О литературном сокровище, связанном с именем Грозного, сохранились в памятниках письменности XVI и XVII вв. хотя и скудные, тем не менее заманчивые свидетельства. К числу таких свидетельств можно отнести и письма указанных выше разведчиков: Аркудия, Сапеги и Лигарида. Как этим учёным, так и многим им подобным молва о царской библиотеке, содержащей какие-то особенные, исключительной ценности сочинения на латинском и греческом языках, в XVII в. не давала покоя. Как сказочная мечта, она не переставала тревожить их и впоследствии, до наших дней. Учёные спали и в сонном видении видели эти, как выразился Лигарид, «великолепные» книги.

Им страстно хотелось раздобыть о них какие-нибудь новые сведения на месте, в Москве. И они засылали в Москву разведчиков, ходоков, агентов: кардинал Джорджо прислал Петра Аркудия, папский нунций в Польше Клавдий Рангани - Яна Петра (а не Льва) Сапегу [401].

---

[398]Аркудий Пётр (?-1634) - католический миссионер, иезуит.
[399]Сапега Ян Пётр (1569-1611) - литовский магнат.
[400]Лигарид Паисий (1614-1678) - митрополит газский, доктор богословия.
[401]Ошибка автора. В Смоленске присутствовал Лев Сапега (1557-1633), королевский секретарь, литовский канцлер.

Они долго и тщательно выпытывали всякими способами у русских книжную тайну, и вот что они писали о своих достижениях своим адресатам в один и тот же день, 16 марта 1601 г., съехавшись в Можайске под Москвой.

«О греческой библиотеке,- писал Аркудий кардиналу,- о которой некоторые [...] подозревают, что она находится в Москве, при великом старании, которое мы употребили, а также с помощью авторитета г. канцлера, не было никак возможно узнать, чтобы она находилась когда-нибудь здесь. Ибо когда г. канцлер спросил первых сенаторов, есть ли у них большое количество книг, то москвичи, имея обычай обо всём отвечать, что у них его великое изобилие, и здесь сказали, что у них много книг у патриарха, а когда спросили, какие книги, сказали: псалтыри, послания, евангелия, минеи и вообще церковные служебные книги; когда же г. канцлер настаивал, есть ли у их великого князя греческая библиотека, они определённо отрицали существование таковой.

Я также спрашивал в доме не малое число из стражи (свиты) своей, через переводчика, а также многие греки по происхождению, служащие князю, мне говорили, что по правде, нет такой библиотеки. И я считаю это весьма правдоподобным, ибо если московиты исповедуют сохранение греческой религии, то тем не менее они во многом отличаются от неё, а в нравах расходятся со всем светом.

Не могу поверить, чтобы император греческий [402], миновав латин, образованность и светскость которых были отлично засвидетельствованы, пожелал бы прибегнуть почти к варварству.

Затем, известно, что и учёные и значительные греки того времени, как Феодор Газа, Аргиропуло Трапезундский, Хризолора и другие подобные, имели убежище в Италии. Так и брат императора, именующийся этим титлом деспота, несёт с собой главу славного апостола Андрея и с нею уходит в Рим.

То же сделали во время папы Льва [403] два брата Ласкари, Мазуро и другие учёные люди.

Далее, в то время великий князь Московский не был в таком величии, как можно ясно видеть из истории, но был данник татарского хана, который недавно явился в те страны и навёл ужас на Европу, и был данником со столь низким рабством, что выходил навстречу посланника ханского и предлагал ему пить кобылье молоко, любимое татарами, и, если посланник нечаянно проливал несколько капель, то (князь) собственным языком подлизывал их в знак почёта и страха. Кроме того, обыкновенно постилали соболий мех, на который посланник становился, читая письмо своего государя, а Московский государь обязан был давать людей, даже когда хан воевал против христианских князей.

[402]Речь идёт о Фоме Палеологе.
[403]Лев X (1513-1521) - папа римский.

Первый освободился от такого рабства Иван Васильевич, который впервые, для защиты от татар, воздвиг крепость Московскую, которая всё же (вся уже?) была устроена в 1491 г. некиим Петром Антонием Солярием, миланцем, как явствует из надписи латинским буквами над воротами той крепости. И Константинополь был взят также в то время. Так как же правдоподобно, чтобы император греческий вверил драгоценные вещи или библиотеку подобному государю, который жил в столь вечном или постоянном страхе?

Отсюда я думаю, что добрая часть греческих книг в то время была перенесена в Италию, в особенности, что Сикст IV, который подвигнут кардиналом Виссарионом и был его прелатом в более скромном положении, по убеждению сего кардинала собрал или, по крайней мере, в великой степени увеличил библиотеку Ватиканскую, которая называлась также Сикстинскою [404]. Не без причины написан в ней кардинал Виссарион...» [405] [...]

Аркудий - ревностный проповедник латинства на Востоке

Папский престол не ослабевал в усердии посылать на Русь таких доблестных миссионеров латинства, как Пётр Аркудий, который провёл в пропаганде целых 20 лет в Польше.

Пётр Аркудий умер в 1634 г., и папа задумал издать его посмертные сочинения. Один из взявших на себя этот труд был его ученик Паисий Лигарид. Он издал в 1637 г. на греческом и латинском языках одно сочинение Аркудия с посвящением папе Урбану III. [...]

Сапега

Сапега Ян Пётр (1569-1611), известный своим походом на Россию [406], в тот же день писал нунцию Клавдию Рангани:

«В деле светлейшего кардинала Сан-Джорджо, возложенном на достопочтенного Петра Аркудия,- справиться у москвичей о некоей греческой библиотеке,- я приложил в этом деле крайнее старание, но, как слышал от самых главных сенаторов, никакой такого рода библиотеки в Москве никогда не было.

Сначала-то они, по своему обычаю, хвастали, что очень много греческих книг у их патриарха, но когда я тщательнее настоял, то определённо отрицали, чтобы у них была какая-либо знаменитая библиотека, ни какие-либо греческие книги, кроме немногих церковных,

---

[404]Надо полагать, что много книг из византийской царской библиотеки, увезённой царевной Софией в Москву, было оставлено в Ватикане, для Сикстинской библиотеки.- Примечание автора.

[405]Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. С. DXXI-DXXIII.

[406]Речь идёт о походе Лжедмитрия I на Россию, в котором участвовал Лев Сапега (1604-1606).

как, конечно, псалтырь, книга посланий блаженного Павла, евангелий и других этого рода. Ибо в Москве нет никаких общественных школ и академий, а знающих греческий язык, как следует, не находится совсем, или очень мало, да и то перебежчики [407] [...]

Глава V. Загадочная личность

Льстивый «гречин»

Паисий Лигарид (1614-1678) - безместный газский митрополит. Л. Лавровский называет его загадочной личностью [408], а по Н. П. Лихачёву он «тёмная личность и едва ли не папский агент» [409].

Своё послание царю Алексею Михайловичу он писал в Москве 62 года спустя после письма Аркудия и Сапеги.

Лигарид играл весьма выдающуюся роль в длинной и полной трагических моментов процедуре суда над патриархом Никоном.

Хитроумный и льстивый «гречин» оставил после себя слишком много следов для того, чтобы беспристрастная история могла составить верное понятие о его деятельности при Московском дворе царя Алексея Михайловича.

Проживая в Москве, Паисий Лигарид, как позже Клоссиус, пользовался Синодальной библиотекой, доступной для частных лиц с XVII в.

В той же библиотеке Карамзин, наряду с другими документами, пользовался писаниями Лигарида, его записками, содержащими обширные ответы Лигарида на возражения патриарха Никона. Записки Лигарида были использованы профессором Субботиным [410].

Паисий Лигарид более всего старался скрыть самый бессовестный корыстолюбивый расчёт и низкую услужливость интересам сильной стороны.

Впрочем, ещё нельзя сказать, что вопрос уже окончательно исчерпан и не требует никаких новых дополнений.

О Паисии Лигариде до приезда его в Россию известно ещё очень немного.

Как человек, в жизни которого было немало тёмных делишек, Лигарид тщательно скрывал своё прошлое от любопытных людей, имевших с ним какие-либо сношения. Ловкость его в этом отношении

---

[407] Белокуров С. А. Указ. соч. С. DXXIV.
[408] Лавровский Л. Я. Несколько сведений для биографии Паисия Лигарида, митрополита Газского // Христианские чтения. 1898. № 11-12. С. 681.
[409] См.: «Мёртвые книги...». Т. 2. Гл. XV.
[410] Субботин Николай Иванович (1827-1905) - историк церкви, профессор.

невольно повергает в изумление. [...]

В нашей литературе для биографии Лигарида имеются только отрывочные указания в «Словаре» митрополита Евгения [411] и небольшая статья протоиерея А. Горского «Паисий Лигарид до проезда в Россию»,

Случайно Л. Лавровскому попался документ, в котором сообщается несколько сведений о Лигариде лицом ему современным, интересовавшимся личностью Лигарида ради собственных целей. Лигарид был известен некоторым своим современникам в Западной Европе. Документ - письмо французского посланника при шведским дворе маркиза де Помпона (1665 г.) главе французских миссенистов, доктору богословия Антуину Арно. [...]

Паисий Лигарид по национальности грек и монах ордена св. Василия. Учился в Риме и Падуе, а вернувшись в Константинополь, был поставлен там архиепископом г. Газы в Палестине. Для пропаганды христианства ушёл в Молдавию, и царь вызвал его в Москву, где Лигарид жил в доме, подаренном ему царём.[...]

«Если бы знал язык страны, он, вероятно, был бы избран патриархом на место того, которого низложили. Никто в Московии не имел такой репутации и таких познаний. [.„] Кальвинисты считали Лигарида подозрительным, потому что он воспитан в Риме и получил степень доктора в Падуе. Место, из которого писал Лигарид, называли «музеем Алексея» (де Помпон) [412].

Обращённый в латинство венецианский грек писал о Лигариде: «Паисий Лигарид воспитывался в Риме, и когда ушёл оттуда, то явился горячим защитником латинян; недавно я слышал, что он торжественно отрёкся от римской религии при своём посвящении в митрополита газского в Иерусалиме 14 сентября 1652 г. патриархом Паисием. О нём говорили, что он был «отъявленный лицемер и получал от папы ежегодный пенсион» [413]. [...]

«... А Глигаридин, - отзывался о нём патриарх Константинопольский Дионисий,- лоза не константинопольского престола. И я его православна не нарицаю, ибо слышу от многих, что он папежин и лукав человек» [414]. [...]

«Лигарид сделался самым доверенным лицом царя, как бы правой его рукою или домашним секретарём» [415]. [...]

«Паисий Лигарид своей ловкостью, умом, а также стечением обстоятельств занял при дворе очень выгодное, прочное и влиятельное

---

[411]Болхвитинов Евгений (1767-1837) - митрополит Киевский и Галицкий, историк.
[412]Лавровский Л. Я. Указ. соч. С. 681.
[413]Там же. С. 685.
[414]Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. Спб., 1884, С. 893.
[415]Лавровский Л. Я. Указ. соч. С. 699-700.

положение. И царь, и бояре весьма благоволили к газскому митрополиту, награждая его деньгами и подарками» [416].

П. Лигарид в своей челобитной царю от 17 декабря 1665 г. просил царя отпустить его совсем домой: «...не могу более служить твоей святой палате, отпусти раба твоего, отпусти» [417]. Царь не исполнил его просьбы. Тут был, по Лавровскому, хитрый расчёт. [...]

Умер Лигарид в 1678 г. (64 года). При смерти были замечены в нём ясные знаки его твёрдости в католической вере. Католики вовсе не отрекались от него. Таким образом, ещё очень многое остаётся неясным и неизвестным из многосложной и запутанной биографии Паисия Лигарида, митрополита Газского. Мы далеко ещё не можем проследить шаг за шагом всю его жизнь, полную многих любопытных фактов, хотя полная его биография могла бы иметь, без сомнения, громадный интерес. Быть может, со временем найдутся новые сведения о нём.

«Вертоград заключённый»

Такие сведения нашлись: это новонайденное замечательное его письмо к царю Алексею Михайловичу. Оно свидетельствует о глубокой убеждённости Лигарида в конкретном существовании мёртвых книг в кремлёвском тайнике и его (Лигарида) жадном стремлении проникнуть в тайник, чтобы собственными руками осязать, собственными очами видеть, читать исчезнувшие с лица земли европейской редкостные книги, которые уже в его время оплакивала Европа. Вот это, при всей своей краткости, многошумящее письмо, которым внезапно прерывается глубокое, гасящее все надежды молчание о библиотеке Грозного в этом веке:

«О священнейший и благочестивейший император! Вертоград, заключённый от алкающих, и источник, запечатлённый от жаждущих, по справедливости почитается несуществующим. Я говорю сие к тому, что давно уже известно о собрании вашим величеством из разных книгохранилищ многих превосходных книг, потому нижайше и прошу дозволить мне свободный вход в ваши книгохранилища для рассмотрения греческих и латинских сочинений.

Кроме верной пользы, сие не принесёт никакого предосуждения святой божией церкви, ни августейшей вашей империи, которую да покроет, возвысит и утвердит всевышнее провидение, Аминь. Буди, буди».

Письмо написано к вышеназванному царю в июне 1663 г. на латинском языке и издано в «Сборнике государственных грамот и договоров», т. IV, № 28.

Оно содержит, как это очевидно, просьбу получить доступ к книгам царского книгохранилища. В нём указывается на два чрезвычайной

[416]Там же. С. 703.
[417]Там же. С. 704.

важности фактора: на таинственность, сокровенность библиотеки, которая по своей недоступности почитается как бы несуществующей, и об её давнишней славе, что отделяет её от книг новокупленных Арсением Сухановым на Афоне в 1645-1655 гг. [418].

Письмо с латинского переведено А. И. Соболевским, впервые указавшим на этот первостепенной важности в нашем деле документ.

«К сожалению,- грустит Соболевский,- мы не имеем сведений о царском ответе на письмо Паисия (он должен быть в Московском архиве Мининдел) и можно лишь догадываться, что Паисий, под каким-либо благовидным предлогом, получил отказ» [419].

Прав Забелин, что в России «в XVII столетии никто и понятия не имел о потерянном по забвению сокровище»...

Но вот является «загадочная личность», учёный иноземец, мнимый единоверец, с предложением раскрыть вековую тайну, только-де «пусти козла в огород»! Увы, в «огород» не пустили [...]

Глава VI. Дьяк в тайнике

Девушка с характером

Существует советский фильм с таким названием, очень характерным. Он заставляет вспомнить один персонаж из времён царя Алексея Михайловича - его старшую дочь царевну Софью Алексеевну [420]. Это была подлинно девушка с характером - с сильной волей и пылким воображением, умная и любознательная, писательница. Она была ещё подростком, когда своим человеком и даже, как говорили, «секретарём», у её отца был внушительного вида монах-грек, митрополит Газский, Паисий Лигарид, враг патриарха Никона, свергнутого царём, и сам кандидат в патриархи на место поверженного. Софья рано стала интересоваться придворными событиями и даже, по мере сил и возможностей, государственными делами. Выписанный отцом из Молдавии митрополит-грек поразил воображение юной царевны как своей особой, так и, особенно, загадочным письмом, поданным им её отцу-царю. По-видимому, царевна держала это письмо в своих руках, внимательно вчитываясь в него.

Правда, письмо Лигарида царём было оставлено без ответа и вскоре забыто. Но письмо это, насыщенное загадками, глубоко запало в душу любознательной царевны. Даже ставши правительницей, царевна Софья Алексеевна помнила об этом письме, о его загадочных намёках. Её издавна влекли подземные тайны Кремля, да и знала она по личному опыту, что под Кремлём существуют подземные ходы, выводящие из

[418]А. Суханов привёз с Афона греческие рукописи.
[419]Соболевский А. И. Указ. соч.
[420]Софья Алексеевна (1657-1704) - русская царевна, правительница государства в 1682-1689 гг. Свергнута Петром I и заключена в Новодевичий монастырь.

Кремля. Одним из таких ходов она не раз пробиралась тайком из Кремля во дворец в Охотном, на зеркальную кровать к своему «Васеньке» (князю В. В. Голицыну) [421].

Её сильно интриговали в письме греческого митрополита загадочные иносказательные образы: «вертоград заключённый» или «источник запечатлённый». И что это за «многие превосходные книги» в каком-то таинственном собрании книг её отца, о котором она так-таки ровно ничего не знает? Где оно, это книжное собрание отца, когда отец, она это отлично знала, никаких книг никогда не собирал и таковых у себя не держал? Она припомнила издавна ходившие тёмные слухи о какой-то библиотеке в тайниках Кремля. Не о ней ли речь в письме грека? И где они ныне, эти «превосходные книги»? И как понять «давно уже известно о собрании книг»? Как давно и каких книг? Уж не этих ли «превосходных»? Где же оно, это книгохранилище греческих и латинских сочинений, доступа в которое так добивался учёный автор послания к царю? Не в подземном ли Кремле, о котором ничего не знает и знать не хочет отец? Хорошо бы подробно осмотреть подземный Кремль, послав туда доверенное лицо. Это положительно необходимо также на случай её поражения в мёртвой схватке за власть с младшим братом Петром.

Царевна вспомнила о своём верном Василии Макарьеве, ещё тогда не бывшим дьяком Большой казны [422]. Вспомнила, призвала и наказала: обо всём, что увидит в подземном Кремле нового, невиданного, небывалого, доложить ей и только ей одной. Для верности взяла с него клятву молчать о виденном до гробовой доски...

«Замки висячие»

Дьяк Макарьев волен был выбрать любой пункт, откуда мог бы проникнуть в подземный Кремль.

Он выбрал Тайницкую башню, Почему? Не соблазнило ль его название башни? Мы не знаем. Но, конечно, одного названия ему было мало: он знал кое о чём более конкретном - о подземном тайнике из-под Тайницкой башни подо всем Кремлём к башне Собакиной у р. Неглинной. Где и как нашёл он вход в тайник и что видел он на длинном пути от Тайницкой до Собакиной (Наугольной Арсенальной) башни?

Если бы, скажем, автору сих строк было поручено пройти по следам Макарьева, то маршрут был бы такой: на месте (ныне снесённого) четырёхугольного отвода Тайницкой башни к Москве-реке разыскал бы и расчистил глубокий колодец с сухим дном. Колодец этот мнимый. На самом деле это потайной входной люк в подземный Кремль.

Через этот люк спасся от страшного пожара 1547 г. едва не

---

[421]Голицин Василий Васильевич (1643-1714) - князь, возглавил ряд приказов. Фаворит царевны Софьи. Сослан Петром I в 1689 г. в Архангельский край.

[422]Большая казна (XVI-XVIII вв.) - приказ, заведовавший государственными доходами, ему же был подчинён Денежный двор.

задохшийся в дыму митрополит Макарий, по учёному делу засидевшийся над четьими-минеями в Успенском соборе. Когда его спускали в колодец на вожжах, вожжи оборвались и митрополит грузно рухнул... но не в воду, а на сухое дно.

Это - конкретно исторический факт, вместе с тем, ярчайшая иллюстрация, что мнимый колодец есть именно входной люк и не что иное.

Люк приводит в тоннель, идущий в противоположные стороны - под Москву-реку, с одной стороны, и к Успенскому собору, с другой стороны.

Дьяк Макарьев направился тем путём, что ведёт к собору. Он мог выйти в собор и тем ограничиться, но личное любопытство, разбуженное всем виденным, повлекло его дальше под землёй, мимо собора, по направлению к кремлёвской Алевизовской стене вдоль р. Неглинной.

Дьяк Макарьев, один-одинёшенек на большой глубине, шёл всё вперёд, охваченный жутким чувством и еле освещая путь фонарём. На свет фонаря налетали тучи летучих мышей, то и дело задевая дьяка по лицу и руками [423].

Дьяк Макарьев походя, на глаз, установил ширину и высоту тоннеля (3х3 м). Дьяка повергло в немалое удивление плоское перекрытие тоннеля из белокаменных плит. Другая особенность тайника, дьяком подмеченная, что в своей части, параллельной кремлёвской стене, он, одной левой своей стороной, просто примкнут к Алевизовской стене. И третья особенность - на известных промежутках под Алевизовской стеной Кремля сделаны пустоты или камеры (6х9 м) с коробовыми сводами. Одна из таких камер в районе Троицкой башни оказалась закрытой железной дверью с висячими замками и проёмными «чепями». Вверху, над дверями, дьяк заметил два оконца без слюды, за железными решётками. Как-то приспособившись, Макарьев смог через решётки осветить внутренность камеры. Глазам его представилась необычная картина: камера до самых кирпичных сводов («до стропу») была загружена таинственными коваными ящиками! Что в них? Дьяк, конечно, не мог себе уяснить. Он был убеждён в одном, что ящики были не пустые.

Дальнейший путь дьяка тоннелем вдоль Алевизовской стены привёл его в башню «Тайник» (Собакину), в герметически закупоренное, со сферическим сводом, круглое помещение. Влево виднелась широкая кирпичная лестница вниз, на дно тайника, в кирпичном дне кругло чернела вода итальянской цистерны Солари. Прямо перед ним манило к себе узкое отверстие потайного хода в стене. Он поднялся по узким ступеням (до 18) и вышел на первый этаж круглой Собакиной башни. Там и тут по двухметровым стенам башни зияли большими отверстиями ниши.

---

[423] В варяжских пещерах в Киеве, например, автор, делая фотоснимки в одиночестве одной рукой, другой был вынужден отбиваться от наседавших летучих мышей.- Примечание автора.

Дьяк, оглядевшись, пошёл по направлению к одной из них, выводившей в крепостной ров на Красной площади. Ныне ниша эта замурована; тогда она имела дверь. Спустившись на дно полувысохшего рва, кое-где ещё блестевшего на солнце лужицами воды, дьяк Макарьев благополучно взобрался на противоположный берег рва и вступил в так называемый тогда Точильный ряд.

Тайна до гроба

Выполнив свою миссию с большим успехом, дьяк Макарьев предстал пред ясные очи царевны.

Дьяк подробно рассказал царевне обо всём им виденном. Его рассказ привёл царевну в неописуемое волнение.

Ей ясно представилась перспектива: в случае поражения в борьбе с братом Петром она бежит новооткрытым подземным ходом в Замоскворечье, к стрельцам и далее по надобности; в случае победы она вскрывает сундуки с бесценными сокровищами её предков, если не Романовых, то Рюриковичей.

- А если,- осенила её новая мысль,- если в кованых сундуках не серебро и золото, не жемчуг и драгоценные каменья, а те... Лигаридовы «многие превосходные книги», о которых плачется Европа и разведать о которых то и дело засылает своих посланцев? Пылкая фантазия умной правительницы рисовала перед нею в недалёком будущем самые соблазнительные, самые примечательные картины.

Она потребовала от Макарьева повторить рассказ, задала ряд вопросов и взяла ещё раз клятву с дьяка доверенного-молчать обо всём виденном и хранить тайну до гробовой доски...

Царевна тогда не предвидела, что клятва, действительно, несмотря ни на что, будет сохранена в буквальном смысле до гробовой доски.

Глава VII. « Поклажа»

Песок в тайнике

Центральной фигурой XVIII в., связанной с подземным Кремлём и его сундуками, выступает звонарь с Пресни, упомянутый Конон Осипов. Чем был дорог ему Кремль? Многим, но особенно таинственными «сундуками до стропу», безраздельно пленившими воображение скромного пономаря с Пресни.

Никакого представления о царских библиотеке и архиве, как таковых, Осипов при этом не имел. «Сундуки до стропу» неизвестно с чем, неведомая «поклажа», бог весть когда и кем и ради чего туда запрятанная,- вот та кремлёвская тайна, относительно которой умирающему другу был дан обет молчания.

Миновало уже пять лет со дня смерти Макарьева в 1697 г., но и в голову Осипову не приходило нарушить священный обет. Однако все его мысли были в Кремле, с загадочными подземными сундуками. И когда в 1702 г, Пётр повелел расчистить от жилых домов, церквей и монастырей значительную площадь Кремля и неотступно копать глубокие рвы для фундаментов будущего Арсенала, Конон Осипов был тут как тут, пристально наблюдая за ходом земляных работ.

По-видимому, дьяк Макарьев в момент исповеди Осипову локализовал тайник, которым он прошёл, и теперь Осипов точно знал, в каком направлении «рвы» могут на него «найти»,

Действительно, траншея, перпендикулярная Алевизовской кремлёвской стене, наткнулась на тайник, на его плитяное плоское перекрытие, оказавшееся на метр ниже дна осиповского «рва».

По личным наблюдениям и из информации знакомых рабочих Осипову было точно известно, что значительная часть тоннеля разрушена и заполнена белокаменным, на крепчайшем растворе, устоем Арсенала. [...]

И вот прошло уже свыше двух десятилетий, а пономарь всё ещё свято хранил тайну про себя. На 21-м году «колебнулся» и решил тайну поведать миру в лице царя Петра.

Какие соображения или какое стечение обстоятельств могло заставить его сделать это, мы можем только догадываться.

По-видимому, на Осипова глубочайшее впечатление произвёл пример «черкешанина Михайловского», родом из г. Новый Мглин, очутившегося в аналогичных с Осиповым обстоятельствах. Михайловскому была поведана тайна клада Мазепы в Батурине и месторождений серебра и золота на Украине. Михайловский об этом написал поношение царю Петру в 1718 г. [424]. Царь велел безотлагательно организовать проверочную экспедицию, о результатах которой московский архивный документ не сообщает [425].

«Доношение»

Пример Михайловского произвёл неотразимое по силе впечатление на Конона Осипова. Последний усомнился в целесообразности хранения кремлёвской тайны до гробовой доски. Как и названный «черкешанин», он решил поведать свою тайну [...] царю. Но до бога высоко, до царя далеко. Осипов решил прибегнуть к посредничеству. Долго думал, кого избрать в посредники. Наконец, остановился на Преображенском приказе, на его главе, «страшном» Ромодановском [426]. Последнему он изложил устно всю

---

[424]Этот документ был найден Стеллецким в 1924 г. в Древлехранилище (ныне Центральный государственный архив древних актов).

[425]Моя «поверочная» экспедиция по следам архивного документа по поручению «Главзолота» в довоенное время привела к открытию россыпного золота в долине р. Роси и серебряных копей на Левобережье, под г. Переяславом.- Примечание автора.

[426]Говоря о «страшном» Ромодановском, автор подразумевает сподвижника Петра 1, правителя страны в отсутствие последнего Ромодановского Фёдора Юрьевича, которого

правду, рассказал обо всём, что поведал ему умиравший дьяк. Ромодановский, по-видимому, дал рассказу Осипова полную веру, так как тотчас собрался в Петербург к царю. Конечно, нет твёрдых данных утверждать, что побудительной причиной к отъезду было только услышанное; история говорит, что у Ромодановского на это были и другие соображения, всё же нельзя отрицать большой доли влияния на экстренный отъезд Ромодановского и сообщения о новооткрытом кремлёвском тайнике. Сначала обрадованный пономарь с нетерпением стал ждать результатов своей измены покойному другу. Ждал год и два, и целых четыре, а от Ромодановского ни слова.

Опять усомнился Осипов: видно, раздумал «страшный», видно, надо самому добиваться информировать царя. Но как? Через Канцелярию фискальных дел, подсказали ему.

Конон Осипов подал в декабре 1724 г. письменное «поношение» в Канцелярию фискальных дел, в котором писал:

1. «...Есть в Москве под Кремлём-городом тайник, а в том тайнике есть две палаты, полны наставлены сундуками [...]. А те палаты за великою укрепою, у тех палат двери железные, попере чепи в кольцах проёмные, замки вислые, превеликие, печати на проволоке свинцовые, и у тех палат по одному окошку, а в них решётки без затворок» [427].

Этот тайник под Кремлём-городом ныне уже не тайник: он вскрыт и обследован на энное протяжение в 1933-1934 гг. На этом протяжении он очищен от камня, земли и песка, какими был забит наглухо при постройке Арсенала в 1702 г. Тайник этот - итальянский, 3х3 м, белокаменный тоннель от Арсенальной башни до Тайницкой.

Потолок тоннеля плоский, из белокаменных плит, своей правой стороной тоннель приткнут к кирпичной Алевизовской стене Кремля, идущей вдоль Александровского сада. Где именно тоннель отрывается от Алевизовской стены и поворачивает к Тайницкой - трудно сказать, ориентировочно - в районе Троицкой башни.

Две палаты, загромождённые сундуками до сводов,- это два смежных помещения, с коробовым сводом каждое, под Алевизовской стеной, вход в настолько из тайника-тоннеля, размером они точно 6х9 м. В сундуках, о которых говорил и писал Осипов, хранится царский архив Ивана Грозного. До него осталось пройти ныне, расчищая от песка тоннель-тайник, уже не так много. Сохранилась перечневая опись этого архива («Акты археографической экспедиции», № 289). Ящиков по описи насчитывается 230 - достаточно, чтобы загромоздить помещение до сводов. От этого царского архива Забелин был в восторге и ценил его превыше царской библиотеки Грозного [428].

не было в живых в 1717 г. Доношение пономаря было подано Ивану Фёдоровичу Ромодановскому.

[427] Забелин И. Е. Указ. соч. С. 40.

[428] Там же. С. 44.

Забелин горько сожалел об утрате этого архива. «Утрата этих ящиков несравненно горестнее для русской истории, чем утрата всей библиотеки Грозного. Вот где было истинное наше сокровище, которое, сохранившись, могло бы пролить истинный и обширный свет на нашу историю от времён Батыя. В 148-м ящике здесь сохранились дефтери старые от Батыя и многих царей, с отметкою, что «переводу им нет, никто перевести не умеет». Здесь сохранились важнейшие бумаги великих и удельных князей и многих бояр. В 47-м ящике, например, грамоты доскончальные и грамоты духовные и книги великих князей старых. Перечислить все драгоценнейшие памятники, хранящиеся в этих ящиках, нет возможности. Некоторые, например, 138-й ящик, с духовными грамотами московских князей, к счастью, сохранились, издавна и доныне сохраняются в архиве Мининдел. Это обстоятельство доказывает, что ящики были целы, быть может, ещё в XVII столетии. Не о них ли оставалося предание от дьяка Большой казны Василия Макарьева? В особом тайнике они могли быть помещены для сохранения именно от пожаров».

Вот тирада, наводящая на многие размышления... Что «сундуки» Конона Осипова, а «ящики» Забелина заполнены не книгами библиотеки Грозного, а документами его архива, это не может подлежать сомнению. Свой архив, по его ценности, Грозный ставил гораздо ниже своей библиотеки. Он приспособил для него одно или два смежных помещения описанного выше типа, приставил железные двери, надёжно запертые тяжёлыми замками вышеуказанным способом, и устроил вверху два оконца за железными решётками, без «затворок», т. е. без ставень для постоянного притока «свежего» (насколько таковой в тайнике может найтись) воздуха, что было одним из основных условий для элементарного сохранения не пергаментных уже, а большею частью простых бумажных документов.

Такое оборудование готовых сводчатых камер под Алевизовской стеной придумал именно Грозный для своего царского архива, и никто другой ни до, ни после него. Доступ в архив был сравнительно лёгок: нужны были только ключи, хранившиеся при Грозном, по-видимому, у дьяка Висковатого. Приемлемо допущение Забелина, что архив Грозного ещё сохранялся в XVII в. и не только «сохранялся», но и не раз, быть может, открывался как для поисков хранившихся в сундуках архивных документов, так и из-за простого только любопытства высокопоставленных лиц. Не исключено, что так тянулось вплоть до начала XVIII в., когда фундамент Арсенала перегородил и частично разрушил тоннель. Вода из родника на дне Арсенальной башни, поднявшись, за неимением выхода, до самой белокаменной, на растворе загородки Арсенала, проникла сквозь раствор в стене, прошла по дну тайника и затопила на метр фундамент Арсенала. Неизбежная отсюда сырость в тайнике, следовательно, и в палате с архивными сундуками и с окошками, не защищёнными ставнями, могла отразиться крайне гибельно на бумажных документах. Не исключено также, что мы найдём в архивных сундуках или ящиках одну бумажную труху. Уже одно это серьёзное

опасение заставляет нас подумать о мерах скорейшего спасения этого хрупкого бумажного сокровища...

Непонятно, почему Забелин ставил так развязно эту возможную бумажную труху неизмеримо выше пергаментных и других рукописей и книг, частично в золотых переплётах, безусловно, прекрасно сохранившихся благодаря сухости в герметически закупоренном веками помещении? Если архив – сокровище русской истории, то библиотека - драгоценное достояние всего грамотного человечества!

Доступ в библиотеку всегда был бесконечно труднее, чем в архив, потому что книгохранилище было защищено не только такими же дверями и замками, как архив, но ещё снаружи и замуровано. Размуровывать и открывать тяжёлые замки, ключи от которых, к тому же, могли случайно запропаститься, было чрезвычайно сложно и канительно. Почему Грозный и предпочёл пойти, ради Веттермана, по линии наименьшего сопротивления - проломать свод каземата. [...]

Так, как перезревший плод, сама собою падает теория Забелина о роковом всепожирающем пожаре 1571 г., якобы сгубившем слитые в одно библиотеки и Грозного и Софии Палеолог.

Ясно, как день, что и архив и библиотека перешли в XVII в. в полной неприкосновенности.

Но, может быть, обе эти драгоценные «поклажи» сожгли интервенты-поляки, как утверждает профессор Клоссиус в своей знаменитой статье за июнь 1834 г. в ЖМНП [429]?

Скороспелое утверждение Клоссиуса долго, целых сто лет, морочило головы непосвящённых...

Сам собою огонь не мог проникнуть в глубокий «макарьевский» тайник - тоннель. Допустим, его туда занесли польские поджигатели с пылающими факелами [430]. Но поджигать там было нечего - кругом один камень и кирпич. Допустим, что они приметили оконца без затворок и что ухитрились бросить огонь внутрь палаты. Если там находились осиповские кованые сундуки, им это было нипочём, а если забелинские «ящики» - они могли сгореть. Но этого не случилось: дьяк Макарьев семьдесят лет спустя видел их лично целёхонькими! [...] Так что библиотека и архив Грозного дошли до нас в полной неприкосновенности. Наша задача - лишь суметь изъять то что само даётся в руки.

2. «А ныне тот тайник завален землёю за неведением, как ведён ров под Цехаузный двор (Арсенал.- примечание автора.), и тем рвом на тот тайник нашли, на своды, а те своды проломали и проломавши насыпали землёю накрепко» [431].

---

[429]Журнал Министерства народного просвещения.
[430]Речь идёт о событиях 1611 г.
[431]Забелин И. Е. Указ соч. С. 40.

Дно траншеи для фундамента, ведённой в направлении от Никольской башни к Арсенальной, оказалось на метр выше плоского, из белокаменных плит, потолка итальянского тайника-тоннеля. Потолок вскрыли и через образовавшееся в тайнике отверстие стали доставлять материалы, необходимые по ходу дела. Направо, по входе через отверстие в тайник, поставлялись белокаменные глыбы для сооружения на растворе знаменитого Арсенального «столба», загородившего со стороны источника вход в макарьевский тайник, и на каменную лестницу в стене, ведущую на первый этаж Арсенальной (Собакиной) башни.

Когда устой Арсенала был возведён, тем же манером, строительным речным песком, а потом и «землёю накрепко»,- Конон Осипов о засыпке песком не упоминает. Неизвестно пока, доведена ли засыпка тайника песком до архива Грозного в палатах с окошками «без затворок» или оный архив остаётся доступным со стороны башни Тайницкой. Такова подлинная картина с осиповским рвом под цехаузный двор. [...]

3. «И о тех он палатах доносил в 1718 году ближнему стольнику князю Ивану Фёдоровичу Ромодановскому на словах, в Москве, в Преобаженском приказе. И велено его допрашивать, почему он о тех палатах сведом? И он сказал: стал сведом от Большия казны от дьяка Василья Макарьева; сказывал он, был де он по приказу благоверныя царевны Софии Алексеевны посылал под Кремль-город тайник и в тот тайник сошёл близь Тайницких ворот, а подлинно не сказал, только сказал подлинно [...] к реке Неглинной в Круглую башню, что бывал старый Точильный ряд. И дошёл оный дьяк до вышеупомянутых палат и в те окошка он смотрел, что наставлены сундуков полны палаты; а что в сундуках, про то он не ведает; и доносил обо всём благоверной царевне Софии Алексеевне и благоверная царевна до государева указу в те палаты ходить не приказала» [432].

О романтическом путешествии дьяка Макарьева по пустынному итальянскому тоннелю и о выходе его в старый Точильный ряд в Китай-городе, где ныне Исторический музей, в своём месте нами рассказано. Здесь нас интересует другое: информационный доклад разведчика-спелеолога царевне Софье обо всём им виденном и то, как царевна на эту захватывающую информацию реагировала: «...царевна до государева указу в те палаты ходить не приказала».

Итак, царевна Софья приказала в новооткрытые таинственные палаты с загадочными сундуками не ходить, но чтобы о них никогда и никому не говорить, такого приказа от неё не было. Стало быть, дьяк Макарьев, сообщая на смертном одре Конону Осипову о своей исторической тайне, был волен сделать это, не нарушая никакой клятвы. Он свято блюл клятву не ходить в те палаты и не ходил целых 15 лет. [...]

Осипов рассказал о своём секрете Ромодановскому устно. Возможно, Осипов искал у Ромодановского только совета, как о своей тайне довести

[432]Там же. С. 40-41.

до ведома царя. По-видимому, преображенский Торквемада [433] обещал пономарю с Пресни, что доложит обо всём царю лично, для чего и выехал тотчас в Петербург. Однако открытие Макарьева представлялось ему слишком серьёзным, чтобы не принять известных мер охраны.

4. «А ныне в тех палатах есть ли что, или нет, про то он не ведает, потому что оный дьяк был послан в 90-м (1682 г. - примечание автора.) году. И князь Иван Фёдорович по допросу приказал с подьячим послать под тайник осмотреть и, приказавши, из Москвы отбыл в Санкт-Петербург» [434].

Ромодановский приставил к обладателю тайны Осипову подьячего в качестве своего доверенного агента-информатора о положении дела с «поклажей» в Москве. Приказание же «с подьячим тот тайник осмотреть» было дано ради красного словца. Ромодановский не мог не понимать, что Арсеналом доступ в тайник безнадёжно закрыт, что тут нужны большие раскопки, что на такие раскопки нужно царское слово.

По всей видимости, за таким словом он лично и поехал в Петербург, но дорогой почему-то передумал: ни словом перед царём не заикнулся о кремлёвском кладе и молчал целых шесть лет, пока предприимчивый пономарь не оказался выведенным из себя такой бессовестной проволочкой. Осипов решил обратиться непосредственно к царю. Лично выехал в Петербург и в начале декабря 1724 г. представил письменное поношение, но не царю, а в Канцелярию фискальных дел, как требовалось по положению.

Канцелярия признала дело настолько значимым, что немедленно передала доношение в Сенат. Сенат признал последнее бредом сумасшедшего, тем не менее увидел себя вынужденным информировать царя. Пётр, едва выслушав, с жаром ухватился за сообщение и приказал изумлённому Сенату немедленно дать делу «полный ход». «Выслушав доношение в Сенате,- читаем у Забелина,- он собственной рукой написал на нём тако: «Освидетельствовать совершенно вице-губернатору» (московскому Воейкову) [435].

Немедленно было дано распоряжение снарядить пономаря в экспедицию в Москву: подыскать для него «ямскую подводу» от Петербурга до Москвы и выдать «прогонные деньги, а ему кормовые» по гривне на день до тех пор, пока это дело освидетельствуется, причём, к московскому вице-губернатору Воейкову послать указ, «чтобы он освидетельствовал о той поклаже без всякого замедления, дабы пономарю кормовые деньги даваемы туне не были».

Через неделю с небольшим после подачи поношения, а именно 14 декабря 1724 г., Конон Осипов спешно отбыл в Москву с царским указом и с «карт блянш» на производство поисковых раскопок в Кремле, в любом

[433]Торквемада Томас (ок. 1420-1498) - глава испанской инквизиции (великий инквизитор).
[434]Забелин И. Е. Указ. соч. С. 41.
[435]Там же.

месте, по личному указанию пономаря.

«Как начинались и чем окончились эти поиски пономаря,- замечает Забелин - Сенату не было известно, быть может, по той причине, что с небольшим через месяц после сенатского решения государь скончался 28 января 1725 г. Подобные дела могли в это время остановиться в своём движении» [436].

Так вообще могло быть и так действительно было в 1894 г. случае с Н. С. Щербатовым, раскопки которого в Кремле смертью Александра III были прерваны сразу и надолго. Но не так сталось в данном случае, за 170 лет перед Щербатовым: поиски поклажи в Кремле производились Осиповым и после смерти царя...

5. «Повелено было мне под Кремлём-городом в тайнике оные две палаты великие, наставлены полны сундуков, отыскать, и оному тайнику вход я сыскал, и тем ходом итить стало быть нельзя» [437].

Почему! Потому что при постройке Арсенала тот ход проломали и заделали каменными «столпами».

В этих немногих словах содержится очень много. «Оному тайнику,- говорит Осипов,- вход я сыскал». Где же он, этот «вход»? Из контекста неясно, но совершенно ясно в результате произведённых уже там советских поисков. Имея «карт блянш», пономарь остановился прежде всего на Угловой Арсенальной башне. Почему? Да потому, что он отчётливо помнил, как 23 года тому назад, «как ведён ров под Цехаузный двор, тем рвом на тот тайник нашли, на своды, а те своды проломали»... Для Осипова было совершенно ясно, что тайник этот подлинно макарьевский: стоит пробиться в него через столп Арсенала и «поклажа» в кармане! Но - «тем ходом итить стало быть нельзя», пока не пробит проход в белокаменной стене устоя Арсенала.

Всё ясно, как день, но Забелин в «учёных потёмках» двигается ощупью: «По-видимому, эти поиски производились у (sic!) Арсенальной кремлёвской стены в (sic!) круглой Наугольной башне, под которой устроен был тайник к Неглинке (sic!), для добывания воды (sic!) ещё в 1492 г., когда построена была и самая башня, называвшаяся потом «Собакиной» [438].

Круглая Наугольная башня в советское время была расчищена до дна, но никакого тайника к Неглинке в ней не оказалось. Да в нём и надобности не было, как не было нужды в добывании воды из Неглинки: в центре Арсенальной башни имеется собственный родник - вдобавок минеральный - необычайной силы, борьба с наступлением которого в послеарсенальный период (после разрушения Арсеналом старинных водоотводов) составляла предмет тяжёлых забот всех русских

[436]Там же. С. 41-42.
[437]Там же. С. 42.
[438]Там же.

правительств от Анны Ивановны до Александра I включительно. [...]

Что же тем временем делал Конон Осипов, первоочередной задачей которого было найти макарьевский тайник? Искал способов проникнуть в подземелье Арсенальной башни, герметически закупоренное фундаментами Кремля. Задача была не из лёгких. Наконец, нашёл: нащупав купол подземелья, проломал его, проделал дыру - человеку пролезть. Была опущена длиннейшая двусоставная деревянная лестница, в воде достававшая дна подземелья. Спустившись к воде, Осипов и его спутники перебрались как-то на верхние ступени итальянской кирпичной лестницы, ведшей ранее к цистерне, как отмечено, на дне. За 22 года со времени уничтожения водоотводов Арсеналом вода залила дно подземелья и успела подняться до верхних ступеней упомянутой лестницы. Осипов пошёл к устью макарьевского тайника, на шестом метре перегороженного белокаменным устоем Арсенала. Конон достоверно знал, что на энном метре тайник поворачивает вправо, вдоль кремлёвской стены. Выбрасывать всю белокаменную замуровку Арсенала Осипов не собирался: он находил достаточным проделать узкую, в рост человека, щель между замуровкой и кремлёвской стеной, чтобы, таким образом, попасть в пустой отрезок тоннеля, где и должна находиться палата с сундуками.

Неожиданно против плана Конона Осипова запротестовал приставленный к нему архитектор: дескать, проект неприемлем с точки зрения принципов техники безопасности!.. Конечно, сам архитектор понимал нелепость своего требования, но он вынуждался к этому по другим, чисто шкурническим, соображениям; его пугала канительная процедура выноса каждого обломка камня через воду по высочайшей лестнице на первый этаж башни, откуда окольными путями на кремлёвскую стену, чтобы с неё, наконец, сбросить камень в Александровский сад... Ни об одном из этих затруднений не упоминает Осипов в своём доношении. Он только пишет:

6. «И я о том докладывал Воейкову, и оный Воейков приказал быть у того дела того (Цехаузного.- примечание автора.) двора архитектору, чтобы итить ходом потайным, показанным прямо подле города (вдоль Александровского сада.- примечание автора.). И оный господин Воейков приказал для охранения городовой стены, также и Цехаузного двора, как покажет идти архитектору» [439].

Из приведённого отрывка отношения Осипова ясно, что вице-губернатор солидаризировался с архитектором в его «архитекторском запрещении»; вместо того, чтобы изыскать иные, более лёгкие и менее сложные пути к удалению щебня и других отбросов в процессе работ из тайника наружу. Между тем столь необходимый выход напрашивался сам собой: дверь в южной стене башни, выводившая в Александровский сад, на высоте метров четырёх от тогдашнего уровня воды в тайнике. Эта дверь, хотя была, возможно, замурована, но не была засыпана изнутри

[439]Там же.

мусором, как это было уже в моё время, т. е, в 30-е гг. XX в.

Таким образом, вина в нелепом «архитектурном запрещении» падает не только на архитектора, но в равной степени и на представителя администрации Москвы Воейкова.

Далее Осипов рассказывает про архитектора что-то несуразное:

7. «И оной архитектор приказал новые столпы пробивать срединою, а подле стены итить не дал, как тот ход шёл, и вышел в материк (!) прямо к городу. А тот вышепоказанный ход, что вышел из круглой башни, теми столпами уничтожен, потому что те двери под город теми новыми столпами заделаны и не дал в том потаённом ходе оный архитектор позволения.

И той пробивке (т. е. «срединою».- примечание автора.) было полгода и больше, а мне было в том архитекторском запрещении и вице-губернаторском Воейковым непозволении учинилось продолжение не малое, а мне причитали в вину и отказали» [440].

Такова исследовательская трагедия спелеолога-кустаря XVIII в., им самим рассказанная.

В приведённой выдержке вызывают недоумение три обстоятельства. Во-первых, если архитектор запретил Осипову пробивать проход между кремлёвской стеной и замуровкой по соображениям техники безопасности, то почему же последнюю он объявил не обязательной при собственной пробивке замуровки «срединою». Во-вторых, если он решился на пробивку, то идти «срединою» было всего менее целесообразно, при таком подходе он не мог попасть ни на лестницу в стене налево, ни в макарьевский ход направо. И действительно, только через полгода работы он вышел в материк прямо к городу (стене). В-третьих, куда и как удалял он из подземелья щебёнку и обломки камня, накоплявшиеся в процессе его работы? Но самое удивительное, самое загадочное то, что ни малейших следов подобного рода работы в подземелье нет! Белокаменная замуровка, «столпы» Арсенала перед нами - во всей своей первобытной неприкосновенности. Только в центре её - четырёхугольное углубление 16х8х4 см - след чьей-то в веках попытки пробиться в макарьевский тайник...

И ещё более удивительно, что на полугодичную архитекторскую, неведомо где, пробивку Осипов ссылается как на конкретный факт, вызвавший непроизводительную трату драгоценного времени.

Ответственность за чужую вину была несправедливо возложена на исследователя, и многообещающие по своим конечным результатам работы Конона Осипова были недальновидно прекращены, очевидно, по соображениям, главным образом, чтобы кормовые пономарю не шли «туне».

---

[440]Там же.

Так первая государственная попытка отыскать в Кремле загадочную «поклажу» (архив Грозного) свелась к нулю. И не потому, что исследователь оказался не на высоте, а потому, что светлое дело одолели тёмные силы.

Пономарь затих. Надолго, на целых десять лет. Время шло. Пришла старость. Тревога и страх томили сердце пономаря: умереть, не отыскав поклажи! И он решился. 13 мая 1734 г. обратился к правительству Анны Ивановны с предложением:

«Дать ему повелительный указ, чтобы те помянутые палаты с казною отыскать, дабы напрасно оный интерес не пропал втуне, потому что он, пономарь, уже при старости» [441].

Здесь привлекают внимание три обстоятельства:

а) «палаты с казною». Осипов впервые высказывает суждение о содержимом «сундуков до стропу». По его мнению, они наполнены драгоценностями, могущими очень и очень пригодиться государству. Последнее прямо заинтересовано их отыскать.

б) отсюда «оный интерес» - государственный интерес. Об общем, государственном интересе, интересе Родины печалуется пономарь, а не о шкурном, личном, как думает А. Зерцалов [442], а за ним и И. Е. Забелин. «Отставной пономарь,- замечает Забелин,- видимо, был человек предприимчивый. В 1718 г. он занимался по подряду в казну изделием каких-то гренадерских медных трубок, которых не успел доделать на 20 пудов». [443];

в) Забелин, опять же вслед за Зерцаловым, ошибочно называет Конона Осипова пономарём «отставным». Между тем в приведённой выдержке Конон Осипов ещё в 1734 г. называет себя «пономарём», т. е. состоящим на действительной службе в качестве пономаря церкви Ивана Предтечи на Пресне. Следовательно, основной заработок Осипова был по должности пономаря, а выработка трубок - подсобным, ради которого ему не было смысла выдумывать нелепую сказку о фиктивной поклаже, как то утверждает А. Зерцалов. Осипов просил названное правительство послать его к работе:

«...в самой скорости, чтобы земля теплотою не наполнилась; и к той работе дать ему из Раскольнической Комиссии арестантов 20 человек беспременно до окончания оного дела и повелено б было оное ему отыскивать в четырёх местах. А ежели я что учиню градским стенам какую трату и за то повинен смерти» [444].

Заслушав в тот же день, 13 мая 1734 г., и вторично - 5 июня

---

[441]Там же.
[442]См.: Зерцалов А. Н. По поводу раскопок в Кремле // Московские ведомости. 1894. № 335.
[443]Забелин И. Е. Указ. соч. С. 42.
[444]Там же. С. 42-43.

доношение пономаря, Сенат определил «взять у него доношение на письме: в каких именно местах поклажи имеются». Осипов указал такие места:

«В Кремле-городе:

1) от Тайницких ворот;

2) от Константиновской Пороховой палаты (близ церкви Константина и Елены.- Примечание автора.);

3) под церковью Иоанна Спасителя Лестницы;

4) от Ямского приказу попереч дороги до Коллегии иностранных дел (близ Архангельского собора.- Примечание автора.).

А что от которого по которое место имеет быть копка сажень и аршин, того он не знает. А та поклажа в тех местах в двух палатах и стоит в сундуках, а какая именно поклажа, того он не знает. А с прошлого 1724 г., как он о той поклаже подал поношение в Канцелярию фискальных дел и по указу из Сената велено о том освидетельствовать, он, Конон, по нынешнее время не доносил, чая, что по тому из Сената указу свидетельство исполнится» [445].

Понятие «прошлый» Осипов применяет здесь не в смысле «вчерашний», «предыдущий», а в смысле прошлый вообще, в данном случае, десять лет тому назад (1724-1734 гг.). Десять лет тщетно он ждал, что его привлекут к выполнению сенатского указа, который, по его мнению, с течением времени не терял своей силы. Разрешение правительства Анны Ивановны на раскопки в Кремле им было получено. Раскопки он произвёл в следующих пунктах:

1. У Тайницких ворот на Житном дворе, подле набережных всех палат.

2. На площади против Иностранной коллегии (за Архангельским собором), где погреба каменные нашлись.

3. Против Ивановской колокольни вдоль площади.

4. У цехаузной стены в круглой башне.

5. У Тайницких ворот, близ Рентереи [446].

«И той работы было немало, но токмо поклажи никакой не отыскал»,- докладывал Присутствию Сената сенатский секретарь Семён Молчанов [447]. Только в двух местах из указанных пяти раскопки Конона Осипова являлись целесообразными и вполне отвечающими своей цели: в Круглой

---

[445]Там же. С. 43.

[446]Рентарея - казначейство.

[447]Архив Министерства юстиции. Дело Правительственного Сената по Монетной канцелярии. Кн. № 4/1718.- Примечание автора.

Арсенальной башне и в Тайницких воротах, особенно в первой.

К сожалению, никаких сведений о его работах здесь мы не имеем. В частности, в Арсенальной башне он ничего не сделал. По-видимому, его работы здесь ограничились руководством по засыпке мусором источника, вода которого поднималась всё выше и уже сильно стала беспокоить правительство названной царицы. Под его же руководством и по его же инициативе, надо думать, сооружён и колодезный сруб, впервые тогда опущенный на мусорный слой в полтора метра.

Наиболее благодарными оказались его раскопки в Тайницкой башне, где им был открыт тот самый ход, каким прошёл в 1682 г. дьяк Макарьев; ход оказался сильно обветшавшим со времени похода Макарьева, он требовал основательного крепления. Нужен был лес. Этим воспользовались приставленные к нему для помощи завистники-дьяки Нестеров и Былинский, чтобы подставить «ножку» пономарю, они отказались доставить необходимый материал. Это было преступлением против правительственного указа и культуры, оставшееся безнаказанным. Ни с какой стороны не был к нему причастен Конон Осипов - эта жертва людской зависти, клеветы и невежества.

Об этом трагическом моменте в своей жизни Конон Осипов вещает со спокойствием летописца:

«И дьяки Василий Нестеров, Яков Былинский послали с ним подьячего Петра Чичерина для осмотра того выхода и оной подьячий тот выход осмотрел и донёс им, дьякам, что такой выход есть, токмо завален землёю.

И дали ему капитана для очистки земли и 10 солдат [...] и две лестницы обчистили и стала земля валиться сверху, и оный капитан видит, что пошёл ход прямой и послал отписку, чтоб дали дьяки таких людей, чтоб подвесть под тое землю доски, чтобы тою землёю людей не засыпало.

И дьяки людей не дали и далее идти не велели, и по сю пору не исследовано» [448].

Свидетельство исключительной важности: оно удостоверяет наличие и открытие макарьевского тайника с двух сторон: со стороны Тайницкой башни в 1734 г., и со стороны башни Круглой Арсенальной в 1934 г.

Положительно нужно удивляться, почему И. Е. Забелин и Н. С. Щербатов не обратили никакого внимания на эго замечательное место в доношении Конона Осипова: оно неопровержимо верно указывало, откуда надо было начать раскопки в Кремле в 1894 г., чтобы вскоре же и наверняка, в первую голову овладеть царским архивом Грозного, как более доступным. [...]

---

[448]Забелин И. Е. Указ. соч. С. 41.

Непростительная ошибка Забелина не только в том, что он сразу же не направил изыскательские работы Щербатова на Тайницкую башню, а и в том, что он осиповские поисковые в Кремле работы 1734 г. приурочивает к 1724 г., чем производит в головах читателей сумбур и неразбериху.

«Мы видели,- справедливо замечает академик А. И. Соболевский,- что пономарь не нашёл искомого сокровища. Из этого не следует, чтобы его во время поисков уже не существовало. Свидетельство дьяка Макарьева достаточно ясно и определённо и не даёт повода к сомнениям. Энергия пономаря показывает, что он вполне верил дьяку.

Царь Пётр не сделал никаких замечаний и не выразил ни малейшего скептицизма по поводу «доношений» пономаря. Это удостоверяет, что в его царствование никаких сундуков не вынималось из подземных палат и не переносилось в другое место. После Петра некому было опустошить эти палаты. Итак, они со своими сундуками должны ещё существовать в том или другом виде, засыпанные землёй или совсем невредимые, и от нашей энергии и искусства зависит отыскать их. Конечно, возможно, что найдётся лишь груда гнилья, но столь же возможно, что роскошные греческие пергаменты и дефтери Батыя окажутся сохранившимися не хуже того, что, повалявшись несколько столетий в сырых монастырских кладовых, дошло, наконец, до нас. Во всяком случае, дело не должно быть оставлено без внимания. Раскопки, произведённые под руководством такого знатока старой Москвы, как И. Е. Забелин, не получат огромных размеров и не потребуют особенно больших издержек, но смогут дать такие результаты, которые теперь нам трудно даже представить» [449].

Пламенные мечты академика-энтузиаста архивный скептик А. Зерцалов расхолаживает и сводит на нет, когда предупреждает в своей статье: «...не доверять рассказу Конона, так как он придумал весь свой заманчивый рассказ о таинственных тайниках, имея в виду заинтересовать им правящие сферы и отклонить от себя взыскание казённого долга» [450].

В обоснование своей собственной выдумки А. Зерцалов приводит соображения: «Трудно допустить, чтобы дьяк Макарьев, знавший о палатах с 1682 г., несмотря на запрет правительницы, стал сообщать об этом посторонним лицам и прежде всего какому-то безвестному пономарю» [451].

В 1735 г. Конон Осипов, по Зерцалову, «попал под амнистию»: недоимка была снята, и он мог передохнуть, наконец, от многолетних, на обмане якобы державшихся, кремлёвских работ. Но что мы видим? В июле 1736 г. Осипов опять просил разрешить ему искать знаменитую поклажу, для чего нарядить рабочую силу в шесть человек, выдать две железные

[449]Соболевский А. И. Подземные палаты московских царей // Новое время. 1894. № 6479.
[450] Зерцалов А. Н. О раскопках в Московском Кремле в XVIII в. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1897. Кн. 1 (180). С. III.
[451]Там же.

кирки, один лом, десять лопат и 50 кульков. Раскопки 1736 г. не состоялись, очевидно, за смертью не менее знаменитого, как и его поклажа, искателя [452].

Широкие круги русской, а тем более зарубежной общественности XVIII в. были далеки от посвящения их в кремлёвские подвиги пономаря с Пресни; всё это предприятие было придворной тайной. Со смертью активиста-кладоискателя, кроме архивных, все следы его исчезли, бесследно канули в Лету.

С особой силой память о поклаже XVIII в. вспыхнула в учёной Москве лишь полтораста лет спустя, когда дело поисков забытой кремлёвской поклажи попало в самом начале XIX в. в нетвёрдые руки тогдашнего директора Исторического музея Н. С. Щербатова.

Глава VIII. Камень в воду

Внезапный визит

Из Страсбурга неожиданно явился в Москву в 1891 г. доктор Тремер. Своей целью он ставил нечто ошеломившее учёных: отыскать в Московском Кремле библиотеку Грозного! Да не как-нибудь, а как раз путём раскопок, единственно, надо признать, правильным путём. Москва, особенно учёная, не верила глазам своим: иноземный учёный, в Москву, искать, даже раскапывать какую-то мифическую подземную библиотеку Грозного в Кремле!..

Тремер, видимо, тщательно изучил вопрос о библиотеке у себя дома: в Москву он явился со строго, заранее выработанным планом: разыскать в Кремле церковь Лазаря [453], а под ней уже - библиотеку Грозного! Последняя служила основной целью его приезда. Для отвода глаз он объявил, что приехал искать в архивах Москвы недостающую начальную часть рукописи «Илиады» Гомера. Дело в том, что немецкий учёный профессор Маттеи в конце XVIII столетия оторвал от этой рукописи ровно половину, которую и продал в Лейден. Там она получила название «лейденской». Теперь эта «лейденская» рукопись пришлась слово в слово, строчка в строчку к рукописи, находившейся в Москве.

Московские учёные круги лишь ухмылялись про себя в бороды, много с ним спорили, особенно С. А. Белокуров, но, в общем, отнеслись к нему лояльно и не мешали произвести с высочайшего соизволения, в Кремле раскопки, которые он заблаговременно себе наметил. Подземную церковь Лазаря Тремер нашёл, а в её подвале - бочки со смолой и склад дров Забелина… Дальше не пошёл и, разочарованный вконец, уехал. Тем не менее он остался при глубоком внутреннем убеждении, что библиотека Грозного продолжает существовать в неприкосновенном виде в

[452]ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3, Д. 36. Л. 137-159.

[453]Церковь Воскрешения св. Лазаря (XIV в.); остатки её находились под церковью Рождества Богородицы. В XIX в. последняя вошла в состав Большого Кремлёвского дворца.

подземельях Кремля. На эту тему он написал статью, носившую характер сенсации, под заглавием «Библиотека Иоанна Грозного»:

«Почти столетие прошло с того времени, как московский профессор Фр. Хр. Маттеи (Matthaei) открыл учёному миру сокровища Московской Синодальной библиотеки, издав свой обширный каталог греческих рукописей этого замечательного книгохранилища. С тех пор эта библиотека составляет предмет всеобщего внимания специалистов, хотя только немногим из них удавалось проникнуть в её стены, столь отдалённые от главных центров научной жизни.

Зато не было до сих пор случая, чтоб издалека прибыл в Москву филолог для того, чтобы искать и найти себе главное поле деятельности не в Синодальной библиотеке, а в других книгохранилищах Москвы. [...]

В этом случае дело идёт не о таких научных исследованиях, которые заслуживают внимания только небольшого кружка специалистов, а о забытом сокровище, потеря которого должна печалить весь образованный мир и открытие которого обогатило бы Россию новою славой.

Догадки и факты

Прежде всего, я позволю себе сказать несколько слов о причинах, побудивших меня с Рейна отправиться на берега Москвы-реки.

Когда летом 1890 г. я читал в Страсбургском университете о гимнах Гомера, мне приходилось обсуждать драгоценную рукопись лейденской библиотеки, происхождение и история которой были совершенно неизвестны. Эта рукопись, которая, кроме нескольких песен «Илиады», заключает в себе гимны Гомера в более полном виде, чем всякое иное собрание, была открыта названным профессором московского университета Маттеи в 1777 г. в Москве и копия с неё была тотчас послана им голландскому филологу Рункену (Ruhnken). Последний опубликовал её в 1780 г., в предположении, что оригинал находится в Московской Синодальной библиотеке. На самом деле оказалось, что профессор Маттеи позже (1786 г.) продал оригинал этой рукописи лейденской библиотеке и при этом заявил, будто сам купил этот оригинал из частной библиотеки коллежского асессора Карташёва. Тем не менее заявление Рункена было повторено другими, и в особенности в России твёрдо установилось мнение, что Маттеи украл упомянутую рукопись из Синодальной библиотеки... [...]

Такое мнение, однако, ошибочно.

Тот же самый Маттеи прислал Г. Гейне, для его издания Гомера 1801 г., сообщение, что в Московском Государственном архиве Министерства иностранных дел in volio XIV столетия заключает в себе «Илиаду» с 1-й песни до 434-го стиха VIII песни. Между тем лейденский кодекс точно так же, как рукопись XIV столетия и начинается с 435-го стиха той же VIII песни «Илиады», т. е. как раз там, где оканчивается упоминаемая Гейне

рукопись архива Мининдел.

Таким образом, вполне точно установлено происхождение лейденской рукописи из Московского архива Мининдел, который, следовательно, отныне входит в круг интересов классических филологов: в самом деле, если лейденская рукопись вышла из этого архива, то филология должна была постараться исследовать, каким образом этот перл древнегреческой литературы смог очутиться в собрании дипломатических актов новейшего времени.

В ответ на этот вопрос я нашёл в Dictionair Namismatigue [454] русского нумизматика Бутковского [455] важные указания.

В этом словаре упоминается о сообщении покойного директора архива князя Оболенского [456], который говорил, что найденная профессором Маттеи рукопись с Гомеровскими гимнами происходит из библиотеки великой княгини Софии Палеолог и что для этой, по тому времени очень обширной библиотеки был в царствование внука Софии Палеолог, Иоанна IV, составлен в 1565 году каталог дерптским пастором Веттерманом.

О том, где Маттеи нашёл эту рукопись царской библиотеки, князь Оболенский ничего не сказал, во всяком случае, он, согласно распространённому в России мнению, имел в виду Синодальную библиотеку. Но тех, для которых связь лейденской рукописи с рукописью архива Мининдел была вне всяких сомнений, заметка князя Оболенского должна была прямо озадачить. Если лейденская рукопись вышла, чего князь Оболенский даже не подозревал, из его собственного архива, то архив становился, таким образом, хранилищем сокровищ Иоанна Грозного. Не укрылось ли какое-нибудь из этих сокровищ от внимательного взора Маттеи?

Чтоб убедиться в этом, я отправился в Россию. В Петербурге я познакомился прежде всего с источником, из которого князь Оболенский почерпнул свои сведения. Этим источником оказалась статья дерптского профессора Клоссиуса, появившаяся в ЖМНП в 1834 г., оставшаяся на западе неизвестной (?) и озаглавленная «Библиотека великого князя Василия IV и царя Иоанна IV». Мы не будем касаться подробностей этой превосходной статьи, так как это завело бы нас слишком далеко, и вкратце напомним из неё только следующие выводы.

Уже великий князь Василий IV имел богословскую библиотеку, которая возбудила удивление Максима Грека; его сын Иоанн IV владел обширным собранием греческих и латинских рукописей, которые дерптский пастор Веттерман рассмотрел между 1565 и 1567 гг.; позже какой-то Anonimus, во всяком случае не упомянутый Веттерман, как предполагает ошибочно Клоссиус, имел продолжительное время в своих

[454]Нумизматический словарь (нем.).
[455]См.: Бутковский А. Нумизматика. М. 1861.
[456]Оболенский Михаил Андреевич возглавлял архив в 1805-1873 гг.

руках эти рукописи и перевёл из них на русский язык Ливия и Светония. Список Anonimus определяет состав всей библиотеки в 800 рукописей, между которыми такие сочинения, как речи и сочинения Licinius Calous, которые в ином месте нигде не находятся, сочинения Цицерона «De Republica», история Тацита и Полибия и другие, вызывают наше величайшее удивление. И эта библиотека хранилась «в тройных сводах близ комнаты царя», она составляла наследственное достояние царя и оставалась там до той минуты, когда своды были вскрыты для осмотра Веттерманом библиотеки, сокрытой в тайнике «сто и более лет».

Так как открытие этого сокровища «распространило бы из России в Европе времена Петрарки, Боккаччио, Филадельфа и Медичи», то Клоссиус производил усердные исследования об их местонахождении, но совершенно безуспешно. Он закончил эти исследования грустным предположением, что библиотека Иоанна погибла во время кремлёвского пожара в 1626 г., или при разграблении Кремля поляками в 1611 г., или ещё раньше.

Поиски Клоссиуса ограничились библиотеками Синодальной и Александровской Слободы, и со времени отрицательных этих поисков завеса, покрывающая судьбу затерянной библиотеки, никем не приподнималась.

Рассказанная выше история лейденской рукописи давала, казалось бы, новую точку опоры. В архиве Мининдел до сих пор не были произведены поиски, а между тем из него вышла в конце прошлого столетия драгоценная рукопись, равная по важности с теми сокровищами, которыми свидетели XVI столетия восхищались в царской библиотеке.

В то же время мне удалось установить, что Маттеи имел случай видеть в архиве Мининдел не только обе рукописи Илиады, о которых упоминает Гейне, но также две рукописи на пергаменте четырёх евангелистов и Григория Назианского [457] (sic!). Наконец, из разбросанных заметок Маттеи оказалось, что он сам владел собранием греческих рукописей, о происхождении которых он умалчивает.

Ничего не было проще, как предположить, что эти рукописи такого же происхождения, как лейденская рукопись, другими словами, что тщетно разыскиваемая Клоссиусом библиотека, хотя бы только в остатках, хранится в архивах Мининдел.

Такие исследования заставили меня не откладывать поездку в древнерусскую столицу. С большим ожиданием вступил я в залы архива, на ту почву, которая меня должна была приковать к себе в продолжении нескольких месяцев. […]

Какого же рода были результаты моих поисков в архиве? Действительно, в библиотеке архива я нашёл не только рукопись

[457]Григорий Назианский (Назианин, Богослов) (ок. 330 - ок. 390) - греческий писатель, поэт, церковный деятель.

«Илиады», которая некогда составляла вместе с лейденской рукописью одно целое, но с великой радостью и удивлением нашёл я здесь значительную библиотеку греческих и латинских рукописей (всего 43 номера).

Мне, однако, очень скоро пришлось убедиться, что ни одна из этих рукописей не может происходить из затерянной и отыскиваемой мною библиотеки царя Иоанна Грозного.

О греческих и латинских рукописях архива я помещу подробные данные в особой статье, которая должна скоро появиться, здесь же достаточно привести тот факт, что все эти рукописи без исключения привезены в Россию лишь после Иоанна IV. Самые драгоценные в научном отношении оказались происходящими из владения иеромонаха Дионисия Янинского, и об этом Дионисии г. Белокуров мог, на основании актов архива, установить, что он умер в Нежине на обратном пути из Москвы в Албанию в 1690 г. и что Посольский приказ принял его наследство на хранение, а затем передал его своему крестнику, нынешнему архиву Мининдел.

На это собрание случайно попал в конце прошлого (XVIII) столетия Маттеи, и ему удалось присвоить себе часть самого драгоценного сокровища изо всего собрания, именно, теперешнюю лейденскую рукопись. Невероятно, чтобы он сам лично отделил эту рукопись от первой половины, которая и по настоящее время находится в архиве, потому что в таком случае он сам едва ли обратил бы внимание учёных на хранящуюся в архиве рукопись Гомера, что он делает два раза в Homer Гейне [458], где он публично заявляет, что он временно брал эту рукопись из архива. Кроме того, в архиве находятся и в настоящее время многие рукописи, которые носят на себе печать значительного временного запущения (недостаёт начала или конца, многое разрезано и затем вшито в неподлежащие тетради и так далее). Вследствие стечения неблагоприятных обстоятельств (по всей вероятности, при переводе архива из Посольского приказа на Варварку в 1820 г.), обе части рукописи Гомера отделились, по-видимому, задолго до Маттеи.

Не останавливаясь долго на этой туманной, для наследства Дионисия, во всяком случае, неблагоприятной, эпохе, мы с удовольствием обращаемся к тому факту, что в библиотеке, тем не менее, сохранилась значительная часть древних рукописей, из которых можно получить порядочную жатву для науки. Но в вопросе, занимающем нас специально, архив оказался не имеющим значения, потому что, как я уже сказал, ожидания найти в нём остатки исчезнувшей царской библиотеки, к сожалению, не оправдались.

Точно такие же результаты дали поиски, произведённые мною и в других библиотеках Москвы. Что между Синодальной библиотекой и библиотекой Иоанна IV не существует ни малейшей связи, нужно заявить

[458] Т. е. в предисловии к «Гомеру», изданному Г. Гейне.

самым решительным образом. Уже Клоссиус установил это, указав на то, что библиотека Иоанна IV помимо греческих отличалась еврейскими и, в особенности, латинскими рукописями, тогда как Синодальная библиотека владеет только рукописями греческими и славянскими. К этому нужно прибавить, что в настоящее время лучше, чем во времена Клоссиуса, известно происхождение рукописей Синодальной библиотеки. Эти рукописи, подобно собранию рукописей архива, всецело происходят из более нового привоза рукописей в Россию и поэтому, при разрешении вопроса о судьбе рукописей Иоанна IV, никакого значения не имеют.

Точно так же в библиотеке Успенского собора, которая отличается частию весьма древним составом (Мартынов, Снегирёв), напрасно искать остатков царской библиотеки, как напрасно их искать и в библиотеках Сергиева Посада [459]. О более новых библиотеках, Университетской и Румянцевского музея, и говорить нечего. Нигде нет и следа потерянных книжных сокровищ царя Иоанна.

Нужно ли поэтому думать, что окончательно потеряна надежда когда-либо отыскать эти сокровища?

Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать в следующей статье» [460].

Предполагаемая судьба царской библиотеки

«Прежде всего приходится поговорить о том положении, которое занимает русский учёный мир по отношению к библиотеке царя Иоанна, потому что это положение служит объяснением того обстоятельства, что до сих пор со стороны русских не делались поиски этой библиотеки. Первый русский исследователь, упомянувший о библиотеке Иоанна IV, был Карамзин, который говорит о ней в своей превосходной, достойной удивления, Истории Государства Российского (т. IX, гл. II, изд. 1844). Он заимствовал свои сведения у двух лифляндских писателей, Арндта и Гадебуша, которые со своей стороны позволили себе неверно объяснять первый источник (Chronic Nyenstadt); вот почему у Карамзина находится неверное сообщение, что Веттерман был библиотекарем Иоанна IV, и недоказанное предположение, что собрание рукописей царя Иоанна было привезено, как приданое княжны Софии Палеолог из Рима в Москву. О дальнейшей судьбе библиотеки Карамзин не высказывает никакого мнения.

Второе указание на эту библиотеку я нахожу у Снегирёва в «Учёных записках Московского университета» (1833, с, 693). У него, рядом с сообщением Карамзина, в первый раз высказывается мнение, что обе библиотеки - Василия IV и Иоанна IV, поступили в Патриаршую, ныне Синодальную библиотеку. Это мнение Снегирёв пытается поддержать, даже после ознакомления со статьёй Клоссиуса, в «Памятниках Московских древностей», 1845 г., с. 179, где в доказательство приводится даже письмо Паисия Лигарида 1663 г., хотя в нём (оно было напечатано в

[459] Т. е. Троице-Сергиевской лавры.

[460] Тремер Э. Библиотека Иоанна Грозного // Московские ведомости. 1891. № 315.

«Собрании государственных грамот», № 118) очевидно говорится только о вновь учреждённой Патриаршей библиотеке.

Мнение Снегирёва сделалось всеобщим (Фабрициус, «Кремль», с. 323), и в последнее время ещё Рычин («Путеводитель», 1890, с. 198), который, впрочем, смешивает Веттермана с Маттеи.

Кто становится на точку зрения Снегирёва, тот, конечно, считает совершенно излишним заниматься розысканиями о библиотеке Иоанна IV. Но в конце концов Снегирёв сам усомнился в справедливости своих предположений, потому что в книге «Москва», изд. Мартынова, С. XVIII, он заканчивает статью о царской библиотеке словами: «Но участь её нам доселе неизвестна».

Этими словами Снегирёв возвращается на почву фактов. Если действительно верно, что из 800 рукописей Иоанна IV ни одна не перешла в одну из нынешних библиотек, то само собою является вопрос, действительно ли этот обширный и драгоценный клад совсем погиб или, быть может, находится сокрытым по настоящее время в своём тайном помещении? В русских кругах, как я сам в этом убедился, относятся к этому вопросу весьма скептически. Многочисленные разговоры и, в особенности, беседы с отличным знатоком истории Кремля, тайным советником Забелиным, не оставили во мне на этот счёт никакого сомнения. А между тем мне ни от кого не пришлось выслушать вполне убедительный довод в подтверждение такого мнения. Во всяком случае, мои оппоненты должны будут согласиться, что со времени поисков Клоссиуса ничего не было сделано для того, чтобы убедиться в судьбе, постигшей этот затерянный клад.

Археологи, однако, успокоятся не раньше, чем будет вполне доказано, что упоминаемая библиотека действительно уничтожена.

Пока я позволю себе кратко указать на те пункты, которые при разрешении этого спора прежде всего подлежат разрешению. В первую очередь надлежит установить древнее место хранения библиотеки. В этом случае мы располагаем свидетельством очевидца, пастора Веттермана. По его словам, библиотека Иоанна хранилась «как драгоценный клад около покоя в трёх двойных сводчатых подвалах» (Drei doppolten Dewolben), и о них говорится, что эти подвалы долгое время (в другом месте даже определённо «сто и более лет») не вскрывались и что они были вскрыты для осмотра библиотеки Веттерманом. Под словом «двойные своды» нужно, по мнению архитекторов, понимать тайные палаты с двойным дном («тайники»). Дело идёт теперь о важном вопросе, что следует понимать под словом «покой царя» (Gemache des Zaren). Выражение «покой» (Gemache) исключает мысль, что речь идёт о парадных залах, в которых происходили торжественные государственные акты, приём послов, придворные торжества и т. п. О Золотой палате, Грановитой палате и других палатах, в которых происходила придворная царская жизнь, таким образом, не приходится говорить.

По словоупотреблению XVI столетия слово «покой» (Gemache) составляет противоположность слову «зал» и имеет значение безопасного и сокровенного, что заметно и в настоящее время в таких выражениях о высочайших особах, как «они удалились в собственные покои» (Словарь Гримма, IV, с. 136).

Правда, постройка старого дворца царей известна нам не совсем точно, но после неоднократных исследований Забелин установил по крайней мере главное («Домашний быт русских царей», 5. 47). Согласно этому «постельные или жилые хоромы великого князя и почётная изба, княжнина половина, находились на том самом месте, где теперь Теремной дворец».

В то время существовал только «нижний подклетный этаж» этого здания, построенный Алевизом «на белокаменных погребах». Нынешний Теремной дворец, построенный, как известно, царём Алексеем Михайловичем [461], тоже не является новой постройкою, начиная с основания, только верхние этажи были построены вновь, нижний же этаж и подвалы составляют часть прежней постельной избы прежних великих князей со стенами из белого камня и сводами из белых кирпичей [462]. Даже более, при представленной мне возможности осмотреть нижнюю часть постройки, я подумал о том, следует ли постройку фундамента отнести ко времени более раннему, чем постройка Алевиза (1498 г.). По крайней мере установлено, что нынешние терема с двух сторон соприкасаются с двумя постройками, которые многим древнее, чем дворец Алевиза: с восточной стороны Грановитая палата (построенная Иоанном III), с западной - две церкви, построенные одна над другою, церковь св. Лазаря (построенная в XIV столетии) и Рождества Пресвятые Богородицы. Обе эти церкви были введены в план постройки Алевиза таким образом, что - терема Василия IV составили с ними одно целое (Снегирёв).

По-видимому, сообщение Веттермана о том, что своды с книгами близ покоя Иоанна IV не вскрывались «сто и более лет» вполне согласимо с историей постройки великокняжеского дворца, потому что в эту постройку были введены и более древние постройки. Во всяком случае, можно утверждать, что три книжные сводчатые помещения следует искать где-нибудь в нижнем этаже или в подвалах древних погребов, а так как древние терема сохранились в нижней части новых теремов, то ещё не совсем исключена надежда на то, что упомянутые три тайника не погибли, а точно так же противостояли времени, как древняя дворцовая церковь святого Лазаря, которая лежала забытой в нижней части постройки новых погребов, пока она совершенно была открыта при возобновлении дворца в 1837 г.

Забелин полагает, однако, что поиски библиотеки Ивана Грозного в Кремле потому будут тщетны, что такие легко разрушающиеся вещи, как пергамент и бумага, давно были уничтожены во время одного из

[461]Михаилом Фёдоровичем? - Примечание автора.
[462]Снегирёв, «Памятники Московских древностей, с. 256.

многочисленных пожаров, которым подвергался Кремль.

Рассмотрим вкратце историю кремлёвских пожаров. Пожар 1571 г. [463] в этом случае не имеет значения, потому что Веттерман осматривал библиотеку и раньше этого времени (между 1565-1566 гг.), приведение же библиотеки в порядок Анонимом, с чем был связан и перевод Ливия и Светония, потребовало во всяком случае много времени, поэтому библиотека должна была существовать и после 1571 г.

Следует пожар, произведённый в Кремле польским гарнизоном в 1611 г. Но и этот пожар не имеет значения при обсуждении нашего вопроса, так как Кремлёвский дворец, в котором находилась главная квартира поляков, совсем не был тронут пожаром. При последовавшем потом разграблении царских сокровищ поляки также не могли наткнуться на нашу библиотеку, так как о разграблении Кремля мы имеем самый подробный отчёт хрониста Буссова [464]. Если бы в это время 800 рукописей царя Иоанна попали в руки поляков, то Буссов об этом не умолчал бы.

Рукописи имели в то время высокую ценность, это знали даже турецкие завоеватели Константинополя и это знали ещё поляки, хозяйничавшие в 1611 и 1612 гг.

Переходим к пожару 1626 г,, когда в Кремле Вознесенский и Чудов монастыри, «двор государев и патриарший и в приказах каменных всякие дела и казна погорели» [465]. Ещё более печальным является отчёт о пожаре в 1737 г., который главным образом коснулся Теремного дворца [466].

При упоминании об этих разрушениях защитниками потерянной библиотеки должно овладеть чувство страха. А между тем именно история кремлёвских пожаров бросает луч на путь исследователя. Сколь ни ужасны были разрушения, произведённые в царском дворце пожарами 1626 и 1737 гг., но пожар 1547 г. ни в чём не уступает этим катастрофам. Послушаем, что рассказывает Карамзин [467].

«24 июня (1547) около полудня, в страшную бурю, начался пожар за Неглинною, на Арбатской улице, с церкви Воздвиженья; огонь лился рекой, и вскоре вспыхнул Кремль, Китай, Большой посад, и вскоре вся Москва представила зрелище огромного пылающего костра под тучами густого дыма. Деревянные здания исчезали, каменные распадались, железо рдело как в горниле, медь текла. Царские палаты, казна, сокровища, оружие, иконы, древние хартии, книги, даже мощи святых истлели».

А между тем, приблизительно двадцать лет спустя, царь Иван Грозный приказал открыть три тайника своего сгоревшего дворца, и

[463]См.: Забелин, «Быт русских царей», с. 52; Снегирёв, «Памятники...», с. 223
[464]Буссов Конрад - служащий шведского короля Карла. Жил в Москве при дворах Лжедмитрия I и Лжедмитрия II . Описал события 1611-1612 гг. в своей хронике.
[465]Забелин, «Быт русских царей», с. 56.
[466]Забелин, «Быт русских царей», с. 97.
[467]Карамзин, «История Государства Российского», т. VIII, гл. III, с. 57, изд. 1844.

удивлённым взорам Веттермана представилась богатая, отлично сохранившаяся библиотека! Эти тайники должны были поэтому либо отличаться такою массивною постройкой, что огонь не мог им повредить, либо, что считаю вероятным, они находились на такой глубине [468], что огонь не был в состоянии проникнуть до них.

При таких обстоятельствах вопрос о судьбе царской библиотеки находится в более благоприятных условиях. То, что избежало гибели в 1547 г., могло пережить и все последовавшие затем пожары. Оно могло, и этой возможности совершенно достаточно, чтобы побудить к деятельным поискам.

В ближайшем соседстве с теми частями дворца, в которых следует искать место хранения библиотеки, в 1837 г., к удивлению современников, была под мусором и бочками с дёггем открыта древнейшая часть дворца, а именно, небольшая церковь св. Лазаря, которая была совершенно забыта во время построек и надстроек, следовавших затем.

В пользу предположения о существовании подземных тайников говорит аналогия с приказом, документы и письма которого хранились в Soubferraius vontee [469], от повреждений вследствие сырости охранял их отличный песочный грунт кремлёвской горы. В этом событии я готов видеть счастливое предзнаменование для дальнейших разысканий на этой почве, которой пришлось пережить столько роковых событий.

Во всяком случае, невозможно успокоиться на той мысли, что Кремль был столько раз опустошаем и что в этих опустошениях погибла и библиотека Иоанна Грозного. Железный зонд должен решить вопрос, действительно ли она погибла или она находится сокрыто под мусором и под постройками, возведёнными в течение следующих столетий.

Я счастлив тем, что интересы науки, как это доподлинно известно мне, встречают крепкую защиту со стороны высокопоставленных лиц. С высочайшего соизволения его императорского величества великий князь Сергей Александрович взял исследование Кремлёвского дворца в свои руки. Осмотренные в прошлое (1890 г.) лето подвалы в восточной части теремов (стены из белого камня, всегда со сводами из больших кирпичей) оказались отлично сохранившимися частями дворца Алевиза Василия III, но разыскиваемые тайники не могли быть там найдены. При первой зондировке мы напали таким образом не на настоящий пункт, и теперь, после того, как я старался ближе ознакомиться с преданиями тех времён, мне кажется, что это место следует предполагать в ближайшем соседстве с церковью св. Лазаря.

Какое неясное представление о расположении занимающих нас построек дают древние источники, видно из описания у Снегирёва [470].

[468]На глубине 14 м.- Примечание автора.
[469]Сборник Московского Главного архива, 1880, с. 6.
[470]Снегирёв, «Памятники Московских древностей», с. 221.

Можно узнать только то, что церковь св. Лазаря, вместе со своею надстройкой (Рождественская церковь), находилась в тесной связи с жилым дворцом великих князей. Об отношении этой церкви к окружающим постройкам Снегирёв не мог сделать себе никакого ясного представления вследствие наружных пристроек к церкви. В одном из актов 1626 г. упоминается «каменное дело у Рождества Богородицы и у праведного Лазаря, что у государя на сенях».

Древние источники определённо говорят, что «казна великого князя хранилась под сводами этой церкви» (Лазаря). Как близко предположить, что и три тайника с книгами находились в соседстве этой древней дворцовой церкви.

С тех пор как великий князь Сергей Александрович, высокий покровитель археологических и исторических наук, руководясь широким взглядом на историю, решил произвести исследование всего Кремля, скрывающего в себе ещё столько загадок, и в эту программу внёс вопрос, составляющий предмет настоящих рассуждений, с тех пор вопрос об исчезнувшей библиотеке царя Иоанна IV находится под счастливой звездой.

Наука поздравит Россию, если ей удастся найти свой затерянный клад, и она с благодарностью отнесётся и к отрицательному результату поисков, если не удастся найти тайное сокровище - библиотеку, потому что тогда и только тогда вопрос о судьбе сокрытых 800 рукописей умолкнет навсегда [471].

Статья произвела в учёном мире Москвы эффект камня, брошенного в стоячую воду; пошли круги, смутились рутинёры, началась паника.

Учёная паника

Страстная статья Тремера побудила И. Е. Забелина опубликовать «поношение» пономаря Конона Осипова XVIII в. в упомянутой путаной статье «Подземные хранилища Московского Кремля», сослужившей роль другого большого камня, брошенного в подземную стоячую воду. В ней Забелин, как отмечено, и нашим и вашим: с одной стороны, царская библиотека сгорела в пожар 1571 г., а царский архив, с другой, уцелел от огня, будучи там же!

Тремеровская статья плюс забелинская взбаламутили московское учёное море: между учёными началась идейная грызня и мёртвые хватки. В поединке сцепились Белокуров с Соболевским, Торжествовал последний:

«Наша статья об архиве и библиотеке московских государей, написанная по поводу мнения г. Белокурова, будто бы царского архива никогда не существовало и будто бы то, что мы называем царским архивом, не что иное, как архив Посольского приказа, вызвала

[471]Тремер Э. Библиотека Иоанна Грозного // Московские ведомости. 1891. № 334.

возражение со стороны Белокурова в «Московских ведомостях» от 4 мая, № 121, возражения такого рода, что мы неохотно вступаем в новую беседу с его автором. Дело в том, что г. Белокуров заботится не столько о разъяснении спорного вопроса, сколько о том, чтобы блеснуть познаниями и похвалиться открытиями...

Оказывается, г. Белокуров с описью царского архива XVI в. знаком довольно плохо. В описи находится отметка о книгах королей литовских и о грамоте Казимира [472] к митрополиту Ионе (ящик 18): «75 (т. е. в 1567 г.) в Посольскую палату взял Андрей (Щелкалов)». Она, на наш взгляд, вполне разъясняет дело. Если документы были взяты в Посольский приказ и об этом в описи не было отмечено, очевидно, они были не в Посольском приказе, а в каком-то особом хранилище, которого старого названия мы не знаем и которое, конечно, не могло носить названия архива, употребляемого для него нами.

Этим мы заканчиваем спор с г. Белокуровым о царском архиве, но не заканчиваем дела о московском тайнике.

Пусть две палаты в этом тайнике, наполненном сверху донизу сундуками, пригрезились обладавшему пылким воображением дьяку царевны Софии, когда он проходил через тайник.

Всё же в тайнике времён Софии должно было находиться нечто ценное, Ведь царевна отправила в тайник (не тайник, как таковой: она о нём не знала, не ведала, в подземный Кремль вообще.- Примечание автора.) «дьяка Большой Казны» (тогда ещё он не был в этом чине.- Примечание автора.), чиновника для того времени важного, отправила не для того, чтобы он прогулялся по тайнику от Москвы-реки до Неглинной, а за чем-то таким, что хранилось в тайнике и, конечно, недаром хранилось именно в тайнике. Следовательно, если мы не найдём в тайнике библиотеки и архива, мы, пожалуй, найдём что-нибудь ещё лучше их...

Место тайника указано пономарём в его доношении царю Петру достаточно определённо.

Дьяк спустился в тайник около Тайницких ворот (самое их название говорит о существовании около них тайника) и вышел в башню при р. Неглинной, у Китай-города, т. е. в башню, находящуюся теперь против Исторического музея.

Итак, тайник шёл от одной реки - Москвы-реки к другой - Неглинной, через середину Кремля, проходил близко от дворца и ещё ближе от Благовещенского собора, соединённого в XVI и XVII вв. с дворцом крытым ходом - «сенями», и, без сомнения, имел сообщение с дворцом или непосредственно, или через собор.

Ввиду этого следовало бы сделать тщательный осмотр подвалов и подполья собора.

---

[472]Казимир IV Ягеллончик (1427-1492) - великий князь литовский, король польский.

Кстати, нам привелося слышать от лица, к археологии совершенно не причастного, будто бы один из сторожей Благовещенского собора недавно спускался под пол собора и вышел из подполья в небольшой коридор, окончившийся запертыми дверями» [473].

Как грибы после дождя, выросла газетная литература о библиотеке Грозного. Её любовно и заботливо собрал А. В. Орешин и напечатал в Археологических известиях и заметках за 1894 г. [474]. Там же находим и статью Н. С. Щербатова об осмотре им тайника Круглой Арсенальной башни.

«Последние исследования текущего (1894) года были произведены в Круглой Арсенальной башне. Здесь руководитель исследования получил полное нравственное удовлетворение: убеждение его, почерпнутое из немногих слов показаний пономаря Конона Осипова, что тайник, по которому шёл дьяк Макарьев, находится не где-то внутри кремлёвской ограды, а в толще самой стены (sic!), вполне же подтвердилось и представление его, на основании тех же данных, о том же, как основан фундамент Арсенала, столбы которого преграждают путь в тайнике стены (sic!). В 1-м надземном этаже башни обнаружен замуравленный выход тайника, отсюда идёт довольно крутая лестница вниз, шириной 1 аршин 2 вершка, длиной 11 аршин, на глубину 8 аршин от поверхности земли.

Тут сохранились дверные четверти с железными подставами и начинается прямой ход к Никольской башне (sic!) и ответвление вправо, но тут на 5-м аршине длины прямого хода предстал пред исследователями, так сказать, во всём своём досадном неприкосновенном величии 1-й белокаменный столб Арсенального фундамента,- столб этот врезывается в стену и загораживает собой весь тайник до самого пола его, где собственно он и основан. Ломать этот столб без особого на то повеления исследователи, конечно, не решились (sic!), да к тому же есть надежда в будущем так или иначе перехватить этот тайник вне Арсенала, причём пробивка столба, надо надеяться, станет излишней. Ответвление хода тоже упирается в столб (sic!). Интересно, куда вёл этот поворот тайника? Думается, что тут должна быть лестница (sic!) в толще стены (sic!) башни, по которой открывался доступ в нижний подземный этаж. Подтверждение сей мысли найдём ниже.

В нижний этаж исследователи проникли со стороны Александровского сада, чрез замурованное отверстие, оказавшееся дверью, устроенною в позднейшее время из бойницы (sic!). В этом помещении бывали и прежде: так, например, осматривала его особая комиссия пред коронованием почившего императора Александра III, но описано оно не было, между тем, оно этого вполне стоит (sic!). Начать с того, что в нём находится колодезь (sic!) с деревянным сосновым срубом,

---

[473]Соболевский А. И. Ещё о кремлёвском тайнике // Новое время. 1894. № 6548.

[474]См.: Газетная литература по поводу статьи И. Е. Забелина «Подземные хранилища Московского Кремля» и раскопки в Кремле // Археологические известия и заметки. 1894. № 6-7. С. 192-219.

которому во всяком случае не более 40-50 лет (sic!), глубина колодца 5 аршин, вода стояла вровень с полом, заваленным землёй и мусором, вода совершенно чистая и без всякого запаха.

С левой руки - бойницы, ныне замурованные, выходят к Историческому музею, прямо против входа тоже бойница, выходившая в старину, до постройки Арсенала, в Кремль (sic!) и, наконец, с правой руки - широкий, заваленный землёю тоннель - ход по направлению к Троицкой башне. Ширина тайника верхнего этажа равна 1 аршин 4 вершка; этот же ход достигает 2,5 аршина ширины (sic!). Предварительно всяких работ по исследованию пришлось откачать воду из колодца и тем дать возможность сойти воде, заполнявшей собой и самый ход, но оказалось, что пятисильная двойная помпа не в силах была откачать постоянно прибывавшую воду.

Также неуспешна была работа десятисильной помпы, работавшей безостановочно, со сменными людьми, целые сутки: вода прибывала в 5 минут на 2,5 вершка. Тем не менее, насколько было возможно, производилась работа по очистке хода. Высота его не определена, так как до пола нельзя было дойти, но очищено было до 4 аршин высоты, а в длину ход очищен на 7 аршин. Тут снова (sic!) - белокаменный Арсенальный столб, заложенный точно так же, как и в тайнике 1-го этажа. При тщательном осмотре явствует, что тут был отросток (sic!) хода налево - очевидно, на соединение с ответвлением тайника, описанного выше; это предположение (sic!) кажется вполне логичным, ибо соединение этого помещения с тайником должно было существовать.

Для облегчения работы и для выяснения характера родника попробовали повысить сруб (sic!) колодца, для чего старый сруб был обрыт на 2 аршина глубины и обложен сильно утрамбованной хорошей глиной, ею же обложены и вновь нарубленные шесть венцов; но вода не поднялась в срубе, а по-прежнему расходилась кругом и заливала ход. Пробные исследования грунта вокруг колодца показали в свою очередь, что это не более, как насыпь земли и мусора, которою, может быть (sic!), думали заглушить ключ, но, как видим, безуспешно. Как это обстоятельство, так и то, главное, что сруб, во всяком случае, не древний, он размещён не в центре башни, приводит руководителя раскопок к убеждению, что в древности воде предоставлено было всё подземелье Круглой башни и что вода эта стекала свободно, найденным (sic!) ходом, снабжая Кремль водою.

Невольно напрашивается вопрос, куда же девается эта масса постепенно вытекающей воды с того дня, как выстроен Арсенал, когда его фундаментные столбы преградили уготованный для этого стока (sic!) ход... и открыли доступ воде под Арсенал. Не в этом ли обстоятельстве и кроются постоянные повреждения Арсенала: его трещины, осадки и лопающиеся своды?» [475].

---

[475]Щербатов Н. С. К раскопкам в Кремле // Археологические известия и заметки... 1894. №. 12. С. 398-400.

Часть II. Глазами спелеолога в канун революции

Глава IX. Поднятая нить

Атакованный тайник

Скоропостижная смерть царя Александра III над всеми поисково-раскопочными работами в Кремле, казалось, навсегда поставила точку.

Князь Щербатов совершил ту историческую ошибку, относительно которой предостерегал ещё Пётр I,- «промедление смерти подобно».

Столь же тихо и незаметно, как XVIII в XIX в., перевалил XIX в XX в. Библиотека Грозного и тогда и теперь казалась решительно вычеркнутой из учёных анналов. Но короткой на этот раз оказалась передышка - 15 лет всего!

Обрезанная смертью Александра III в 1894 г., исследовательская подземная нить была поднята автором в 1909 г. и с тех пор, вплоть до текущего момента, она не прерывалась. Кульминационным пунктом является 1934 г., когда по инициативе великого Сталина сделано то, чего не могли сделать века: если 200 лет назад в основную магистраль Кремля - макарьевский тайник - ворвался звонарь с Пресни, то в XX в. - советский спелеолог. Аристотелевский книжный сейф Софьи Палеолог в подземном Кремле - не иголка в сене, в подземной тесноте и темноте ему некуда уйти и негде укрыться, он, так сказать, выведен на свежую воду, будучи атакован со всех сторон. Одно слово - бери плод рукою... За малым остановка - за научной санкцией свыше...

Московские катакомбы

[...] Существует Москва подземная! Я скоро убедился в этом. А в ней - хранилище книг «незнаемых», «мёртвых книг» - библиотека Грозного. Перед этим два года в качестве спелеолога я охотился за пещерами в богатой на них Турции (в Турецкой Армении и на Ближнем Востоке). С тех пор пещеры, подземелья, подземные ходы и связанные с ними, подчас жуткие, тайны стали моей родной стихией. Из далёкого Назарета, из русско-арабской школы прибыл я в Москву на первый курс новооткрывшегося Археологического института [476] и сразу же погрузился в захватывающий волшебный мир катакомбной Москвы. Исподволь я стал приподнимать в нём вековую завесу, встречая лишь, как Тремер, иронические усмешки в бороду. И чего, каких подземных тайн за нею не стало медленно проплывать передо мной! И среди них звездой первой величины - тайна тайн - библиотека Грозного, затерянная и забытая

[476]Московский археологический институт был открыт в 1907 г. В институт принимались лица с высшим образованием в действительные слушатели, без высшего образования - в вольнослушатели. Институт имел два отделения - археологическое и археографическое (архивное).

ушедшими в небытие поколениями где-то в тайниках, в катакомбах священного Кремля.

Могла ли найтись для молодого спелеолога проблема, загадка, задача более захватывающая, чем та, что вдруг открылась предо мною, уже, как отмечено, успевшим несколько набить руку на зарубежной спелеологии? Я стал усиленно изучать московские катакомбы, а с ними заодно искать и кремлёвский подземный книжный клад. Выступления в виде докладов, журнальных и газетных статей, лекций на подземные темы начинали сильно занимать московскую и, через печать, широкую русскую и даже зарубежную общественность. Но одного голого интереса масс было, конечно, недостаточно: необходимо было базировать новое дело на какую-то твёрдую научную дисциплину или близкое по духу учёное общество. Из учёных дисциплин ближе других к подземному миру стояли, казалось бы, история, археология и архивоведение, не говоря о спелеологии и геологии.

История о библиотеке, в сущности, ничего нового сказать не могла: она, как Луна вокруг Земли, вращалась вокруг одной только рижской «хроники» Ниенштедта - этого интервью пастора Веттермана, записанного Ниенштедтом с пробелами только тридцать лет спустя. Да и «табу» Белокурова сбивало многих с толку...

Археология как наука никогда ещё, можно сказать, не была использована в деле конкретных поисков таинственного книгохранилища в подземельях Кремля, И это неудивительно, так как дипломированные археологи, строго говоря, всегда держались в стороне от - по их терминологии - «легендарной», «мифической», и даже «фантастической» библиотеки Грозного.

Остаётся архив. Архивные «раскопки» в этой области могут оказать огромную услугу делу, открывая новые горизонты, новые подступы к подземной тайне. Достаточно указать хотя бы на находку в Перновском архиве Веттермановского «списка» библиотеки Грозного, сделанную профессором Дабеловым в 1822 г., а мною - в 1913 г.; на открытие в Московском архиве юстиции А. Зерцаловым в 1894 г. новых документов, проливающих свет на экономические условия быта пономаря Конона Осипова; на открытие в том же архиве мною в 1913 г. новых документов о библиотеке Грозного, копии с которых были затребованы царским правительством. Сомнений нет, в будущем о катакомбах Москвы и Кремля будут найдены ещё новые архивные документы, близкие к сенсационным. И всё же это то, да не то; одними архивными документами, без спелеологического заступа верного пути к подземному хранилищу никогда не пробить!,.

- А раскопки,- могут спросить,- Осипова и Щербатова в Кремле?

Это были только любительские поиски в «потёмках», «в сонном видении», пусть и с лопатою в руках,- именно макарьевских «сундуков до стропу», а не библиотеки как таковой.

Единственно действенная в этом тёмном и трудном деле наука - советская спелеология (пещероведение): она одна привела к открытию обширного мира катакомбной Москвы, а с нею заодно и в потенции - «заколдованной» подземной в Кремле библиотеки «мёртвых книг». Но спелеология, как тогда, в начале XXв., так и сейчас, в его середине, оказывается наукой заоблачной, едва начавшей проникать в сознание широких учёных кругов. Где было искать для себя учёную базу? Археологический институт был занят учёбой; археологическое общество П. С. Уваровой [477] - чем угодно, только не спелеологией. Оставалось одно: самому основывать или способствовать основанию учёных обществ и комиссий, хоть сколько-нибудь приближающихся к типу собственно спелеологических.

Нетоптаной тропой

Движимый такого рода учёными заботами, я вошёл - будучи уже членом-корреспондентом МАО, а через два года и его действительным членом, членом-учредителем,- 17 декабря 1909 г. в Комиссию по изучению старой Москвы при МАО. Мною руководила тайная надежда - побудить новую комиссию преклонить ухо к ещё невнятным ей зовам спелеологии Москвы. И это удалось в значительной мере, тогда как само МАО к этому оставалось совершенно равнодушным и глухим. В двух книжках-сборниках «Старая Москва»,- изящно изданных, были напечатаны два моих спелеологических очерка с иллюстрациями: о подземных ходах Новодевичьего монастыря и о снесённой впоследствии китайгородской стене.

Комиссия «Старая Москва» оказалась на деле чрезвычайно жизнеспособной; она просуществовала целых двадцать лет, пройдя невредимой через все бури и огненные вихри на рубеже двух полярных исторических эпох. За этот красочный период катакомбная Москва нашла своё богатое отражение в протоколах комиссии «Старая Москва». Эти протоколы - сущий клад для будущих спелеологических вторжений в подземную Москву, а также в тайники Кремля, в неустанной погоне за забытым до наших дней книжным сокровищем Грозного... Не погрешая против исторической истины, можно сказать, что комиссия «Старая Москва», хотя и цепко держалась за наземную старую Москву, всё же не уставала идти вперёд ещё не топтанной подземной тропой, движимая неугасимым духом учёной любознательности и спелеологического энтузиазма группы активистов среди своих членов. Последним сплошь и рядом удавалось ставить на заседаниях «старой Москвы» темы о катакомбной Москве и библиотеке Грозного.

Впрочем, доклады о последней ставились всюду, где только это удавалось. Например, в Археологическом институте (в Обществе бывших его слушателей). О моём докладе здесь был помещён в «Утре России» (1.IV.1911 г.) подробный отзыв А. И. Батуева, который, между прочим, писал: «...среди широкой публики с давних пор ходят легенды о

[477]Уварова Прасковья Сергеевна (1840-1924) - археолог, председатель ИМАО с 1884 г.

неоткрытых тайниках древних кремлёвских дворцовых зданий, где, как в катакомбах, замуравленная, хранится будто бы таинственная библиотека Иоанна Грозного. Третьего дня археолог И. Я. Стеллецкий прочитал в Обществе бывших слушателей Археологического института реферат, в котором сообщил много интересных данных, относящихся к истории кремлёвских подземных ходов. Эти данные прошлого, а также некоторые личные наблюдения привели референта к выводу о возможности чрезвычайно ценных открытий при планомерных раскопках и реставрации подземного Кремля».

В августе того же 1911 г., на заседании XV Археологического съезда в Новгороде автором был сделан доклад на тему «Подземная Россия».

«Установив содержание понятия «подземная Россия» - всякого рода подземные сооружения не ритуального характера,- референт И. Я. Стеллецкий отметил обидное равнодушие археологов к такого рода монументальным памятникам русской старины, ввиду, особенно, большой их научной ценности... Референт ближайшею задачею своею ставит накопление фактического материала в указанном направлении. В Москве им открыты подземные ходы близ Новодевичьего и Донского монастырей, тайники в Наугольной Арсенальной и Никольской башнях, сделан свод литературы по вопросу о библиотеке Иоанна Грозного в подземельях Кремля» [478].

С целью стать ближе к подземным тайнам Кремля, я ещё в 1909 г., при содействии профессора Д. Я. Самоквасова, вступил представителем Московского археологического общества в Межведомственную комиссию по разбору и уничтожению документов Московского губернского архива старых дел [479]. Так как вязки этого архива были размещены на хранение в ряде башен кремлёвских и китайгородских, то, естественно, свободный доступ в эти заповедные сооружения московской древности открывал возможность для предварительных спелеологических изысканий.

Глава X. Тайны архивных башен

Клад

Служебный доступ в архивные башни Кремля и Китай-города являлся важным этапом в истории поисков путей к кремлёвской подземной тайне.

На одном из заседаний указанного Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. я выступил с докладом «К десятилетию Комиссии по разбору и уничтожению документов Московского губернского архива старых дел», основанной в ноябре 1899 г. Слова «уничтожение документов» нещадно резали археологическое ухо. Вступая в комиссию, я давал себе зарок не присудить к уничтожению ни одного архивного

[478] Труды XV Археологического съезда. М., 1914. Т. 1. С. 145.

[479] Московский губернский архив старых дел был учреждён в 1823 г. Он включал материалы канцелярии генерал-губернатора, губернского правления, казённой палаты и др.

документа. Позже, однако, я убедился в своей наивности: в башенных архивах было действительно немало хлама (например, пухлые вязки коммерческого суда), которые подлежали «уничтожению», т. е. продаже на рынке в пользу Губернского правления. С моим вступлением в комиссию последняя переменила предмет своих занятий: больше внимания решено было уделять разбору документов исключительно плохой сохранности и опубликованию наиболее ценных из них. Такой подход дал мне возможность сказать много нового о катакомбах Москвы и Кремля, что зафиксировано в протоколах комиссии «Старая Москва».

Для примера приведу один такой, мною опубликованный, документ Губархива старых дел, рассказывающий о приключении с кладом, зарытым в бывшем Чудовом монастыре [480].

Об этом кладе я писал 34 года тому назад в статье в «Утре России» 10.XI.1911 г., № 33, под заглавием «Клад в Чудовом монастыре»:

«Древние славяне спасались от неприятеля, скрываясь под водой, позднее русские стали от него зарываться под землю. Но, укрываясь сами, люди вынуждены были и прятать средства к существованию. Так возникли подземные жилища и клады.

Места старинных подземных убежищ оказались не только надёжно сокрытыми от глаз неприятеля, но и совершенно затерянными для потомства. Только в самое последнее время, с пробуждением в обществе интереса к родной старине, памятниками этого рода начинают увлекаться.

Зато в различных слоях общества неизменно существовал, не ослабевая со временем, острый интерес к таинственным кладам (ныне я бы сказал «историческим»). Очевидно, потому, что клады на самом деле не миф, легенды о кладах не раз превращались в реальный факт обогащения «счастливчиков».

Особое обилие кладов выпадало на годины крупных общественных потрясений. Для старой Москвы такими эпохами служили в особенности Смутное время и ныне юбилейный 1812 год.

Последний будет ценен своими результатами: дружные юбилейные усилия учёных прольют, несомненно, обильный документальный свет на многие сокровенные стороны старомосковской жизни. Между прочим, и по вопросу о кладах в Москве.

Перед нами любопытный архивный документ о кладе в Чудовом монастыре. В суматохе почти беспримерного в истории всеобщего бегства с веками насиженных мест жителей огромного города многое, конечно, погибло: было забыто или затеряно. Но немало добра, частного и казённого, было своевременно припрятано людьми практичными и рачительными.

---

[480]Чудов монастырь (XVI в.) - разрушен в начале 30-х гг. XX в.

Тогдашний настоятель Чудова монастыря иеромонах Константин, за невозможностью вывезти целиком монастырское достояние, часть его, по старорусскому обычаю, зарыл в монастыре в землю, зарыл в самую последнюю минуту, когда неприятель был уже «на стенах высот кремлёвских». Видно, клад был зарыт в надёжном месте: находчивый настоятель не выражал опасения за его сохранность и молчал, покуда в Москве сидел неприятель, но стал опасаться за его судьбу, лишь только монастырь перешёл под охрану русских.

Константин убедил преосвещенного Августина обратиться вторично к графу Ростопчину [481] с настоятельной просьбой о разрешении ему, Константину, войти в оцепленный войсками Кремль с намерением, между прочим, взять зарытую казённую «заблаговременно, чтобы её не похитили»... сумму.

По-видимому, проникнув в Кремль, настоятель Чудова монастыря убедился в неприкосновенности от неприятеля клада и теперь торопился спасти его от более завидущих глаз своих соотечественников. О дальнейшей судьбе чудовского клада архивный документ, к сожалению, умалчивает».

«Патриаршая тюрьма»

Под эгидой «архивных башен» я решил полевым образом разгадать загадку «патриаршей тюрьмы».

Тюрьма, о которой речь, это тюрьма патриарха Гермогена [482] в двухъярусном подземелье Чудова монастыря, точнее - под бывшей церковью Чуда Архангела Михаила, построенной митрополитом Алексием в 1365 г. В 1911 г., в связи с юбилейными торжествами памяти патриарха Гермогена, было много кривотолков о тюрьме, в которой погиб от голода знаменитый патриарх-патриот. Я поставил себе целью разрешить «полевым» образом вопросы о патриаршей тюрьме Гермогена, учитывая, что только полевое исследование даёт возможность до известной степени познакомиться с характером тех или иных кремлёвских сооружений, что могло пригодиться для будущих подземных работ в Кремле на путях к его тайнику.

В моей статье под заглавием «Подземелье патриарха Гермогена в Чудовом монастыре», напечатанной в газете «Утро России» (18.II.1911 г., № 40), подводится итог подземным изысканиям о патриаршей тюрьме.

По поводу этой статьи и докладов в учёных обществах на означенную тему зафиксированы отклики тогдашней прессы, представляющие ныне исторический интерес.

---

[481] Ростопчин Фёдор Васильевич (1763-1826) - военный губернатор и главнокомандующий Москвы.

[482] Гермоген (Ермоген) (ок. 1530-1612) - митрополит казанский, патриарх московский. Рассылал грамоты, призывая народ к борьбе против поляков. Был заключён в Кирилло-Белозерский монастырь, потом в Чудов монастырь, где умер от голода.

Например, газета «Правительственный вестник» писала 12.II.1912 г., № 42:

«В заседании Комиссии по исследованию подземных сооружений при Московском обществе по изучению памятников древности были заслушаны доклады И. Я. Стеллецкого «Подземелье патриарха Гермогена в Чудовом монастыре» и Н. А. Александрова [483] «Об исследовании подземных ходов в Москве».

Вопрос о месте заточения патриарха Гермогена в подземелье Чудова монастыря до последнего времени не подвергался обстоятельному историческому обследованию. Принято указывать, как на место заточения патриарха Гермогена, на верхнее подземелье Чудова монастыря. Между тем на основании детального изучения подземелья И. Я. Стеллецкий утверждает, что патриарх Гермоген был заточён не в верхнем, а в нижнем подземелье Чудова монастыря. Из верхнего подземелья в нижнее ведёт трёхаршинный в глубину коридор; 17-ю ступенями ниже - новое подземелье, оно более высокое, чем верхнее. Своды его поддерживают четыре столба. На высоте 1,5 аршина от земли небольшие, с железными решётками окна. В настоящее время подземелье освещено электричеством. Сравнивая верхнее и нижнее подземелья, докладчик приходит к заключению, что вся обстановка говорит за то, что патриарх Гермоген был заключён именно в нижнем подземелье. Помимо Гермогена, в этом подземелье на протяжении нескольких столетий томился целый ряд духовных лиц, попавших в опалу: епископ тверской Иуда, епископ новгородский Иоанн, отступник от православия митрополит Исидор и др.».

В недрах башни «тайник»

«Помещения губернского архива старых дел в кремлёвских и китайгородских башнях не удовлетворяют в полной мере своему назначению,- читаем в протоколах Новгородского Археологического съезда.- Лучше приспособленными для своей цели являются кремлёвские башни - Никольская и Арсенальная; хуже - китайгородские: а) Владимирская и б) Многогранная на Старой площади; в) башня против Воспитательного Дома; г) башня на Москворецкой набережной» [484].

Из кремлёвских архивных башен моё самое пристальное внимание привлекала всегда башня подчёркнуто сурового средневековья, угрюмая и одинокая, явно таившая в своих подземельях много исторических тайн и загадок,- башня Наугольная Арсенальная. Проникнуть в неё удалось впервые в 1912 г., и, конечно, не без труда; специально был снят военный развод, охранявший её входы. Внутри башня оказалась обвитой металлическими стеллажами, с тесно установленными на них, покрытыми «пылью веков», тяжёлыми архивными вязками. Доступом к ним служила витая металлическая лестница.

---

[483]Александров Н. А. был служителем Московского губернского архива старых дел.
[484]Труды XV Археологического съезда. С. 146.

Было известно, что под этой башней существует тайник с источником. Но как пробраться в тайник? Лестница в стене, раньше ведшая в тайник, оказалась вплотную загороженной белокаменным устоем Арсенала, Осмотрев со смотрителем губархива Н. А. Александровым куполообразный свод тайника, нашли в нём дыру, пролом, видимо, старинный, судя по патине, покрывавшей кирпичи пролома. [...] Из пролома торчал верх не старой в своей верхней части приставной лестницы, по которой мы спустились в неведомую мрачную пустоту, с фонарями в руках. [...]

В центре мусорного дна тайника возвышалась пирамидально сложенная [...] груда камней, больше ничего. Только налево чернело устье огромного сводчатого макарьевского тоннеля, ведущего когда-то под Тайницкую башню [...]. Тогда же кем-то из нас двоих была утеряна в тайнике серебряная монета 20-копеечного достоинства; она была найдена мною при раскопках свыше 20 лет спустя, точнее, в 1933 г.

Первый осмотр описанного тайника происходил, как отмечено, зимой 1912 г. О результатах осмотра в 1911 и 1912 гг. моим упомянутым спутником по осмотру башни было сделано сообщение на заседании 18.II.1912 г. в Комиссии по исследованию подземных сооружений при Московском обществе по изучению памятников древности. Газеты так откликнулись на это его сообщение:

«В прошлом году г. Александров обнаружил в башне (Арсенальной) подземный ход, уходящий на 11 аршин в толщу стены. Далее ход приводит к колодцу, в настоящее время засыпанному землёй и камнями. Весной предположено возобновить работы по исследованию этого колодца. Далее обнаружен провал под часовней возле Никольской башни, обращённой в сторону Исторического музея. В этом месте подземный ход спускается на 17 аршин и идёт по направлению к Арсенальной башне и к дому Губернского правления [485], постройка которого относится ко времени Ивана Грозного» [486].

Глава XI. По ступенькам вглубь

Новое общество

Молодая энергия требовала бешеных (ныне я бы сказал «метростроевских») темпов научно-исследовательских работ по отысканию библиотеки Грозного. А на деле она встречала на каждом шагу учёные «баррикады» то в лице Археологического института, то Археологического общества и даже собственного детища - новоявленной комиссии «Старая Москва». Родилась мысль - создать новое, собственное, учёное общество, специально устремлённое на изучение катакомб Москвы и Кремля. По этому делу я вошёл в контакт с работником Губернского правления В. Г. Способиным. Общество создалось как бы само по себе,

[485]Дом № 1 по ул. Никольской.
[486]Известия Императорской археологической комиссии. Прибавление к выпуску 46. М., 1912. С. 17.

удивительно легко и гладко, как говорится - без сучка и задоринки. Названо оно было нами Московским обществом по исследованию памятников древности (между нами было условлено - древностей «подземных»). Не питая вкуса к административным позициям, я уступил соратнику представительство. Для изучения собственно катакомбной Москвы (читай, библиотеки Грозного) при названном Обществе была создана специальная спелеологическая Комиссия по исследованию подземных сооружений, под моим председательством. Я был положительно изумлён тем широким вниманием, какое было проявлено к новорождённому учёному детищу тогдашней широкой общественностью. Газеты всякого рода наперебой печатали о нём сведения, часто перевирая или гиперболизируя.

Привожу иллюстрацию. Первой - через три дня после учредительного собрания Общества - откликнулась газета «Россия» от 14.II.1912 г., № 1917: «В Москве организовалось новое Общество по исследованию древностей, ставящее своей целью изучение подземной Москвы. В первую очередь Обществом будут продолжены уже начатые раскопки в Кремле, на Девичьем поле [487], а затем начнётся исследование Китай-города. По имеющимся у учредителей Общества сведениям, сохранились подземные ходы в Богословском переулке [488], на Большой Дмитровке [489] и под домом князей Юсуповых [490] - у Красных ворот. Последние ходы вряд ли будут доступны для исследования ввиду отрицательного отношения домовладельцев к раскопкам. Средства на организацию раскопок поступают в большом количестве».

Со всеми положениями отзыва ещё можно кое-как согласиться, но с последним никак, ибо без всяких средств Общество вступало в жизнь, охваченное лишь горячим желанием работать собственными руками и головой, и никаких средств на организацию раскопок ниоткуда не поступало даже в малом количестве, если не считать начальницы гимназии, где я преподавал пожертвовавшей сто рублей на приобретение спелеологического бура.

«В Москве,- писало «Русское знамя» от 26.II.1912 г., № 46,- организовалось Общество по исследованию памятников древности, основанное бывшими и настоящими слушателями Московского археологического института (на деле я был единственным «бывшим слушателем», а «настоящим» - только В. Г. Способин.- Примечание автора.). Задачей Общества является исследование памятников старины, а также подземных сооружений, для чего образована особая комиссия, Исследование этих сооружений давно является необходимым для выяснения некоторых вопросов нашей старины, в частности, такого кардинального вопроса, как вопрос о месте хранения библиотеки Грозного».

---

[487]Раскопки на Девичьем поле вела комиссия «Старая Москва».
[488]Ныне ул. Москвина.
[489]Ныне Пушкинская ул.
[490]Палаты XVII в. в Б. Харитоньевском пер.

«11-го февраля (1912 г.),- писала в заключение газета,- были произведены выборы правления, в состав которого вошли: председателем В. Г. Способин, товарищем его И. Я. Стеллецкий, секретарём священник П. Д. Синьковский, казначеем А. А. Голубов, членами правления Н. А. Александров и С. И. Смирнов».

«СПБ ведомости» дословно привели сообщение от 26.II.1912 в № 46 «Русского знамени», подвергнув усекновению лишь выборы правления.

«Правительственный вестник» от 24.II.1912 г., № 44, перепечатал лишь заметку «Русских ведомостей» от 24.II.1912 г, № 43:

«Комиссия по исследованию подземных сооружений при Московском обществе по исследованию памятников древности разрабатывает план так называемой подземной Москвы. Древние подземные ходы в Москве образуют целую сеть, мало ещё исследованную. Пока обнаружены подземные ходы между Новодевичьим монастырём и мануфактурной фабрикой Альберта Гюбнера [491], под Донским монастырём, Голицынской больницей [492] и Нескучным садом. Хорошо исследован подземный ход под Боровицкой башней, в которой найдены две ниши, открывающие тоннели к центру Кремля и под Ильинку.

Подземные ходы имеют также башни Тайницкая, Арсенальная и Сухарева. Обнаружены ещё другие подземные ходы, по-видимому, стоящие отдельно от общей сети»,

Наконец, комплексная сводная заметка «Нового времени» от 25.II.1912 г., № 12911:

«В Москве организовалось Московское общество по исследованию памятников древности, основанное бывшими и настоящими слушателями Московского археологического института. Задачей общества является исследование памятников старины, а также подземных сооружений, для чего образована особая комиссия.

Исследование этих сооружений является необходимым для выяснения некоторых вопросов нашей старины и, в частности, такого кардинального вопроса, как вопрос о месте хранения библиотеки Иоанна Грозного». [...]

Смятение конкурента

Приведённые отклики столичных (петербургских) газет, особенно «Нового времени», несомненно, произвели впечатление в сферах. Этим объясняется интерес к кремлёвской проблеме в последующие годы как со стороны некоторых царских министров, так и Военно-исторического общества, а также та сравнительная лёгкость, с какою было получено разрешение Кремлёвского дворцового управления на исследование не

[491]Ныне шёлкоткацкая фабрика им. Свердлова.
[492]Ныне городская клиническая больница N1 им. Н. И. Пирогова (Ленинский проспект, д. № 10).

только башен, но и, на этот раз, их подземелий. Сомнений нет: повремени немец с Первой мировой войной ещё годик-два, и культурный мир уже тогда имел бы к своим услугам бесценное кремлёвское книжное сокровище!

Необычайный, широкий и высокий рост интереса к этому последнему, развернувшийся в результате тогдашней бурной «кампании» по отысканию библиотеки Грозного, явно испугал многих и прежде всего основного конкурента - Н. С. Щербатова, фактического производителя раскопок в Кремле в 1894 г. [...] Семейно было решено, что надо действовать решительно: отстоять во что бы то ни стало щербатовский приоритет, а для этого послать в Петербург с докладом о раскопках 1894 г. надёжное лицо. Таким лицом был признан князь М. Щербатов. Последний спешно выехал в Петербург и обратился с предложением доклада на указанную тему в президиум Русского Военно-исторического общества.

В результате - «25 февраля 1912 г.,- писал «Русский инвалид» от 01.III.1912 г., № 43,- состоялось очередное заседание Разряда военной археологии и археографии. По оглашении и утверждении протокола предыдущего заседания, князь М. Щербатов ознакомил собрание с результатами исследований тайных ходов Московского Кремля, предпринятых князем Н. Щербатовым в 1894 г.

Московский Кремль, постройка которого приписывается Аристотелю Фиораванти, Ивану и Петру Фрязиным, представляет из себя выдающийся памятник военного зодчества конца XV в. и тем не менее остаётся до нашего времени почти не изученным. Это указание касается особенно подземной части Кремля, представляющей громадный интерес не только по выяснению плана подземных ходов, помещений и их назначения, но и решения вопроса, кажущегося легендарным,- о месте нахождения библиотеки Иоанна Грозного. Исследование князя Щербатова показывает чрезвычайную сложность подземных сооружений Кремля, большую трудность не только точного исследования, но и простого проникания в них.

Большинство ходов оказываются замурованными, некоторые перерезаны фундаментами более поздних построек (Арсенал), а некоторые помещения имеют нарушенные своды. Интересное сообщение своё, иллюстрированное диапозитивами, князь Щербатов закончил пожеланием, чтобы работы 1894 г. были продолжены Русским Военно-историческим обществом».

О том, что в результате доклада М. Щербатова в недрах названного Общества производился обмен мнений и даже имели место дискуссии по поводу библиотеки Грозного, можно судить по тому, что вскоре после указанного доклада членом Общества, полковником Печениным мне было предложено сделать доклад о библиотеке Грозного в том же Разряде военной археологии и археографии при Военно-историческом обществе.

Предложение мною было охотно принято: я ездил в тогдашний Петербург и сделал в Разряде доклад о современном состоянии вопроса о поисках библиотеки и степени обоснованности надежд на скорое её отыскание.

«Прорабы... не хотят»

Прошло полгода с момента путешествия М. Щербатова в Петербург с «оборонной» целью. Следствием этого было то, что Москву пуще стала волновать проблема библиотеки Грозного. Когда в Кремле в августе 1913 г. начались земляные работы вокруг Успенского собора в связи с его реставрацией, московская общественность с нетерпением ждала от газет известий об открытии новых подземных ходов. «Русское слово», бывшее всегда весьма чутким на запросы масс, поспешило и тут пойти навстречу пожеланиям москвичей. Москву волновали слухи, будто у стен Успенского собора открыт подземный ход, который ведёт к библиотеке Грозного. «Русское слово» писало по этому поводу от 28.08.1913 г., № 198:

«Чем служил этот ход, или, вернее, сводчатая галерея,- определить в данный момент невозможно. Однако знатоки Кремля, судя по незначительной высоте хода - всего в половину человеческого роста,- и присутствию на дне его окаменевшего ила [493], склонны думать, что он служил каналом для наполнения бывшего теремного живорыбьего садка «тишайшего» царя Алексея Михайловича.

Другие высказывают догадку, что ход ведёт к библиотеке Ивана Грозного, скрытой, по преданию, в недрах твердынь Кремля. Кстати, предание о библиотеке Грозного давно волнует археологический мир Москвы. Лет 15-20 тому назад князь Н. С. Щербатов, теперешний директор московского Исторического музея, в поисках библиотеки предпринял ряд раскопок. При этом было обнаружено множество подземных ходов, но ни один из них не привёл к сокровищнице Грозного, спрятанной подозрительным царём в неведомом тайнике...

Почему-то все находки исследуются крайне поверхностно. Главной целью производителей работ является реставрация Большого Успенского собора. И дальше идти они, по-видимому, не хотят».

Сетования «Русского слова» вполне законны и понятны. Земляные работы вокруг названного собора «прорабы» вели строго законспирированно, на пушечный выстрел не подпуская археологов и тем более спелеологов. Это мне живо напомнило «архитекторское запрещение» времён Конона Осипова, но здесь оно было ещё менее обоснованно. Слухи об упомянутом подземном ходе были крайне волнующи, они не давали спать; ясно представлялась неотложная необходимость спелеологического его обследования до конца. Что дало бы это обследование, мы не можем догадываться, но что оно дало бы нечто неожиданное и, возможно, научно ценное,- это несомненно. Но, увы, «прорабы» действительно этого не хотели.

---

[493] На глубину, возможно, другой половины человеческого роста! На это открытие спелеологи должны обратить исключительное внимание.- Примечание автора.

Среда архитекторов-прорабов в то время представляла из себя строго замкнутую касту, куда не допускался ни один археолог, а тем более, повторяю, спелеолог. Прав С. Р. [494] из «Русского слова»: «...на совести тогдашних прорабов крайне загадочный кремлёвский подземный ход, безвозвратно погибший для науки по странному капризу самих же учёных»...

Глава XII. «Сезам, отворись!»

«За исключением...»

Выступления (моё и М. Щербатова) о библиотеке Грозного в Русском Военно-историческом обществе в Петербурге не могло, конечно, не привлечь внимания к этому делу со стороны Московского его отделения, действительным членом которого я состоял. Вполне натурально было обратиться в это последнее с ходатайством об исхлопотании права на раскопки в Кремле в поисках библиотеки Грозного.

Московское отделение с готовностью пошло на это. Оно обратилось (за № 837) в дворцовое управление о разрешении для меня осмотра кремлёвских стен с их подземельями. Ответ последовал 13 декабря 1912 г. (за № 6015): «Заведующий придворной частью в Москве князь Оболенский разрешил действительному члену Общества И. Я. Стеллецкому произвести с научной целью осмотр кремлёвских стен и башен, за исключением подземелий Кремля».

Ответ - убийственный, равносильный полному отказу, ибо что такое стены и башни Кремля в отношении к подземной библиотеке без таинственных под ними подземелий, связанных тесно с подземным Кремлём вообще? Оставалось искать иных путей в последний, так как ответ дворцового управления обесценивал и бывшие доступными для меня «архивные» башни Кремля.

Выход, казалось, был найден: Арсенал и его подвалы! Там как раз производились работы по приспособлению части Арсенала под музей 1812 г. Осмотрев подвалы, я выбрал один, выстучал его дно; в одном пункте отчётливо послышался гул пустоты. Вооружившись лопатой, я стал копать (для отвода глаз в часы, когда в подвале находились рабочие). На глубине около метра показался тонкий слой щебня с извёсткой, а под ним - типичный кирпичный свод, издававший от удара глубокий звук пустой бочки. Был большой соблазн пуститься в авантюру: тайно пробить свод и исследовать подземный Кремль. Однако мысль о дворцовом veto [495] «за исключением...» вернула к благоразумию... Странно, что впоследствии, когда подвалы Арсенала были в полном моём распоряжении - копай, где хочешь, я не мог найти этой драгоценной точки. Но придёт время, она будет найдена, при условии, если это потребуется.

---

[494] С. Р. - инициалы анонима, подписавшего заметку, опубликованную в «Русском слове».
[495] Запрет (лат.).

К царю с челобитной

Наступил 1913 г., юбилейный год трёхсотлетия династии Романовых. Было опубликовано о разрешении подавать на высочайшее имя прошения о личных нуждах подданных. Мне пришло в голову использовать исторический момент и просить о разрешении того, в чём отказало дворцовое управление. С нетерпением ждал ответа. Долго пришлось его ждать. Наконец, ответ пришёл, ошеломив меня своей... неожиданностью,- из Археологической комиссии! Почему? Размышляя над вопросом, приходишь к выводу, что о прошении было доложено царю, но подсказано при этом, что поскольку вопрос научный - передать проект в Археологическую комиссию, на предмет соответствующих действий. Нечто на манер того, что наблюдаем в этой области в наши дни: «Включить в это дело Академию наук СССР!»

ИАК [496], рассмотрев дело, пожелала наперёд знать то, что могли дать, может быть, только длительные изыскания и раскопки. Словом, Археологическая комиссия, за подписью товарища председателя академика В. В. Латышева, просила «представить сколько-нибудь точные предположения о месте, где могла сохраняться названная библиотека». Датирован этот исторический документ 2 июня 1913 г., № 890. Вот полный его текст: «Вследствие поданного Вами прошения на высочайшее имя, препровождённого Канцелярией его императорского величества по принятию прошений в Императорскую Археологическую комиссию на зависящее распоряжение, Комиссия имеет честь уведомить Вас, милостивый государь, что проекту разыскания библиотеки царя Иоанна Грозного на средства Государственного казначейства не может быть дано дальнейшего движения впредь до представления Вами сколько-нибудь точных предположений о месте, где могла сохраняться названная библиотека».

Восемь месяцев думал я над тем, отвечать ИАКу или нет. Решил отвечать фельетоном в газету. 1 марта 1914 г. в «Утре России» появилась моя обширная статья «Царь Иван Грозный. К поискам его библиотеки в кремлёвских подземельях». В статье давался «более или менее» точный ответ о местонахождении библиотеки: «...между соборами Успенским, Благовещенским и Архангельским, ближе к двум последним». Таким образом, известно «более или менее» точно местонахождение библиотеки, известны и разнообразные пути, к ней ведущие. Остановка лишь за творческой инициативой поисков, что, надо надеяться, не заставит себя ждать, ибо не пристало XX веку - веку расцвета археологической науки и культа родной старины - тянуться в хвосте века XVIII».

Итак, надежда, хоть и еле теплившаяся, что царь Николай II пожелает во славу 300-летия своей фамилии извлечь знаменитое сокровище из недр Кремля и тем прославить своё царствование, угасла не расцветши. [...]

---

[496]Императорская археологическая комиссия.

Глава XIII. Секретарь одного архива

Вход открыт

Тем временем в Московском архиве Министерства юстиции втихомолку шла большая работа по розыску архивных документов о библиотеке Грозного. И небезуспешно: был найден ряд новых документов. Копии с них (у меня, к сожалению, не сохранились) были направлены в Петербург, на имя интересовавшегося этим делом тогдашнего министра юстиции; красноречивое доказательство, что идея неотложного отыскания библиотеки Грозного начинала проникать и даже становиться эффективной в кругах царского правительства. Названный архив это обстоятельство дальновидно учитывал и сделал дальнейшую попытку перейти от архивного документа к археологической лопате, так сказать от Маттеи к Тремеру. Роль последнего он прочил мне. Для этого он вошёл с мотивированным заявлением от 10 июня 1914 г. № 354 в Дворцовое управление, прося «разрешить делопроизводителю архива учёному археологу И. Я. Стеллецкому произвести нынешним летом археологический осмотр подземелий в башнях Арсенальной и Тайницкой с целью проверки и пополнения содержащихся в документах архива сведений». В сущности архив юстиции просил о том же, о чём за два года перед этим просило Московское отделение Русского Военно-исторического общества: об осмотре башен Арсенальной и Тайницкой с подземельями. В обоих случаях осмотр был разрешён, но в первом случае - без подземелий, в последнем - с подземельями: огромная эволюция за два года! Чем это объяснить? Думается, только ростом популярности в сферах идеи извлечения из недр Кремля «заколдованного клада» России. Не потому ли положительный ответ Дворцового управления на запрос архива юстиции последовал на этот раз всего десять дней спустя. [...]

«Заведующий придворной частью в Москве и начальник Дворцового управления,- значилось в документе,- разрешил учёному археологу И. Я. Стеллецкому произвести нынешним летом археологический осмотр подземелий в башнях Арсенальной и Тайницкой с целью проверки и пополнения содержащихся в документах архива о них сведений».

По правде, достижение выпало колоссальное: из этих ключевых позиций подземного Кремля я имел в сущности в своём распоряжении ходы и выходы во все его концы, а, стало быть, и к вожделенной библиотеке Грозного!

Найден «список»

Архив юстиции меж тем продолжал самоотверженно углублять и расширять сложное дело отыскания следов библиотеки Ивана Грозного. Деятельно шла и архивная подготовка к XIV Археологическому съезду в Пскове. Лето 1913 г. я провёл в спелеологической командировке от Московского Археологического общества в Прибалтике. Одновременно я имел секретное поручение от своего архива во что бы то ни стало отыскать в Прибалтике Веттермановский список библиотеки Грозного!

Задание было блестяще выполнено: однажды, сто лет тому назад найденный список был найден вторично. Это была одна из величайших удач в архивных поисках библиотеки! Скопировав наполовину с трудом разбираемый на немецком языке документ, я взглянул на подпись; первая буква была как будто «W». Веттерман?! Первое мгновение я был ошеломлён. Радостно воскликнув в душе «Эврика!», я поспешно свернул вязку с тем, чтобы вскоре же, ещё до Археологического съезда, приехать вновь и сфотографировать драгоценную находку. О сенсационном открытии этом знали только двое: первооткрыватель да профессор Д. В. Цветаев [497], директор Московского архива юстиции.

Впереди предстоял отчёт на одном из заседаний Московского Археологического общества о моих спелеологических достижениях в Прибалтике. На отчётном заседании Общества мы выступали с профессором Д. В. Цветаевым, но как бы по молчаливому уговору, о знаменитой находке - ни слова! [...]

Катастрофа

Я торжествовал: глубочайшее внутреннее убеждение говорило мне, что заветный «сейф» человечества с редчайшим книжным сокровищем будет вскрыт! Притом вскоре же после съезда... А оставшийся до съезда отрезок времени целиком ушёл на подготовку к съезду. И вдруг, накануне назначенного уже дня отъезда в Псков, разразилась катастрофа - грянула Первая мировая война, развязанная кровожадным немецким империализмом. Пришлось горько пожалеть об упущенном драгоценном времени, когда многое можно было успеть на путях к тайне... Единственным утешением служила мысль, всеобщая притом, что война продлится недолго, Увы, тридцать лет минуло, раньше чем я добрался до заветной «последней черты» перед библиотекой Грозного!..

Два года тщетно прождал я в Москве окончания войны. Когда же, казалось, запахло концом, я очутился в 1916 г. добровольцем на Кавказском фронте, с тайным умыслом проделать прифронтовую спелеологическую экспедицию. Шёл на всё. В случае неудачи - хоть в окопы, только на фронт: ведь окопы - даровые раскопки, способные многое открыть наблюдательному глазу археолога-спелеолога...

Судьба, однако, обернулась лицом. Наместник Кавказа великий князь Н. Н. Романов [498] к моменту моего приезда издал строжайший приказ о регистрации и исследовании памятников древности на фронте! Управление завоёванными областями Турции оказалось в затруднении ввиду отсутствия специалистов. Тут я, с проектом прифронтовой археологической экспедиции, подвернулся весьма кстати. Были отпущены средства, снаряжение, даны полномочия. Я исходил с экспедицией вдоль и поперёк самый глухой в Турецкой Армении округ, куда не ступала ещё

[497]Цветаев Дмитрий Владимирович (1852-1920) - историк, профессор, управляющий МАМЮ.
[498]Романов Николай Николаевич (1856-1929) - великий князь, в 1914-1916 гг. - главнокомандующий войсками Кавказского фронта.

нога археолога, и прошёл по фронту от Эрзерума до Трапезунда. Удавшаяся экспедиция эта дала очень много...

Однако мысль об оставленной неразгаданной загадке в Москве не давала покоя. Вихрь мировых событий задержал на годы. Дошли грустные вести: мои библиотека и архив вывезены неизвестно куда. Ни А. В. Луначарский в 1919 г., ни Главнаука в 1924 г. и 1925 г. не смогли их найти. Не найдены они до сих пор. А в архиве описание «списка» библиотеки... Так двойная катастрофа - в порядке мировом и личном - поставила меня в трудное положение подозреваемого иными скептиками чуть не в шантаже и мистификации.

В советские дни

Глава XIV. Новая Москва

Другой десяток лет из указанных двадцати принадлежит Москве новой, советской, куда я вернулся, наконец, накануне рокового 1924 г., унёсшего великого Ленина. Впечатление от новой Москвы получилось смутное: старая Москва таяла на глазах, превращаясь с каждым днём в Москву «уходящую»; контуры же новой не всегда были отчётливо ясны. Чувствовал себя без корней, на зыбкой почве, в затруднении - с кого и с чего начать, чтобы оживить, продолжить «старую погудку на новый лад». Одно было ясно: начинать надлежало с азов, с какой-то археологической институции. Первая же такая инстанция дала то, про что можно сказать...

Спелеологический «блин»

По пословице - «первый блин - комом» «блин» не удивил меня, так как в новой Москве старый лозунг - «Библиотека Грозного» - звучал каким-то скрипучим анахронизмом. Испечь этот «блин» суждено было тогдашней заведующей Отделом по делам музеев [499].

На мою докладную записку она только руками развела, как во время оно царь Алексей Михайлович на послание Паисия Лигарида. Не соблазнило её и то, что я выражал полную готовность «предоставить как подробные данные по истории библиотеки и вековых её поисков, так и план и смету расходов при дальнейшем ведении поисковых работ».

Ни к чему не привели и обращения по тому же делу - оба в 1923 г. - в Постпредство УССР при Правительстве СССР. В апреле 1924 г. я зачислился сотрудником Исторического музея, признаться, не без задней мысли - подвигнуть последний на, казалось бы, близкое ему по духу и идее великое культурное дело.

Я вошёл с официальным предложением образовать специальную комиссию и добиться для неё разрешения на спелеологические изыскания

---

[499]Отдел по делам музеев и охране памятников Наркомпроса РСФСР возглавляла Н. И. Троцкая.

в кремлёвских башнях: Арсенальной и Тайницкой, ставя своей прямой задачей отыскание библиотеки Грозного.

Проект был встречен ледяным холодом и недоумённым молчанием. Тут я впервые ясно осознал, что с археологами мне в этом деле не по пути! Но не было никаких путей и в «сферы»...

Сила печати

Тогда я решил обратиться к всемогущему, далеко и верно бьющему печатному слову: проще говоря, я направил стопы свои в редакцию «Известий». Тут я действительно нашёл внимание и понимание. 21 марта 1924 г. - историческая дата, переломная фаза в истории поисков библиотеки Грозного в советские дни: в этот день в «Известиях» появилось - всколыхнувшее не только Москву! - историческое интервью под лаконичным заголовком «Библиотека Грозного». Взметнулся вихрь. Москва, казалось, вдруг вспомнила о давно забытом: в ней с удвоенной силой вспыхнул интерес к тайне, так её волновавшей когда-то, к затерянной кремлёвской книжной сокровищнице!

«Шумиха»

Москва жадно насторожилась, ожидая дальнейших информаций. «Известия» пошли ей навстречу: три недели спустя появился фельетон «Загадка Кремля. К спору о библиотеке Грозного». Но, говорят, «аппетит приходит с едой». Москва хотела ещё! И через шесть недель в «Известиях» же появился обширный фельетон - «Подземный Кремник». Откликнулась и «Вечерняя Москва», в двух номерах, 81 и 82, от 7 и 8 апреля, пересказом Корнелия Зелинского (Корзелин) «Кремль под землёй». Вторила и «Рабочая газета», разразившаяся статьёй от 03.03.1924 г. «Подземная Москва» и даже взявшая на себя шефство.

Москва, казалось, бредила Грозным и его таинственным кремлёвским кладом. Тогда-то спохватились археологи из Исторического музея, вдруг увидев себя в хвосте событий. Как бы стараясь наверстать упущенное, названный музей под флагом «Старой Москвы» организовал в своих стенах, собрав учёных Москвы 10.06.1924 г. и Ленинграда 09.07.1924 г., два бурных диспута о библиотеке Грозного, отродясь не видавшей подобной учёной трёпки.

На лекции автора о библиотеке Ивана Грозного в Историческом музее 10 июня 1924 г. собрание учёных Москвы - «столпов истории и археологии» - высказало своё мнение о том, что такое библиотека Грозного и стоит ли вообще её искать?

Отзывы высказывались положительные и отрицательные; были воздержавшиеся.

Положительные

Академик А. И. Соболевский

Существование библиотеки Грозного - исторический факт. Уже при великом князе Василии Ивановиче о ней велась переписка между гуманистами. Есть указания, что южно-русскими учёными предпринимались специальные паломничества в Москву за теми или иными книгами «книгохранительницы» Грозного. Так, в конце XVI в. такое путешествие в Москву совершил из Киева иеродиакон Иоаким, а из Молдавии, после кончины Грозного, такое путешествие предпринял диакон Исаия, с целью отыскать в библиотеке Грозного «Житие Феодосия Печерского» [500], которое было вынесено из «большого погреба». Здесь имеем прямое указание на существование «погребов» - большого и малого. Моё мнение, что эти погреба можно и должно отыскать. Это не погреба в собственном, ходячем смысле слова, а подземные, недоступные для огня и сырости каменные палаты, в которых хранятся царский архив и библиотека Грозного.

Дабы извлечь из недр эти бесценные сокровища и использовать их для науки, копать, безусловно, нужно.

К. Трутовский

(Упомянул о провале в Кремле)... желательно было бы знать его размеры. Вообще же, провалы не имеют большого значения.

Что касается поляков, то ими ничего не было расхищено в подземном Кремле: Андропов за этим присматривал. Бур, хотя, может быть, и желателен, но, в сущности, на что он? Относительно условий сохранности книг даны указания у Максима Грека. Книги или рукописи в сундуках или ковчегах дошли до нас, надо полагать, в полной сохранности.

Библиотека Грозного, по известиям, помещается в каменных палатах под землёй. В XVI столетии вообще было мало каменных построек, поэтому и копать придётся на ограниченном пространстве. Что касается провалов, то покойный Д. Н. Анучин [501] не интересовался ими, считая их ямами для извёстки. Одну такую яму он наблюдал в течение 30 лет, и яма не дала осадки, значит, по нему, яма была для извёстки. Мне думается, если библиотеку вообще искать, то - около соборов. Анучин полагал, что библиотеки не найдут, но попутно находки будут ценные.

И. М. Тарабрин [502]

Если библиотеку будут искать, то одновременно будут сделаны и другие ценные находки. Достаточно вспомнить случай в 40-х годах, когда

---

[500]Феодосий Печерский (?-1074) - игумен Киево-Печерского монастыря. Автор поучений и посланий.

[501]Анучин Дмитрий Николаевич (1843-1923) - археолог, этнограф, антрополог.

[502]Тарабрин Иван Мневнович (1876-1942) - учёный секретарь Исторического музея в Москве.

были случайно найдены документы XIV в., исследованные академиком Бередниковым.

Нужно или не нужно копать, это вопрос, который также будет стоять и завтра и послезавтра. Так уж лучше копать сегодня.

Э. С. Батенин-Батый [503]

При поисках библиотеки Грозного надо различать в работе две стороны - полевую и кабинетную: что добыто первой, должно быть освещено второй.

Вокруг проблемы поисков библиотеки много шумихи; это - оболочка, которую надо снять... Много возникло шума вокруг тайника на Б. Дмитровке. Мальчик, родившийся в 1907 г., в 1917 г. видел ход [504], о котором донёс только в 1923 г. Тут много сомнительного. Прокопали, ища тайник, на шесть метров, а надо копать на 12.

А. В. Щусев

В вопросе о библиотеке Грозного надо установить, из чего сложены подземные палаты - книгохранилище Грозного. По всем данным, из мячковского камня. Это слабый мелкозернистый известняк. Кладка в подвалах в старину была смешанная: из камня и кирпича, аналогично тому, как строили в Египте. Отсюда налицо - сухость подвалов, хотя специальных предохранителей от сырости не существовало.

Забелин

...также упоминает о сухости подвалов. Искать библиотеку следует под Благовещенским собором, где он смыкается с прежним зданием приказов. Надо всё обшарить. Если что и сохранилось, то лишь там, где строения. Вообще, копать стоит. Пример: Десятинная церковь в Киеве, где сохранился слой грязи великокняжеского периода. Раскопки, безусловно, следует произвести, но для этого нужны силы и средства. Надо, чтобы результаты работ не пропали даром для науки, иначе сомнительно выбрасывать средства.

Необходимы квалифицированные рабочие. Сомнительно, чтобы следовало начинать сложные раскопки. Необходимо произвести обследование подземной Москвы, а также подземелий военных сооружений Кремля. На последние шёл не только известняк, но также и песчаник, который притащили на фортификацию.

Если дело поисков будет произведено с комиссией, то инициативу Игнатия Яковлевича можно только приветствовать. Опасений ущерба для гражданских сооружений нет никаких. Несомненно, величайший клад

[503] Батенин-Батый Э. С. - один из первых российских спелеологов, профессор.

[504] Летом 1917 г. группа подростков прошла подземным ходом от д. N 28 по Б. Дмитровке до Театральной площади. По словам одного из очевидцев, путешествие это длилось пять часов. В 1924 г. поиски хода здесь начало ГПУ. Люк, ведущий в ход, оказался засыпанным землёй. Работы эти не были закончены.

хранится в кремлёвских подземных ходах. А потому исследовать подземный Кремль, безусловно, следует.

Д. П. Сухов [505]

Обсуждается вопрос: нужно ли копать? Скажу прямо - сколько бы ни стоило - нужно! Задание взято правильное. Необходимо собрать исчерпывающие сведения о подземном Кремле. Существует целый ряд изданий.

Н. Д. Виноградов [506]

Мы живём в XX в., веке расцвета техники. Никто не упомянул о том, что раньше всё бросалось из-за отсутствия технических средств. Например, на Дмитровке: начато хорошо, но брошено слишком рано. Следует буром пройтись по Кремлю, бур ответит на все вопросы. Приступить немедленно к исследованиям не только можно, но и должно.

Собственно о библиотеке Грозного сказать ничего не могу. Подходы Клоссиуса, Забелина и других - будто библиотека Грозного сгорела в пожаре 1571 и 1612 гг. - считаю неправильными. Ведь собственно Кремль в 1571 г. и не горел вовсе, а лишь его окрестности. В летописи упоминаются постройки на случай пожара только подземные. В Саратовской губернии, например, всё под землёй на случай пожара.

Обследование подземного Кремля необходимо; палаты находятся ориентировочно на глубине 6 метров. Слой глины не пропускал воды. Камень для подземных палат употреблялся не только мячковский, но и песчаник (Мавзолей Ленина).

Отрицательные

М. К. Любавский

Я буду говорить как историк... Подвальные помещения находились под Благовещенским собором, где хранилась и «казна». Подвал при Иване III продолжен по направлению к Москве-реке и получился «Приказ Большой Казны». В XVIII в. здесь была площадь. Поиски библиотеки Грозного - довольно-таки бесплодная работа: известно, где палаты находились. Зачем было Грозному прятать библиотеку? Нет основания всё вверх дном поднимать...

И. Н. Бороздин

Рыть или не рыть - вот в чём вопрос! Трудно ответить на него. Надо быть практиком и подходить к делу с осторожностью, а это не представляется возможным. Конечно, соображения А. И. Соболевского интересны, но... присоединяюсь к мнению Матвея Кузьмича (Любавского. - Примечание автора.). Решительно протестую против рытья в 12 метров

[505]Сухов Дмитрий Петрович (1867-1958) - архитектор, профессор.
[506]Виноградов Николай Дмитриевич (1885-1980) - архитектор, реставратор, директор музея русской архитектуры.

глубиной. [...]

В сообщении докладчика отмечу ряд промахов. Мы с ним уже не раз скрещивали оружие. Например, по поводу его увлекательного доклада в Московском археологическом обществе о кладоискательстве, о волшебной палочке, своего рода «разрыв-траве» [507].

При анализе библиотеки Грозного возникает ряд вопросов: почему Грозный убил хранителей своей библиотеки? Олеография в изображении Грозного, комплименты ему, трафарет, скупо. Вообще, подход не солидный: «доисторическая» пещера в кладовых [508]!.. Могут дискредитировать сделанные ошибки. Детективный роман. Давно уже ищут, а ничего не находят. Вот куда идут народные денежки... Чтобы всем собором рыть Москву, надо знать, как копать. Вообще, в культурном смысле считаю вредным.

Н. И. Соболев [509]

При изучении палат необходимы планы, планы палат около полукруглой анфилады имеются [510]. А. И. Соболевский указывает на провалы. Провалы говорят, что подземные помещения существуют. Но копать - преждевременно, денег нет.

И. В. Рыльский

Считаю несвоевременным поднимать почву Кремля. Нет средств. Возможно разрушение памятников. Где, собственно, надо искать библиотеку Грозного, докладчик не сказал. Почему? Её скорее надо искать вне Кремля, а не в Кремле...

Покрышкин [511]

...собственно, описал всё. В сущности, не знаем, откуда начать и куда идти. Боюсь, что отразится на подземных сооружениях. Необходимо ждать, а пока охранять то, что есть.

В. И. Немоловский

Огромное влияние на книги имеет сырость. Все книги в храме Василия Блаженного сопрели. Считаю невозможным найти книги в целости.

И. К. Линдеман

«Доколе ты будешь злоупотреблять нашим терпением»,- воскликнул Цицерон... В открытие библиотеки мало верю: не вижу научных к тому

---

[507]Речь идёт о докладе Стеллецкого, посвящённом «волшебной лозе», биолокатору.
[508]Речь идёт о версии автора, по которой Аристотель Фиораванти связал неолитические пещеры, находившиеся под Кремлём, подземными ходами.
[509]Соболев Николай Иванович (1880-1949) - сотрудник Исторического музея в Москве.
[510]Имеется в виду анфилада под памятником Александру II, стоявшим в Кремле на месте, где ныне находится памятник В. И. Ленину.
[511]Покрышкин Пётр Петрович (1870-1921) - архитектор, академик.

оснований. Фельетон «Кремник» - пыль в глаза. Кремль так назван, по Вельтману, позже. Голословно, указаний нет. А есть ли зарегистрированные камеры? Говорит, сам исследовал сундуки [512]? Сундуки исследовал и Пётр [513]... Докладчик когда-то делал сообщения, а мы ничего не получали от него уже лет 20. Клоссиус и Дабелов, на которых он ссылается, не учёные...

(?)

Колодец в башне (Арсенальной.- Примечание автора.) - уж не люк ли, из которого потом ходы ведут? Павел Алеппский [514] в XVII в. отмечает поднятие воды в башне, так как водные течи испортились, а что там на самом деле, мы не знаем. Подходы к делу не научные.

М. И. Александровский [515]

Благовещенский собор строил Фиораванти. Термин «кремник» появляется с 1333 г., раньше итальянцев... Сокровища обычно помещаются наверху, почему же библиотека Грозного в подземелье?.. Она целиком попала в патриаршую библиотеку: всё это жёвано-пережёвано Белокуровым. Самый доклад лучше фельетонов докладчика. Мой вывод - искать библиотеку Грозного незачем!

М. И. Щелкунов [516]

(Подытоживая прения). Я вынес разочарование от наших прений. Одни - рыть надо, другие - рыть не надо... Линдеман оставил без ответа вопрос, так интересующий собрание.

Докладчик - энтузиаст, так обольём же его холодной водой! Между тем вопрос этот крайне важный. Он сводится к тому, что подземный Париж обследован, а «Старую Москву» подземная Москва не интересует. Между тем под Москвой мы найдём больше, чем в любом кургане.

Фельетоны докладчика в «Известиях» написаны в духе американских фельетонов. Говорят, «пренебрёг точностью». В действительности этого нет. Роль Игнатия Яковлевича - тяжёлая, неблагодарная. До 17-го года дело с подземной библиотекой тянулось вяло, до 1924 г. было не до этого. Теперь надо вести с коллективом: неправильно - одному.

Вопрос о подземной библиотеке Ивана Грозного представляет жгучий интерес, и мы благодарны Игнатию Яковлевичу за инициативу в этом деле. А дело может иметь крупные последствия. Дайте возможность быть уверенным, что комиссия дело поддержит. Лёгкие исследования,

---

[512]Можно предположить, что речь идёт о дьяке Василии Макарьеве.

[513]Линдеман путает здесь сундуки, виденные Макарьевым, и сундуки, которые боярин Прозоровский показал Петру I в потайных палатах Кремля.

[514]Павел Аллепский (XVII в.) - архидьякон, посетил Москву вместе с патриархом антиохийским в 1654 г. Автор путевых «Записок».

[515]Александровский Михаил Иванович (1865-1943) - член комиссии «Старая Москва», сотрудник Исторического музея в Москве.

[516]Щелкунов Михаил Ильич (1884-1938) - историк, краевед, книговед.

возможно, много дадут. Необходимо только взяться за лопаты учёными руками.

Воздержавшиеся

Н. П. Чулков [517]

М. Н. Сперанский [518]

П. Н. Миллер [519]

Комиссия не отмахнулась. Она только осторожно подошла. О «холодной воде» здесь нет речи, но неосторожно со всеми известными сведениями обращаться легкомысленно.

Резюме

Топографических исследовании в подземном Кремле никогда ещё произведено не было, но произвести их совершенно необходимо, притом при первой же малейшей к тому возможности. Должна быть образована комиссия, а инициативу должен взять на себя отдел по делам музеев.

Дебаты о библиотеке Грозного московских и ленинградских учёных в аудитории Исторического музея 9 июля 1924 г.

Академик Н. П. Лихачёв

Уже более 30 лет, как я принимаю самое оживлённое участие в дискуссиях по вопросу о библиотеке Грозного.

Не согласен, что прения должны вестись только о библиотеке Грозного: ведь в Кремле могут быть и тайники и клады (оставляю вопрос о неолите, о котором говорил докладчик).

Приветствую желание исследовать Кремль - холм, который был бором. В его наслоениях имеются клады. Характерна находка в 1840 г. небольшого горшочка с бумажными и пергаментными документами (1382 г.- Примечание автора.). Бумага выдержала лучше, чем пергамент; чернила выцвели, хранится в архиве Мининдел.

Почва Кремля заслуживает всяческого обследования. 30 лет назад я был увлечён вопросом о библиотеке Грозного. Белокуров является левым отрицателем библиотеки, а я не был крайним левым.

Вопрос должен быть разделён на две части: а) что такое библиотека и б) могла ли она сохраниться и можно ль её найти в подвалах?

Из доклада выяснился чрезвычайно важный факт, это вопрос о

---

[517]Чулков Николай Петрович (1870-1940) - архивист, библиограф, историк Москвы.
[518]Сперанский Михаил Нестерович (1863-1938) - историк литературы, академик.
[519]Миллер Пётр Николаевич (1867-1943) - историк Москвы, секретарь комиссии «Старая Москва».

Collectanea Pernaviensia. Хотя между Дабеловым и анонимом целая пропасть, но нельзя отрицать сплеча: Белокуров погрешил, отрицая всё.

Референтом допущены расширения точного смысла того, что говорят историки. Сведения о Софии Палеолог имеются точные: всё разработано Пирлингом. Это - бедная невеста с приданым от папы. Эпоха наибольшего искания греческих рукописей - эпоха её отъезда: каждая рукопись была на счету и библиотека не могла уйти из Рима незамеченной, поскольку была в силе частная собственность. При дворе были греки, которые значение библиотеки могли оценить. Важно определить иконы, прибывшие вместе с Софией Палеолог. Определение собраний её рукописей - вопрос безнадёжный, судя по тому, что видел Максим Грек.

Максим Грек имел у себя книгу «о ереси жидовствующих», из «книгохранительницы царской». От него же исходило требование прислать книгу Григория Богослова [520] с толкованиями.

Непреложный закон - греческие рукописи у московских царей были, но отрицаю, что Перновский список составлен точно.

Кто такой Паисий Лигарид? Едва ли не папский агент, личность тёмная, но учёная. Рукопись «Беседы патриарха Фотия» доселе была известна в одном списке. [...] Рукопись связана с именем Лигарида. Спрашивается, где рукопись написана? Эрнштадт обратился с этим запросом к Лигариду. Лигарид ответил, что «написана она в Москве». В Италии не употребляли бумаги французской; Афон, Греция Турция пользовались бумагой особой, немецкой.

Бумажный знак [521] - головка шута - был общепринят в московских приказах, значит, Лигарид писал своё послание в Москве, где и подал своё прошение.

Это - плюсы, говорящие в пользу библиотеки.

Ниенштедт Веттермана знал лично, и когда он записал рассказ последнего - неизвестно. Об этом существуют различные вариации.

В отношении подвалов, виденных Веттерманом, может идти речь о двух подвалах. Вся обстановка, при которой Веттерман обозревал подвалы с их содержимым, не подлежит никакому сомнению: всё здесь историческая правда и достоверность.

Бакмейстер, разобравши свидетельства хроники Ниенштедта, считает нх недостоверным сказанием; это предшественник Белокурова.

Другое, более важное свидетельство, дабеловское; но он не удосужился списать начало, а дал только список книг, которые он видел. Достаточно сказать, что Дабелов - это специалист-филолог, который

[520]Григорий Богослов - см. Григорий Назианский.
[521]Бумажный знак - водяной знак, видимое на просвет изображение на бумаге, служит для датировки рукописей и старопечатных изданий.

перечисляет desiderata [522] Европы: что в Европе утрачено, здесь оказывается! Дальше идёт перечисление таких рукописей, которые дали право Клоссиусу говорить о золотых переплётах. Но в таких были только выносные Евангелия. Это было откровением для науки. Здесь мы имеем литературные памятники классического мира, которые совершенно уничтожены первоначальным христианством. А потому содержание списка сомнительно. Почему список не был списан вторично? Если бы это был подлинник, мы бы могли доказать его достоверность.

По Дабелову, бумага пожелтела, чернила скверные [523]. Нельзя допустить, что писалось тайком? Тогда бумага и чернила были превосходны. Мой вывод: если я сам лично проанализирую документ, я признаю его XVI в., иначе это недостойная подделка.

Факт совершенно необъяснимый, что библиотека веками оставалась сокрытой. На этот счёт имелись разные ходячие сказания.

Кремль и его подземные ходы, повторяю, заслуживают самых подробных исследований. Кстати, дьяк Макарьев не говорил, что в ящиках были книги. Но что-нибудь всё же будет там найдено, что поразит удивлением...

Можно приветствовать в деле раскопок эгиду Исторического музея. Необходим в этом деле самый строгий учёный подход, и все средства, какими располагает наука: ковыряться перочинными ножами - заведомо вредное дело.

В своё время подняли поход против Н. И. Веселовского [524], самого счастливого раскопщика. Но даже Веселовского недостаточно для правильных раскопок. Не может служить оправданием тезис: «вследствие недостаточного состояния археологической науки». Значит, надо работать, не дожидаясь спецов. Не буду корить предшествующее поколение археологов... Величественные раскопки в Месопотамии - ведь всё это любительские хищнические раскопки.

Самый замысел - исследовать Московский Кремль - глубоко приветствую, при условии руководства со стороны музея; всякое любительство - отвергаю.

И. К. Линдеман

Я вторично выступаю против Игнатия Яковлевича - беру быка за рога. Хроника Ниенштедта. Что это? Не потрудился вникнуть в причину этого документа - не посмотрел в 3-ю главу Белокурова о Форстене [525], Бакмейстре, Клоссиусе - ни слова не сказал. [...] Ниенштедт писал свою хронику со слов Веттермана тридцать лет спустя, тем не менее Лихачёв

[522]Желанные, сокровенные (книги в данном случае).
[523]Рыжие - Примечание автора.
[524]Веселовский Николай Иванович (1848-1918) - археолог, профессор.
[525]Форстен Георгий Васильевич (1857-1910) - историк, автор трудов по истории Прибалтики XV-XVII вв.

признаёт её несомненной!

Со слов Арндта - книги были «вынесены»... Карамзин пишет: велел «разобрать», а Снегирёв «разобрал и составил каталог», Каким образом еврейские книги могли прийти из Рима?.. В списке Дабелова нет указания на имя Веттермана.

Ю. В. Готье [526]

В лице докладчика мы имеем единственного человека, убеждённого глубоко в том, что библиотека Грозного именно в Кремле. Это не был строго научный доклад: нет критики и скептицизма; это была горячая агитационная речь, проповедь!

Обрисовались путь докладчика и свободное обращение с историческими фактами. Например, стоило или не стоило Грозному прятать библиотеку? Докладчик не обратил внимания на библиотеку Московской духовной академии. Вопрос о существовании библиотеки Грозного как был тёмен до Игнатия Яковлевича, таким и остался и после него.

Докладчик затронул цель более важную - исследование кремлёвских подземелий. Безмерно приветствую начинание, которое мы имеем в лице докладчика Игнатия Яковлевича. Найдут ли что-нибудь, я лично сомневаюсь, но Н. П. (Лихачёв.- Примечание автора.) верит, что можно найти нечто весьма важное. Вместе с тем будет исследована топография подземного Кремля. Если раскопки будут осуществлены, то разрешатся научно весьма важные задачи. Если работы произойдут под эгидой Исторического музея, то я всецело присоединяюсь; если к тому же найдутся и средства, то дело получится большое.

Н. Н. Соболев

От слова отказался.

П. Н. Миллер

Уже раньше высказывавшиеся взгляды Игнатия Яковлевича я поддерживаю. Решено научно подойти к делу раньше самой работы, а потом уже работать. По существу сегодняшнего доклада Игнатия Яковлевича - самого существования библиотеки Грозного не отрицает никто. Но замурованной библиотеки в недрах Кремля, считаю, не содержится.

П. Д. Барановский [527]

Не научный подход: характер веры носят не только доклад, но и статьи докладчика. Статьи не выдерживают критики, неприличны по

---

[526]Готье Юрий Владимирович (1873-1943) - историк, археолог, академик. Автор трудов по археологии Европы.

[527]Барановский Пётр Дмитриевич (1892-1984) - архитектор, реставратор, знаток древнерусского зодчества.

своему содержанию. Что же касается библиотеки, такой библиотеки не могло сохраниться, она обратилась в прах, без вентиляции и прочего,- книги погибли [528].

На диспутах страсти кипели. В раскалённой атмосфере - борьба чуть ли не врукопашную! Её отголосок в «Известиях» от 19.06.1924, № 137.

«10-го июня 1924 г.,- начиналась заметка «Кастовая наука»,- в Историческом музее тов. И. Я. Стеллецкий сделал доклад о «Подземной Москве». Тов. М. Турбина отмечает специфический характер выступления оппонентов тов. Стеллецкого. Знаменательно то,- пишет тов. Турбина,- что помимо скептического и часто злоиронического отношения к мерам, предлагаемым тов. Стеллецким для отыскания библиотеки Грозного, и обвинений его в неправильном толковании некоторых исторических фактов, было возмущение той «шумихой», которую вызвал докладчик своими фельетонами о подземной Москве. По мнению тов. Турбиной, т. Стеллецкому принадлежит большая заслуга в том смысле, что он именно на страницах газеты, а не в каком-нибудь историческом журнале или специальных, доступных лишь немногим археологических статьях, осветил этот интересный вопрос. Но члены учёного ареопага, археологи из общества «Старая Москва», очевидно, смотрят на это дело иначе и обрушились на тов. Стеллецкого именно за профанирование науки, монополистами которой они, вероятно, себя считают».

Глава XV. По ступенькам вверх

«Городской голова»

Разуверившись в возможности склонить на свою сторону какое-либо учреждение (как это удалось в своё время с архивом юстиции), а также убедившись, что из прессы ничего, кроме шума («шумихи»), выйти не может, я остановился на мысли обращаться непосредственно к разным влиятельным и ответственным лицам в отдельности. Таких обращений за первые десять лет в советской Москве насчитывается целый ряд: по ним, как по ступенькам невидимой лестницы, обращался я всё выше, стучась в те или иные двери и твёрдо памятуя древний лозунг: «Толцыти и отверзется».

Первая такая «дверь», куда я постучался 29.12.1924 г., был председатель Моссовета - «наш почтенный городской голова», по характеристике М. Н. Покровского, направившего меня к нему.

«Как инициатор поисков культурного клада в XX столетии,- между прочим значилось в обращении,- я чувствую себя обязанным вести дело дальше. Очередным шагом,- по правильной коллективной мысли советских учёных, является проведение предварительных изысканий в этом направлении. Первым объектом последних должны стать две башни: Арсенальная и Тайницкая.

---

[528]ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3. Д. 36. Л. 282-295.

Обследование их ныне было бы лишь прямым продолжением прерванного ураганом исторических событий чисто научного предприятия конца XIX в. Советское правительство, высказывавшееся неоднократно за разоблачение всякого рода исторических тайн и мистификаций, пребыло бы лишь верным самому себе, вскрыв, наконец, и эту вековую зудящую загадку учёными советскими руками».

Неожиданная опора

Новый 1925 г. открылся 9 января моей публичной лекцией о библиотеке Грозного в Большой аудитории Политехнического музея, вступительное слово к которой сказал академик А. И. Соболевский. Пространный отчёт об этой лекции был помещён в «Известиях» от 13.01.1925 г., № 10, под заглавием «Тайны подземной Москвы». «Открытие этого ценного книгохранилища,- говорит газета в заключение,- имело бы огромную важность для научного мира не только России, но и заграницы».

НАРКОМПРОС

Четыре недели спустя я предпринял новую попытку «обращения», на этот раз к наркому просвещения СССР, от 12.02.1925 г.

«В качестве очередной задачи нашей современности в области науки на передний план выдвигается жизнью во весь рост вопрос об исторической библиотеке Ивана Грозного, сокрытой в подземных хранилищах Кремля.

Вопрос этот в науке не нов, но до сих пор он не привлекал к себе такого пристального внимания учёного мира, какого он по справедливости заслуживал.

Вторая половина XIX в. была эпохой шумных дискуссий и поисков следов названного таинственного книгохранилища, однако исключительно кабинетно-архивных. В результате оказался научно установлен факт, что библиотека Грозного не только конкретно существовала, но и даже сохраняется в полной неприкосновенности в подземельях Кремля.

Возражения на двукратных диспутах не касались вопроса о существовании библиотеки, которое не оспаривалось. Сейчас вопрос шёл о том, как её найти. Было признано, что без прямой заинтересованности в деле Советского правительства ничего сделать нельзя.

Ввиду изложенного, я, в качестве инициатора вопроса, позволяю себе обратиться к Вам, как наркому просвещения, как передовому учёному представителю Советской власти, с предложением - взять на себя роль посредника и побудить Совнарком к активному вмешательству в это дело.

Ходячие возражения против проекта лишены внутренней силы. Говорят; «Обнаружение подземных тайников повлечёт необходимость их охраны».

Известно, что царское правительство упорно отклоняло городской проект метрополитена под Красной площадью, ссылаясь на небезопасность при проезде высочайших особ. Между тем существуют и даже известны в печати тоннели и подземные ходы XV-XIX вв. Вдобавок, тоннельный узел неизбежного для Москвы метрополитена не только предрешён, но и приступлено уже к практическому осуществлению этого грандиозного проекта. При этом неизбежны гибель и уничтожение многих ценнейших памятников старины в виде древних подземных ходов и сопутствующих им.

Практика Парижа и Берлина в аналогичном случае наглядно показала, что прежде сооружения собственно метрополитена необходимо проведение узких подземных галерей, расширяемых затем в обширные тоннели. Вот почему практическое использование в Москве этих древних ходов дало бы в результате крупную экономию в средствах. Полученные сбережения с успехом можно бы бросить на генеральный розыск давно интригующего Европу русского сокровища - библиотеки Грозного. Историко-археологические данные намечают приблизительное местонахождение последней, что в значительной мере избавляет от необходимости топтания на месте и игры в жмурки.

Отсутствие у правительства средств. Ссылкой на это, между прочим, прикрылся отдел по делам музеев в ответ на мой аналогичный проект.

Лично я стою всецело на платформе, выраженной в резолюции коллектива московских учёных на диспуте 9 июля 1924 г.; «Раскопок без предварительных исследований не производить; предварительные же исследования начать немедленно».

Настоящим прошу Вас исхлопотать мне лично или комиссии учёных доступ в необходимые, строго определённые пункты подземного Кремля и прежде всего в башни Тайницкую и Наугольную Арсенальную. При этом - как утверждал, так и повторяю - на предварительные исследования подземной топографии Кремля никаких специальных ассигнований я не требую. По завершении разведочных работ наркому просвещения будут представлены отчёт, план и точно выработанная смета.

Судя по современным откликам о библиотеке Грозного западноевропейской прессы, можно, не обинуясь, предприятие по розыску последней считать делом европейского международного значения. Европа не без зависти взирает на Москву, с надеждой - весь культурный мир!

Хочу быть уверенным, что с наркомом просвещения Вашего типа историческое предприятие - на верном пути; тайна веков в наши дни нашим поколением должна быть и будет, наконец, раскрыта»,

Нарком, явно, крепко помнил о сделанном предложении, так как и несколько лет спустя, в личной беседе, напомнил: «Ваша любимая идея...»

СНК СССР

Почти весь 1925 г., от февраля до ноября, я тщетно прождал ответа от НКП. Под конец увидел себя вправе поставить на нём крест и обратиться к Председателю СНК СССР с докладной запиской от 14.11.1925 г.

«Библиотека Грозного,- писал я в ней,- есть историческая загадка, близкая к разгадке. Современная наука не отрицает её существования, считая сохранившейся вплоть до наших дней. Весь вопрос в том, как её найти и вскрыть. Если бы Советскому правительству показалось стоящим отыскать это мировое сокровище и угодно бы было поручить это сделать мне, то (мой многолетний спелеологической опыт в том порукой) я бы её разыскал. Пока я жив, я бы всего себя хотел отдать этому делу - свой опыт, свою любовь к идее, которую я бы не хотел унести с собой в могилу бесплодно, не претворённой в жизнь».

Ответа, увы, также не последовало. И я замолчал надолго, на целых четыре года...

ЦИК СССР

Только 22 августа 1929 г. я вновь поднял упущенную было нить - систему хождений «по ступенькам вверх», долбя, как дятел, в наглухо запертую подземную кремлёвскую дверь. На очереди стал ЦИК СССР, которому направлено было обращение в виде докладной записки «Об исторической неотложности поисков библиотеки Грозного».

«Противники идеи исторического существования библиотеки Грозного до наших дней успели - в обоснование своей фальшивой концепции - составить в своё время и опубликовать две резко отрицательные книги (А. Белокуров и Н. П. Лихачёв), а защитники её не удосужились на большее, как только на несколько газетных и журнальных статей. Между тем, на деле имеется гораздо больше научных данных в пользу её существования до наших дней, нежели наоборот. Особенно характерно и показательно то, что среди методов отыскания кремлёвского сокровища до сих пор никогда, ни разу не был применён метод спелеологический, впервые пущенный в ход мною».

Попутно я вносил, в интересах дела, предложение «поручить мне написать и представить как раз недостающую делу книгу, излагающую историю поисков библиотеки и базирующуюся строго на документальных данных».

Ни такого поручения, ни хотя бы ответа на предложение я не удостоился. Однако, учитывая, что если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе, я собственными возможностями составил 15 лет спустя трёхтомник о библиотеке Грозного, при этом представляемый.

Глава XVI. Голос общественности

Советской

Такой голос имеет большое показательное значение, так как наглядно свидетельствует о глубоком интересе к кремлёвской тайне, существующем в толщах народных, в широчайших кругах как Советского Союза, так и зарубежных.

Можно прямо сказать, что тайна библиотеки Грозного стала народным достоянием, более того - проблемой международной.

Первые советские читательские запросы восходят ко времени свыше двадцати лет тому назад...

Вот под рукой один из наиболее ранних, от 16.02.1926 г., из «кровопийственного града» Грозного, бывшей Александровой Слободы, где мною производились в царское время изыскания на тему филиала библиотеки Грозного царя. Писал столяр Корнилов: «Глубокоуважаемый профессор! Я желаю лично переговорить с Вами об интересующем Вас вопросе относительно библиотеки Грозного. Я лично прочитал заметку в газете «Правда», где говорится, что вы очень заинтересованы в этом деле и стараетесь найти столь ценную находку. Я, со своей стороны, могу дополнить к тем сведениям, которые Вы уже имеете, кое-что более определённое, но для этого мне необходимо видеть Вас лично».

В царскую эпоху, как упомянуто, я одно время вплотную занимался розыском следов филиала библиотеки Грозного в его «кровопийственном граде», ныне г. Александрове. Частично достижения подытожены в статье «Забытый уголок Ивана Грозного» с рисунками, напечатанной в журнале «Исторический вестник» (1916 г.). По-видимому, столяр Корнилов в своё время ознакомился с этой статьёй, а десять лет спустя заметка в «Правде» удостоверила его, что, дескать, «жив курилка», дай напишу! Встреча не состоялась, а жаль: он мог сообщить или о его личных наблюдениях, или поведать о забытых преданиях, какие ещё ходят в народе по части «забытого уголка».

В конце 20-х и в начале 30-х гг. XX в. состоялся ряд (в количестве семи) моих публичных лекций в Большой аудитории Политехнического музея - «Аудитории для всех» - на темы подземной Москвы и библиотеки Грозного, Аудитория, по составу, главным образом, молодёжная, обычно бывала переполненной. [...] Факт показательный, говорящий сам за себя: подземная Москва москвичей волнует! Слышанное в аудитории проникало в широкие массы, откуда другой раз попадало в печать в искажённом виде, с примесью авторских фантазий и невежества, а иногда возвращалось к лектору в виде запросов «по поводу». [...]

Иногда, за неведением моего адреса, запросы поступали в журналы, которые по своему характеру не могли дать грамотного ответа, Иногда в печати появлялись нелепые безграмотные нападки на библиотеку

Грозного и подземную Москву, вследствие чего последние приходилось защищать то в виде статей, то в виде «открытых писем» в редакции,

Нельзя не подчеркнуть также, что другой раз в печати появлялись весьма толковые отзывы о библиотеке Грозного, как, например, Е. Соколова.

С другой стороны, в новейших книгах, в которых можно было ожидать найти дельный отзыв о библиотеке Грозного, как таковой, не находим даже намёка на самое её существование, как, например, в книге С. Ф. Платонова «Иван Грозный». [...]

Глава XVII. Немецкий трюк

Волшебный прибор

Наиболее пикантное предложение поступило в августе 1929 г. из Кёльна, от немецкого инженера Макса Фридерсдорфа, который писал от 27.07.1929 г. следующее:

«Глубокоуважаемый профессор Стеллецкий! Прилагаемая при этом вырезка газетной статьи «Подземный Кремль» [...] даёт мне повод довести до Вашего сведения, что я при помощи моих разведывательных приборов буду в состоянии точно определить местонахождение тех или иных предметов в подземном Кремле, а также глубину их залегания.

Для удостоверения своей личности присовокупляю:

1. Четыре удостоверения о производстве мною подземных поисков предметов при помощи моих шифровальных аппаратов, а также о том, что предметы действительно были найдены на предуказанной мною глубине.

2. Две страницы таблиц о результатах разведок с применением моего прибора.

3. Удостоверения об удачных разведках подземных вод.

Дабы доказать Вашему высокоблагородию, что я действительно предлагаю свои услуги не ради какой-либо ожидаемой выгоды, я представляю себя и свой прибор единственно из интереса к делу, причём прилагаю ряд положительных отзывов о производимых мною работах при помощи моей системы биологического самоочищения сточных вод. На этом я имею достаточный заработок и являюсь обеспеченным человеком, почему в спекулятивных предприятиях отнюдь не нуждаюсь. Поэтому и выговариваю для поездки в Москву в свою пользу только суточные и подъёмные, да содержание в Москве ориентировочно дней на десять.

Я бы не стал предлагать свои услуги, не будь я твёрдо уверен в том, что моя работа будет иметь безусловно положительный результат, Должен заметить, однако, что я далёк от того, чтобы работать при

помощи волшебной палочки [529].

В случае, если бы согласились на моё предложение, нетрудно будет высчитать, какой расход потребует моя работа. Необходимо, однако, чтобы правительство СССР снабдило меня достаточными полномочиями, дабы я мог без всяких затруднений со стороны учреждений совершить свою поездку в Москву.

Теперь нам следует прийти к соглашению относительно денежного расчёта между нами.

Пока свидетельствую Вам своё почтение, инженер Макс Фридерсдорф Старший. Фирма: Научная опытная станция сточных вод. Оергиш Глаубах, близ Кёльна - 27 июля 1929 г.».

Вырезка из газеты «Фоссие Цейтунг» от 20 июля 1929 г., приложенная М. Фридерсдорфом к своему посланию, носит заголовок, как отмечено, «Подземный Кремль» («Город под Кремлём») и подписана инициалами «М. Л.». Здесь она приводится в переводе на русский язык:

«В недрах царской крепости (в Кремле) зарыты огромные сокровища, которые столетиями ждут раскопок. Такова, между прочим, библиотека Грозного.

Уже много столетий держится поверье, что под Кремлём сокрыт подземный город. Сокровища в виде золота и серебра со времён Новгорода, не поддающиеся оценке, библиотека Грозного, ценные картины и исторические реликвии, жемчуг и драгоценные камни в громадном количестве будто бы зарыты в подземных сокровищницах Кремля.

Эти сокровища, находящиеся там, по преданиям, с начала XVI в., до сих пор пребывают недоступными. Только Петру I удалось запустить свою руку в этот тайный сейф.

Русские историки относятся к этому весьма скептически. В течение столетий производились многочисленные попытки проникнуть в подземные ходы под Кремлём, чтобы напасть на след этих сокровищ.

Русский археолог, профессор Игнатий Стеллецкий занят в настоящее время по поручению Советского правительства подробным изучением Кремля. Работы уже начаты.

Когда несколько лет тому назад строили Мавзолей Ленина у Сенатской башни, напали на подземный ход, который находится в связи с этими казнами. [...] Не подлежит сомнению, что входы к тайным камерам защищались остроумными сооружениями, как это было обычно в эпоху Ренессанса в Италии. Стоит вспомнить о механических игрушках Леонардо да Винчи. [...]

---

[529] Т. е. с помощью биолокатора.

Профессор Стеллецкий заявляет, что он не ищет ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, а заинтересован единственно только бесценной библиотекой Грозного. «Если бы удалось открыть эти книги,- так говорит Стеллецкий, - то это превзошло бы знаменитую находку Тутанхамона [530]».

Варягов не требуется...

Соблазнительное само по себе предложение немецкого инженера относительно «волшебного прибора» Москву, однако, не устраивало.

В интересах советской науки и культуры я обратился к тогдашнему редактору «Известий» (М. А. Савельеву) с просьбой «способствовать положительному решению кремлёвской проблемы возможным содействием к опубликованию исчерпывающей о ней книги. Неотложная потребность в таковой как для широкой советской общественности, так и для заграницы совершенно очевидна».

В своём обращении к редактору я старался оттенить ту мысль, что варягов нам не надо, что ни к чему нам иноземные «волшебные приборы», в этом нашем, так сказать, интимном, чисто семейном деле; что мы можем собственными мозгами и руками открыть то, к чему протягивают свои цепкие руки немцы, соблазняя «десятью днями». Пусть нам потребуется на это не 10 дней, а 10 месяцев - результат один: заколдованная библиотека будет найдена! Что для этого нужно? Дело закончить! Вести его метростроевскими темпами и - что самое главное - довести его до подлинного конца.

«Обращаюсь к Вам,- говорилось в заключение письма,- как редактору хорошо известной в Европе, уважаемой и влиятельной советской газеты». Скрытой целью такого подхода было заинтересовать - через посредство редакции названной газеты - и привлечь к этому делу Максима Горького, как это уже имело место перед тем в отношении подмосковных пещерных городов на реке Пахре.

Глава XVIII. ЦК ВКП (б)

Миновало ещё четыре долгих года... Наконец, я решил постучать в самую труднодоступную дверь, взобравшись по ступенькам на самый верх - в ЦК ВКП (б).

«По долгу совести советского учёного и гражданина довожу, в лице Вашем, до сведения Советского правительства о нижеследующем. Советская наука, в частности - история материальной культуры, не отстающая в общем от действующих темпов социалистического строительства, не является, однако, свободной от всяких «белых пятен», каковыми надо признать, между прочим, вопросы:

---

[530]Гробница Тутанхамона (ок. 1400-1392 до н. э.) была раскопана в 1922 г. археологом Х. Картером и содержала большое количество предметов из золота высокой художественной и исторической ценности.

1. О библиотеке Ивана Грозного;

2. Об исторических кладах;

3. О газоубежищах и

4. О «плохо лежащих» полезных ископаемых.

Библиотека Грозного

Возникла она в Москве в XV веке из греческих рукописей и книг царской и патриаршей библиотеки, которые, дабы не достались они туркам, были спешно вывезены в 1453 году Фомой Палеологом из Царьграда вместе с семьёй в Рим. Но в Риме книжные сокровища сторожила новая беда, едва ли не большая... исподволь подбиравшийся к ней Ватикан! Тогда Фома решился на героический шаг: выдать дочь за полумифического князя в далёком Московском Залесье, а с нею вместе отправить туда и библиотеку «на хранение», до поры до времени. Сопровождать и устроить книгохранилище на месте, в Москве был приставлен брат Софии, невесты князя, Андрей, вскоре затем вернувшийся в Рим.

Не успела византийский принцесса сориентироваться и приобвыкнуть к полудикой Москве, как деревянный Кремль в который уже раз сгорел, не миновав и княжеских хором и едва не уничтожив завещанного отцом сокровища.

Перепуганная пожаром Кремля, София спешно выписала из Венеции знакомого ей по Риму Аристотеля Фиораванти, слава которого гремела тогда на всю Европу и Турцию как первого гидротехника и подземника, как «мага и волшебника». По мотивам личной обиды на соотечественников Аристотель явился в Москву «на 10 рублев» жалованья в месяц и первым делом соорудил глубокий двухъярусный тайник под Кремлём для заветной Софьиной библиотеки.

Вторым его делом было сооружение (окончен в 1479 г.) Успенского собора с подземным ходом из него в Замоскворечье через Тайницкую башню. Софья ревниво стерегла свой греческий клад, а Ивану III, не понимавшему ни аза по-гречески, было мало дела до непонятных книг. О подземной библиотеке забыли, пока сын и преемник Ивана III Василий, обходя потайные родительские углы, не наткнулся случайно на замурованный каземат. Вскрыв его, зрители ахнули при виде множества рукописей и книг... Для описи и перевода новонайденных книг был выписан с Афона учёный монах Максим Грек. [...] После заточения Максима Грека о ней снова забыли. Но тайну библиотеки выдал юному Грозному в 1533 году в бывшей Троицкой лавре тот же Максим Грек, незадолго до своей смерти.

Честолюбивый юноша ухватился за открытие, тут же набредя на мысль создать из него себе в веках «памятник нерукотворный». Отовсюду он стал собирать, стягивать со всех концов Европы, не щадя средств и

влияния, и прятать в подземных тайниках Кремля книжные раритеты, которые с тех пор хранит Прозерпина [531] и, хныча, бесплодно ищет Европа. Открыть эту, подлинно, Грозного, библиотеку - значит создать в культурной истории человечества второй Ренессанс и притом стране Советов - немеркнущую славу в веках. [...]

Советская и мировая общественность наших дней вправе знать подлинную историческую правду по такому кардинальному вопросу европейской культуры, как исчезнувшее бесследно в тайниках Московского Кремля собрание раритетов письменности.

В Вас я усматриваю человека, способного глубоко судить и видеть далеко вперёд и вглубь, подобно Грозному. Опасаясь обратиться со своим предложением в Главнауку или ОГИЗ, где зажим неизбежен, позволяю себе обратиться непосредственно к Вам без опаски - издать мой многолетний на эту злободневную тему труд (около 10-12 печатных листов) под названием «Подземная Москва и библиотека Грозного».

Сама клокочущая жизнь советская с её московским ударным метро требует внести, наконец, «светлый луч в тёмное царство» московского подземного мира от времени каменного века до XIX столетия включительно, установив точные научные положения в хаосе обывательских суждений по этому тёмному вопросу.

Решению последнего может много посодействовать строящееся московское метро, где я работаю по наблюдению и изучению открываемых подземных памятников древности: метро имеет вскрыть на своём пути именно те узловые центры, которые связаны подземными артериями с заколдованным книгохранилищем - тайником болонского мага и волшебника» [532]. [...]

И что же? Это энное по счёту обращение, впервые за десять лет «хождения по мукам», откликнулось гулким эхом, породившим в конечном счёте дело, достижения которого способны лечь крупным вкладом в историю не только Москвы, а с нею вместе и всего Союза Советов, и всего прогрессивного человечества, Трудный подъём «по ступенькам вверх», таким образом, оправдал себя; неумолимый Сезам распахнул двери, путь к книжному собранию-недотроге отныне открыт, о чём подробно в третьем томе.

Из дневниковых записей И. Я. Стеллецкого о раскопках в подземельях московского Кремля 13.11.1933 - 16.03.1935

13.11.1933. Синяя птица

Да. Синюю птицу ухватил за хвост! Хотя бы не вырвалась! В 10 часов

[531]Прозерпина –в римской мифологии богиня плодородия и подземного царства.
[532]ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3. Д. 36. Л. 356, 362.

13-го уже сидел в заповедном Кремле, в комендатуре, ожидая Петерсона, который задерживался. [...] Скоро пришёл и вежливо поздоровался - высокий, представительный, в шинеле и фуражке. Быстро позвал в кабинет.

- Я хотел побеседовать с Вами по поводу подземных ходов. К тому же Вы и Сталину писали. Интересуется ими и товарищ Енукидзе. Как-нибудь сойдёмся, поговорим. Я интересуюсь ими, правда, больше с практической стороны, чем с научной. Я с 1920 г. комендант Кремля и постоянно слышу о них. Я обращался за справками к многим учёным. Все говорят, что могли быть, но в течение веков вся почва перерыта и они уничтожены, пройти по ним нельзя. Вы часто писали, я следил, проверял на деле. Иногда статьи и лекции запрещал. Потому, понимаете, комендант обязан охранять Кремль. Кто-нибудь подберётся, взорвёт...Мы произвели в Кремле раскопки. Строили школу [533], и от Спасской башни почти до Никольской я велел прокопать грунт на 11 метров, думал перерезать ход и - ничего не нашёл. Потом у меня возник большой проект/ Но осуществить его мне не дали, попросту не разрешили. Я хотел провести глубокую траншею от Водовзводной башни до Свибловой [534], чтобы перерезать ход, мне не разрешили,

«И умно сделали!» - подумалось.

- Теперь... Вы писали, я решил посоветоваться с Вами. Я просил бы Вас изложить письменно и подробно, где, вы предполагаете, она (библиотека) находится. [...]

28.11.1933. «Мечтатель»

«Мечтатель»,- говорила когда-то П. С. Уварова публично на занятиях «Старой Москвы» по поводу розысков библиотеки Грозного. А сегодня? Мечта в кулаке.

Аванс. Долгая беседа с Палибиным В. Е. [535] и Суховым Д. П. Оба далеки от подземного Кремля вообще,.. [536] «один (Палибин) искренне интересуется и охотно идёт этим путём, ну, а Сухов - чувствуется уже холодок и скрытая оппозиция, что дало Палибину повод шутя обозвать его «дьяком», припоминая тех дьяков, которые в решительный момент «подставили ножку» Конону Осипову.

14.XI.1933 г. в Кремле имело место явление большого «подземного» значения. Красноармейцы на физкультуре в Здании Правительства

---

[533]Военная школа ВЦИК для кремлёвских курсантов (1932-1934), перестроена в конце 50-х гг., ныне здесь находится Президиум Верховного Совета СССР.
[534]В тексте ошибка: Водовзводная и Свиблова - два названия одной и той же Башни. Возможно, траншею предполагали провести от Водовзводной до Спасской башни.
[535]Палибин В. Е. - главный инженер Гражданского отдела Управления коменданта Московского Кремля **(**УКМК**).** Ввиду закрытости архива комендатуры Кремля сведения о лицах, работавших в 1933-1934 гг., получить не удалось.
[536]Не разобрано одно слово.- Т. Б.

(здании... [537]) во дворе, где клумбы. Один прыгнул и сразу же провалился, едва-едва вылез, и под ним в квадратный метр, на глубину до 6 метров провал. Колодец? Ни в коем случае! Петерсон приказал лить туда воду большой шлангой, будто из бочки. Лили с полчаса и будто в пропасть... Потом засыпали песком. Прикажу очистить и впустить трубы [538].

1 декабря - к большой исторической работе. План - зафиксировать, во-первых, топографию подземного Кремля in situ [539]. Мечтатель! Мечта, осуществляющаяся после 25 лет ожидания.

Синяя птица поймана... за крылья... [...]

01.12.1933. Вздох истории

Сегодня знаменательная дата. Сегодня первый шаг большого дела. Сегодня начинается, впервые в веках, розыск научным способом библиотеки в недрах Кремля. До этого времени последние раскапывались только два раза: Кононом Осиповым в первой половине XVIII в. и Н. С. Щербатовым в 1894 г. Но они искали не то: они искали «сундуки до стропу», а библиотека под землёй была им не в... [540].

Уже 460 лет как библиотека Грозного спрятана под землёй, считая со времени Софьи Палеолог. И за это долгое время почти в полтысячелетия настоящие, серьёзные, способом технических и интеллектуальных сил могущественной державы поиски этого удивительного человеческого сокровища начинаются впервые сегодня!

А удастся ли довести дело до желанного конца? Не съедят ли меня заранее «дьяки»? Не ждёт ли меня судьба Ивана Фёдорова и Конона Осипова? Однако, как ни был расположен Грозный Иван к скромному Ивану-печатнику, но и он не смог уберечь его от злой силы дьяков. Всё же, думаю, что Пётр I смог бы защитить Конона от дьяков, если бы рано не умер. А может ли Сталин защитить меня от того злого гнезда дьяков, которое называется по-современному МО и без «мо» - ГАИМК?.. Если сможет - открою!

Уверен в этом так же, как в том, что живу. Открою, только вы, дьяки-учёные, не бросайтесь гнилой колодой мне под ноги на моём тернистом научном пути к мечте целого человечества. Dixi [541] [...]

16.12.1933. Раскопки под Арсеналом

Колодец в 5 метров глубиной. Опускается Базукин [542], лом без труда уходит целиком, но насыпанная земля уже холоднее и твёрже, хотя ещё сырая и чёрная, как уголь. Буду бить до дна. Если дно каменное -

---

[537]Не разобрано два слова.- Т. Б.
[538]Так в тексте.- Т. Б.
[539]На месте (лат.).
[540]Не разобрано одно слово.- Т. Б.
[541]Я сказал (лат.).
[542]Базукин - десятник Гражданского отдела УКМК.

историческое открытие. [...]

19.12.1933. В подземельях Арсенала

Производил осмотр вместе с моим десятником Базукиным и заведующим подземельем Суриковым.

Для меня ясно, что это тот самый «ров», о котором упоминал Конон Осипов. Теперь там «тир». Глубина подземелий - 6 метров! Два громадных тоннеля и более узкий между ними. В конце, т. е. вблизи от Арсенальной (Собакиной) башни, целый ряд загадок: замурованная дверь, шесть люков, заложенные гнилыми от времени досками, пятна в стенах и страшный гул в некоторых местах. Завтра беру каменщиков и землекопов - пробивать дверь и рыть яму колодцем. [...]

27.12.1933. В тайниках Арсенальной

Поиски доступа в башню [543], через Троицкую [544] по стене, не подходит ключ, не отпирается замок. Спуск на дно. Архив вывезен года два тому назад (куда, приставленный военный Попов не знает).

Дно - гора земли и мусора, среди которого колодец с водой. Сруб совершенно сгнивший. Сгнившее бревно сползло в воду, только верхушку видно.

Примечательны три входа. Один - сверху, очевидно от Троицкой башни. Это древний ход в подвал башни. Ныне заложен свежим кирпичом. Другой - к Никольской башне, сравнительно узкий. Заложен совершенно кирпичом. И наконец, третий - знаменитый, осиповский. Загромождён мусором с досками, на дне - вода (на одном уровне с колодцем). Закладка - белокаменная, изуродованная, с торчащим, забытым шламбуром [545]. Осиповский ли это ход? По Осипову, архитектор продолбил Арсенальный столб и упёрся в грунт. Здесь белокаменная закладка (столб?) не пробита насквозь. Если это столб, свод должен быть проломлен, а здесь кирпичный свод уходит вглубь за тёсаными глыбами белого камня. По бокам точно такие же кирпичные стены уходят за белокаменную замуровку. Не знаю почему тут мудрил пономарь Конон Осипов, строя крепления? Продвигаться вперёд, и вся недолга, что бы там ни было: будет ли это белокаменная замуровка или осиповская земля, насыпанная «накрепко».

Большую загадку представляет ход выше, из которого в пяте сферического свода [546] башни пробита брешь и опущена деревянная

---

[543]В подземелье башни можно было попасть только через пролом в полу первого этажа, все остальные входы были замурованы.

[544]Троицкая башня (1495-1499) - высота 77 м, в старину имела часы и колокол. В 1894 г. в подземной части были найдены двухэтажные палаты, засыпанные землёй. Археологи предполагали, что из них есть ход в подземный Кремль, работы по расчистке палат не были закончены из-за запрета архитектора.

[545]Шламбур - устройство для пробивания отверстий в стене.

[546]Пята свода - основание свода.

лестница. В противоположную от лестницы сторону круто сползаешь по осыпи к замуровке (сравнительно старой), издающей под молотком гул. Мусором тут присыпана деревянная рама, из-за которой, судя по свече, значительная тяга.

Словом, всё здесь сложнее, чем я думал, и бесконечно интереснее, загадочнее. Здесь хоть купайся в тайнах. Мне здесь будет громадная пожива, если не подставят преждевременно «ножку» могаимковские дьяки.

Получил пропуск в Кремль и за полмесяца. Закладываю колодец, где роют подвал для пристройки, не очень далеко от Успенского собора. Будет вестись наблюдение, пока роется подвал, а потом - колодцем - до грунта. [...]

29.12.1933. Первые раскопки

Начал раскопки в подземельях Арсенала, в узеньком коридоре между двумя стенами осиповских «рвов». Мотивы:

1. Выяснить глубину залегания фундаментов, т. к. это историческая тайна. Не так давно вырыли колодец в 9 метров, чтобы узнать глубину залегания фундаментов, но конца не достигли.

2. Выяснить местонахождение боковых стен макарьевского хода, перерезанного стенами (или, может быть, действительно «столбами») Арсенала? Если траншея их не затронет, пройти на глубине подземными ходами в обе стороны. Сделаны первые находки: два обломка, очень тронутые ржавчиной, железной трубки, типа водопроводной, но забитой трухлявым деревом; большая, в 1,5 пробка [547], обложенная жестью, которой затыкали дула пушек; дно флакончика; кости и т. п. [...]

«Не в свои сани не садись...» - так приходится сказать о фотографе Петрове, которого дал комендант (другого, мол, нельзя), Снимая подземелье Арсенальной башни, всё время ворчал, жалуясь на такую работу; ему, видите ли, сказали, что снять башню, а если бы знал, что лезть в пекло, он бы не пошёл.

Сделал шесть снимков ходов: макарьевского, под Никольскую башню, угол колодца, искусственное отверстие в скреплении с приставленной лестницей и крутой спуск от отверстия в противоположную сторону, наполовину засыпанную пылью, но куда сунуться фотограф решительно отказался. Я туда залез со свечкой, а Петров, стоя сверху с магнием - на ура: выйдет ли, нет ли? Теслов [548] по поводу этого: «Мы его усмирим». Я предложил дать мне аппарат, и я сам буду снимать всё, что потребуется в решительный момент. [...]

---

[547]Так в тексте. - Т.Б.

[548]Теслов Н. Г. - работник Гражданского отдела УКМК.

31.12.1933. Новый год

Итак, что год грядущий мне готовит? На щите или со щитом? Если минует чаша с дьяками, конечно, со щитом. Не сомневаюсь в этом ни минуты.

01.01.1934. «Золотоискатель»

Осматривали с В. Е. Палибиным котлован метрах в 30-40 от Успенского собора, где я велел углубить колодец. Три-четыре метра - строительный щебень со сгнившими сваями в нём. Под ним - тёмный слой рушеной земли. Сбоку - белокаменная стена, не камеры ли, каких немало было находимо в Кремле? На днях выясню. В беседе В. Е. Палибин, между прочим, с усмешкой сообщил, что меня называют «золотоискателем»! [...]

Имел интервью с Зиновьевым, которому в 1928-1929 гг. поручено было с политической целью исследовать подземный Кремль. Результаты: в Арсенальной башне вычистил колодец (рабочих спускал на канате), в осиповском ходу загнал в белую замуровку шламбур на 0,5 метра, да так и не вытянул. В Троицкой башне устроил под склад две палаты, которые раскапывал Щербатов. В нижней залил дно цементом, не зная, что оттуда есть люк в ещё более низкую. В Тайницкой башне засыпал... [549] большой научной ценности колодец, который я должен очистить. Искал глубину фундамента Арсенала во дворе, Довёл до 9 метров, наткнулся на камень и бросил.

- А почему не проделали этого из подвала Арсенала?

- Не пришло в голову.

Зато мне пришло, и там сейчас копают две ямки, в которых гудит, даже рабочие боятся провалиться...

Хорошие идеи приходят в голову, как только проснёшься. Так и сегодня. Об этом от имени Кремля пишу Роттерту: «Управление комендатуры Московского Кремля просит Вас предоставить временно в его распоряжение одного опытного забойщика с машинизированной техникой». Мысль - поставить его в подземелье Арсенальной башни, замурованной белым камнем больше, чем на 4 метра. Есть признаки, что это не столб Арсенала, испортивший ход, как думал Конон Осипов, а просто крепкая замуровка хода. Цель? Пока загадка.

02.01.1934. В разгаре

Сроду, вероятно, от времён Солари, Арсенальная башня не видела в своих недрах такого множества людей, такого шума, такого яркого света, как 2-го января. Каменщик бьёт белую замуровку, чернорабочие - замуровки кирпичные, плотники строят жёлоб, чтоб спускать с таинственно-круто-наклонного хода в подземелье с колодцем [550].

---

[549]Утрачено одно слово.- Т. Б

[550]Так в тексте.- Т. Б.

В замурованном ходе до, как я думаю, Никольской башни снят верх и обозначилась меньшая арка с пазами для засовов. Интересно в главном ходе, как я называю тот, что с белокаменной замуровкой. Выясняется, что это не только не столб Арсенала, а самая обыкновенная замуровка, а ещё, что замуровано не отсюда, а с той, тайной и неизвестной стороны. [...]

03.01.1934. Всё!

Всё, даже жизнь готов я положить на пути к великой цели, который раскрылся неожиданно предо мной. И я её достигну: это так же ясно, как то, что я пишу эти строки. Но... если не помешают дьяки-учёные, страшные призраки, сорвавшие дело в веках, которые заставили бежать без оглядки Ивана Фёдорова и довели до кнутов великого энтузиаста Конона Осипова. [...]

В нижнем этаже Арсенальной башни мною нащупаны четыре замуровки. Одна из них, как можно думать, ведёт к Никольской башне. Остальные абсолютно загадочны.

Вот, если подходить строго научным путём к делу, непременно нужно все и всё размуровать. Когда это строилось, то это имело прямой смысл: потом оказалось лишним или нежелательным и его замуровали. Если замуровали простое окно, будем по крайней мере знать, что окно. А если там таинственные ступени или какая-нибудь другая тайная чертовщина? Ведь дело имею со средневековьем, в котором тайн было хоть отбавляй! И кто гарантирует, что не закрыл все эти отверстия, 70 лет спустя после постройки, сам Иван Грозный, чтобы скрыть какой бы то ни было доступ в подземелья Кремля, в которых замуровано было им его наибольшее в свете сокровище - библиотека? [...]

09.01.1934. Фото

Аппарат остро необходим при исследованиях в Кремле! Петров как снял, ругаясь, в начале работ, да только его и слышали. Между тем фото - это главное оружие в борьбе с «дьяками». Поэтому, бросив всё, купил аппарат на Арбатском рынке. [...] Всё же я не уверен, что всё будет хорошо в приобретённом инструменте. [...]

10.01.1934. Арка

В 4-этажном здании, что возле Успенского собора, в подвале строится музей [551]. Под полом, в полстены, на глубине 3 метров от этажа, я нащупал арку, закрытую в один кирпич, шириной до 3 метров. За кирпичом арка заложена немного дальше тоже кирпичом. Оставлена с правой стороны отдушина, оттуда сыплется мусор. [...]

Конон Осипов ничего не понял, что касается «тайника», на который напоролись, копая «ров», а ныне «тир» Арсенала. Потому, конечно, что производил археологические исследования не так, как сам хотел, а как дьяк-архитектор велел. Оказывается, что не столб Арсенала загородил

[551]Возможно, речь идёт о Патриарших палатах (1653-1655), но они имеют три этажа.

ход, как думал Осипов, а он был нарочно, до дна забран белокаменными… [552] на извести, после того, как на него наткнулись и проломали. Заполнив середину камнем, сверху засыпали землёй. Это видно из того, что сейчас, когда камни уже выбраны на 1,5 метра, справа, в пяте скрепления, показалась между белой замуровкой и кирпичной стеной чёрная, со строительным мусором, земля, сыпавшаяся сверху. Думаю, что так и обнаружится сегодня, когда выберут камни ещё на метр вперёд.

Другое открытие - это ход заворачивает на соединение со ступенями, которые ведут из подземелья к первому ярусу. Теперь главное - имеет ли этот замурованный тайник ответвления под Кремль; если нет, то сенсационные рассказы дьяка Макарьева будут не чем иным, как пустой болтовнёй, на которую попались три правительства: Петра I, Анны Иоанновны и советское. Едва ли это так. Вот скоро увидим.

11.01.1934. Первое достижение

Важное достижение: соединён нижний этаж Арсенальной башни с её подземельем старинным проходом! Это даёт возможность, кажется, ударить белокаменную закладку сзади. Есть признаки, что с противоположной (от прохода на ступени) стороны замуровки прячется «брешь» в тайник, о чём упоминал Конон Осипов. Любопытно, что у последнего щабли ступеней в стене найден железный крюк от дверей, запиравших нижний этаж башни от подземелья, Теперь остаётся открыть выход из подземелья на свет божий, кажется, выход выведет в Александровский сад, и выйти под землёй ходом Макарьева в Кремль. По Петерсону, колодец будет взят в бетон, чтобы вода не протекала в Арсенал. […]

17.01.1934. Тайны Арсенальной башни

Сейчас, так сказать, имею права больше, чем когда-нибудь. Вот факты. На нижнем этаже - две размуровки, далее: одно замурованное окно, а другое - глухая ниша (первый случай). Крепкая закладка на цементе на юго-восток дала уже наполциркульное скрепление пещеры. Со двора слышно, где стучит каменщик, а не видно ни одной замуровки: такое впечатление, что пещера ведёт в недра кремлёвской стены.

Подземелье. Тут загадок на каждом шагу! Спускаемся по кирпичным ступеням, приводящим на плоскость в квадратный метр. Кругом были стены. Дно – щебёнка. Сейчас стена слева разломана, можно пролезть в соседний, в 9 метров шириной, тайник, который был заложен белокаменными столбами (брилями), которые уже выбраны на 2-3 метра, Выходит, что тут имеем два отдельных, самостоятельных тайника.

Выход к Александровскому саду не был выходом, а был в стене трубой, на 4-5 метрах в высоту, где оканчивается полукруглым окном в той же самой грани. Труба замурована откуда-то сверху: замуровка крепкая, на цементе. Кирпичный пол имеет обрез вглубь, в яму, забитую

[552] Утрачено одно слово.- Т. Б.

мусором, стены ямы были обложены кирпичом. Полная загадка! Одно ясно: тут выхода наружу не было, я его сделаю впервые, навешу дверь, поставлю сторожа, сделаю забор, и будет это вход и выход из подземного Кремля и в подземный Кремль, который должен быть реставрирован впервые за 450 лет. [...]

21.01.1934. Ещё тайны Арсенальной башни, или разрушенная легенда

До революции была уверенность, что замуровка слева, если стоять против ступеней в стене, замыкает ход к Никольской башне. Сегодня выяснилось, что нет: замуровка пробита насквозь (вынут один кирпич). Оказалось - загадка! Это не окно, так как замуровка в рост. Я пробил верхнюю половину, и что же? Вокруг никаких признаков какого-либо отверстия! Признаком, где загадочная замуровка, вне - белый кирпич, которым я велел забить отверстие. С «кремлёвского проезда» этот белый глаз ясно виден. [...]

В главном тайнике нащупан порог из кирпича (в ширину два плоских кирпича). Ступени вычищены до низа, внизу щабли лучше сохранились.

В «бане» (в подвале Патриарших палат) прорыто до грунта, находящегося (песок светловатый) на глубине 4 метров. В подвале Арсенала докопались до грунта в обоих колодцах: 7 метров от дна подвала и 12 от поверхности. [...]

27.01.1934.

Он (Сталин) проявил большое мужество и великодушие и доказал лишний раз, что он действительно человек необыкновенный, не напрасно получающий те овации, которые ему и, до известной степени, искренне, расточает XVII (сьезд). Когда Октавиан Август вместо того, чтоб казнить Ирода Великого, оказал ему полное доверие, то этим он привлёк Ирода к себе навеки, превратив его в наивернейшего друга. И за высокое научное и всякое доверие современного Октавия я чувствую себя в положении Ирода, охваченного чувствами приязни и преданности самыми искренними. [...]

29.01.1934. Заветная стена

Стена, о которой я мечтал 25 лет, найдена! Открытие исторического значения. Всегда я был убеждён, что из Арсенальной башни есть белокаменный ход под Кремль. И вот сегодня, 29.01.1934, именно в день моих именин, на конце шестого метра белокаменной замуровки показалась, наконец, справа белокаменная стена из тёсаного камня с полом из кирпича. Какое другое может быть происхождение этой таинственной стены, как не это самое? Уверен, что я на пороге большого открытия. [...]

01.02.1934. На верном пути

В Арсенальной башне по Конону, как по нотам: на тайник нашли и тайник проломали, а проломавши, засыпали «землёю накрепко». Исторический корректив: не «землёю» накрепко засыпали, а кусками известняка и дикуна [553] на извести заложили. Вот, действительно, «накрепко»! Несмотря на это, пробито уже около 5 метров. Выяснилось, что пробита не только кирпичная стена в 1 метр шириной, а и белокаменная стена, которая за нею и дальше. Последняя пробита на полметра от края кирпичной стены. Линия излома только-только начала проявляться. [...]

07.02.1934.

Средняя Арсенальная башня имеет доступ в два этажа, в средний и нижний. Средний имеет две двери, на восток и на север, обе замурованы, Над дверями восточными в своде - люк, пронизывающий два недоступных сейчас этажа. Через нижний идёт переход на стену к Собакиной (Арсенальной тож) башне. Вот в этом переходе, справа, я заприметил арку, замурованную, которую велел размуровать. Замурована она, как выяснилось, в два кирпича. За замуровкой мусор, за которым видна другая, деформированная арка. Продравшись туда со свечкой, ясно увидел... [554] свод, спускающийся вглубь направо и поднимающийся вверх налево, где на 3 метра видна позднейшая замуровка, отставшая от стены, Думаю, что это ход в то подземелье под Арсеналом на 12 столбах [555], которое я давно ищу. [...]

10.02.1934. Загадки

Только так и могу назвать те явления, которые открываются одно за другим в подземном Кремле.

Вот Арсенальная (Собакина) башня. Выбраны белокаменные забутовки уже на 6,5 метрах. Из них - 5 метров до пролома в белокаменной стене. Неужели ход дьяка Макарьева? Похоже, что так. Идя вдоль пролома, встречаю возвышение из земли с примесью глины, известняка и т. д., и всё это крепко утрамбовано. Так подтверждается лишний раз свидетельство архивного документа: «а проломавши тайник, забили землёю накрепко».

А вот Арсенальная Средняя. Вдоль восточной стены, с севера на юг шёл полуциркульный коридор сверху куда-то вниз, на юг. Совершенная загадка! Когда строился Арсенал, этот коридор был сбит, а сделан рядом другой, немного ниже, и кончается он отвесной стеной рядом с южным краем арки свода. Противоположная стена замурована кирпичом, а далее видим следы разрушения ступеней из тёсаного камня, столбы из такого

---

[553]Дикун - дикий камень, булыжник.

[554]Не разобрано одно слово.- Т. Б.

[555]Вход в подвал «о 12 столбах» был найден Стеллецким из Арсенала. Подвал этот был засыпан при работах в Арсенале князя Ухтомского.

же камня выпячиваются из пола, Что это и для чего это выяснится, вероятно, завтра,

11.02.1934. Труба

В проектном бюро пересмотрел все планы Арсенала и стен Кремля: нет и намёка на что-нибудь из того, что я нашёл, Не упомянуто ничего из того, что открывается за Средней Арсенальной башней возле Кремля. А тут белокаменные ступени (почему-то побиты на куски), прогибающиеся под ногами, а в щелях между ними камешки гремят куда-то вглубь, ведут (семь) вверх, где ход замурован кирпичом с отставшим от старой стены башни разрушенным сводом. Вниз ступени приводят сегодня к мусору, из которого слева выглядывает арка, а под нею - чёрная пустота. Расширил отдушину, осветил середину лампой. Там пошла к Кремлю труба, диаметром где-то с полметра, пустая, только несколько штук кирпича. Что за трубой - загадка! [...]

13.02.1934. Gaudeamus igitur [556]

...В душе звенит Gaudeamus! Ведь открытие! Стопроцентный «секрет Стеллецкого»! Синяя птица, кажется, вся в руках. Но к делу. Открытие в подземном Кремле. В тайнике древнекаменная стена, идущая на юго-запад, прогнана на 3 метра. Далее пошли… кирпичи. Да как!

17.02.1934. Забор

Часов в 10 утра Тюряков [557] показывал Петерсону мои подземные работы. Пробыл там Петерсон, по словам рабочих, минут семь и всё посматривал на потолок, жалуясь, что мало распорок и рвутся у нас шинели. Вечером, на открытии клуба в Арсенале, встретил Тюрякова: «Вы знаете, мы были сегодня утром с Петерсоном в башне. Я ему рассказал всё, что говорили Вы. Он пошёл к Енукидзе. 20-го будет у меня совещание, приходите. Будет Роттерт, обсудим всё. Поставим забор. Только не разбрасывайтесь».

Забор - это прорыв подземного Кремля, в который потечёт весь его гной, всё лишнее и останется реставрированный впервые за 400 лет подземный Кремль во всём своём величии и тайной красе. [...]

21.02.1934. Как метро

В 11 часов утра в Арсенал явился молодой представитель Моссовета в военной форме вместе с комендантом здания Арсенала Алёшкиным и моим новым десятником. Я показал место в Александровском саду для забора. Отметили под прямым углом 14х15 метров и решили поставить забор в унисон с метростроевским [558], тут же в Александровском саду, близ Троицких ворот. Алёшкин сообщил, что заболевший Ф. И. Тюряков, получивший вчера «Красную Звезду», и Петерсон - орден Ленина,

[556] «Возрадуемся же» - первые слова старинного студенческого гимна.
[557] Тюряков Ф. И. - заместитель коменданта Московского Кремля.
[558] В Александровском саду забором были огорожены две шахты метрополитена.

нажимают, чтобы скорее ставили забор. Это значит, что верхи чрезвычайно заинтересованы в темпах исследования тайн подземного Кремля.

Сегодня начал расчистку арки после того, как сделал фото с магнием. Выбран слой песка в центре земляной стенки. Верхняя часть рухнула, образовав косые слои земли и песка. Работает пять человек в перекидку. Ремонтируется арка входа с лестницы, сооружается деревянная дверь на лестницу в нижний этаж башни, которая будет изолирована вместе с Троицкой от рабочих тревог: всё будет вестись через открытый мною проход в Александровский сад, что чрезвычайно для Кремля удобно. [...]

Под Арсеналом, где «Гранд отель» [559], роется громадный котлован под ледник - целое археологическое Эльдорадо. Уже выкопано до 5 метров. В северо-восточном углу отчётливо видны на 5-метровой глубине все наслоения веков, перерезанные кирпичной стеной Арсенала; на глубине метра - булыжная мостовая; на глубине 5 метров - мощный чёрный слой от пожарища, где найден целый ворох сгоревших хлебных злаков (рожь, ячмень, пшеница), уголь, обожжённые кости людей и животных и целых четыре обугленных человеческих черепа. Череп коровы - нормальный. Подле этого места вылезает кирпичная стена, а из противоположной стороны котлована вырисовывается каменный полукруг церковной апсиды. По-видимому, это руины и пожарище времён Грозного. Здесь опущусь до материка. Сделаю фото пожарища с выдержкой в 15 минут.[...]

23.02.1934. Обвал, или смерть замахнулась, но промахнулась

[...] По краю исполинской арки, забитой землёй, я вырыл проход между землёй и песком (палата была забита землёй, закрыта досками, засыпана извне белым песком и по нему заложена белым камнем на извести, шириной около 0,7 метра), В пять часов отпустил рабочих и начал раскапывать один пустоту (вроде ниши, забитой песком). Потом перешёл на противоположную сторону - раскапывать под входом. Вдруг, возле локтя, выпал комок.

«Неужели,- думаю,- обвал?» Едва успел подумать, как рядом со мной грохнуло земли с полпалаты, несколько кубометров!..

Какое счастье, что ушли рабочие! А меня судьба бережёт... Вероятно, не всё сделал, чего она ждёт. Во всяком случае, это суровое предупреждение, следует быть очень осторожным... Неразумно погибнуть на последнем пути к мечте человечества благодаря собственному ротозейству, когда в руки даны все способы... [...]

27.02.1934.

«Открыто обширное, 6 метров в диаметре, сводчатое помещение,

[559]Неясно, какую часть Арсенала Стеллецкий именует «Гранд отелем».

туго забитое землёй, забранное досками и засыпанное песком» - так начинается докладная записка, поданная сегодня Петерсону с требованием с 1 марта учредить работу в две смены под моим непосредственным руководством. Этими днями раскопан подземный ход в Арсенальную башню со стороны Александровского сада, а забор уже строится - выведена стена и строятся широкие ворота для грузовиков, Забор развязывает руки: башня и ход заложены до nec plus ultra [560], даже на сегодня сокращаю рабочих [561].

Лично начал раскопку продолжения хода за кирпичным сводом. Обнаруживается любопытное: массив из белокаменных столбов положен по дну хода и неизвестно в какую высоту, в направлении с северо-запада на северо-восток, протяжением 9 метров, к углу белокаменной стены и дальше, неизвестно на какое расстояние. Начиная от этой стены до закладки, присыпан на 1 метр слой глины и слой песка, уже в направлении юго-запада, т,е. мимо арки. На эту подсыпку наворочено снова белокаменных столбов на извести на протяжении метров 3, дальше ещё подсыпом, уступ наверх на полметра, протяжением метра на 2,5 и снова возвышение на 0,5 метра. Вот здесь именно и любопытное явление, что я раскопал, вытаскивая на себя песок: каменный потолок снова повышается, однако уже аккуратно, переходя за 0,5 метра в ровный плоский белокаменный потолок со стороны арки, базирующейся на выступе белокаменной стены, идущей куда-то вперёд. В песке возле стены встретился довольно большой кусок перегоревшего в уголь дерева, чёрный черепок от горшка с линейным орнаментом по краям, кости зверя. Что это за ровный потолок?

Думаю, что до этого места был разрушен тайник, о чём свидетельствует Конон Осипов, а отсюда и далее он остался целым и только засыпан песком на какое-то, вероятно, небольшое расстояние.

Очень интересно... Пока обедали рабочие, навернул за час целую гору песку, даже удивились. Ой, когда бы так оперировали рабочие, которых у меня до 12 человек, давно б уже был далеко под Кремлём. А то работают, как мокрое горит, одного десятник захватил даже спящим. Не выгодно, говорят, как ни работай, выше обязательного минимума не получишь. На время расчистки подземелий думаю перейти на сдельщину.

Получил сапоги, рукавицы и комбинезон. Сегодня работаю лопатой весь день: всё по боку. Потерял продуктовые карточки, всё равно [...]

Предки, люди времён Петра I, думали, что они так хитро замуровали тайник, на который напоролись при постройке Арсенала, что никакой археолог никогда не разгадает их секрет! Пустое! Их хитрости передо мной как на ладони...

Сегодня уже нащупал шов, каким связана белокаменная закладка 230

[560]Сверх того, гораздо больше (лат.).
[561]Расчистка хода была невозможна из-за того, что подземелье башни было завалено мусором и землёй.

лет тому назад с белокаменным ровным потолком итальянского хода 430-летней давности, забитого до конца речным песком. Сделаны распорки и завтра буду выбирать песок и искать противоположную стену. Если найду - библиотека Грозного («Ивана Губителя», по выражению Забелина) найдена! [...]

03.03.1934.

Историческая телеграмма, или, «решение тускнеет под сенью размышлений»,- как сказал Шекспир. Сегодня важное открытие в Арсенальной башне, где я работаю забойщиком. Выгребая уйму песка и очистив хорошо потолок, я заметил явление, которого никогда не видел: потолок из тёсаного камня (белого), но плоский!.. Как это держится - не понимаю. Особенно принимая во внимание, что восточная сторона, до которой я докопался, оказывается без стены и забитая песком, а далее землёй и (ведущая, я уверен, в подвал Арсенала, тем лишний раз доказывает историческую правдивость Конона Осипова) просто висит в воздухе. Дал распоряжение завтра же подвести тут прочные крепления.

Теперь картина ясна. И как ров вели, и как тайник нашли, проломавши, забили землёю накрепко. Не только землёй, а и массой песка и камнем, широчайшими уступами, всё выше и выше, пока не добрались до потолка старинного хода, к которому прижали каменную закладку, грубую и неуклюжую, в сравнении с ровным, будто под шнурочек, итальянским потолком свода.

Дальше надо пробиться в Арсенал и проходить под Кремль, выгребая тонны песка. Это не так будет тяжело, принимая во внимание, что от коменданта сегодня получено разрешение на две смены и что завтра навешивают ворота из Арсенальной башни к Александровскому саду.

Сделав подсчёт, оценку первых фактов, я решил уведомить о достижениях Сталина, по личной инициативе которого проводится это большое, исторического значения, дело. А чтобы решение не потускнело под гамлетовским размышлением - на другой день я решил немедленно послать телеграмму: «Поздравляю двести лет запакованным тайником Аристотеля Фиораванти. Поиски на верном пути. Блестящие условия научной работы гарантируют достижение исторической цели. И. Стеллецкий». Стоит 2 р. 24 к. Сейчас он уже её получил. И в этот момент только два лица знают об этом - я и Сталин [...]

09.03.1934. Сезам, отворись!

Исторический день: впервые за долгий срок открылись двери Арсенальной башни в Александровский сад и рабочие гонят из неё мусор в перекидку, потому что устье входа довольно узкое и для носилок и для тачки. Красивый забор, копия забора здешней шахты. За забором дежурный. Именно так я себе представлял. [...]

- Скоро будем (показал знаками) листать? - спросил Н. Д. Виноградов, встретившийся в Александровском саду.

- Закупорили сильнее, чем я предполагал, но при нынешних темпах...

А темпы - две смены, обе под моим руководством и почти ежедневно фото. [...]

12.03.1934. Архитектурные фокусы

Несмотря на выходной, сегодня проводится очистка башни до обеда. Вчера вечером, отпустив рабочих, долго копался в песке один, добиваясь выяснения архитектурных загадок. Осматривая в Сирии и Палестине римские и средневековые своды в замках и театрах (конечно, в руинах), я ни разу не заметил плоского каменного потолка.

Сухов говорит, что такие явления встречаются в римское время в Сирии. Прокопал снова в сторону, на восток. На потолке к которому крепко прилип песок, падающий тугими кусками, показались выступы вверх, под прямым углом, сначала на 7-8 сантиметров вверх, потом сантиметров 30 и снова сантиметров 8-10. Интереснее всего, что потолок кончается на восток точно так же, как и прежде,- пролётом, туго забитым песком. Остаётся выяснить, так же ли и здесь стена вверху обшита досками.

Непонятно, как и на чём держится эта тяжёлая масса камней, принимая во внимание, что к стене западный потолок только приложен: между ним и стеной встречаются прослойки... земли с мелкими кусками кирпича. Закладываю крепления и - вперёд... А позади мусор земли, песка и камней - сотни тонн. Суриков [562] предпринял шаги для организации работ по вычистке аккордно, с разрешения Тюрякова, которое я ему обещаю. [...]

14.03.1934. Люк

На вторую смену рабочие не вышли. Да и хорошо. Продолжал один свою щель в песке в длину потолка и свода справа. Не скоро сюда дойдёт очередь вычищать песок. Прокопал метра 3-4, и вдруг до того рва [563] потолок дал неожиданно выступ: висит большой камень!

Что же оказалось? В потолке пробит люк и заложен неровно мелким камнем и щебнем на извести. Что за люк? О, этот люк - ключ к разгадке этого сооружения и очевидное доказательство правдивости свидетельства Конона Осипова. Именно здесь «нашли» тайник, «проломали» (сделали этот люк)... и забили «землёю накрепко», т. е. спустили сквозь него все камни (которые я выломал), землю под сводом и песок. А чтобы скорее и лучше было забивать землю и песок, выломали всю внешнюю сторону тайника метров на 16.

Прокопал под люком с полметра - не упадёт ли? Нет, держится будто крепко. Думаю проскочить под ним и двинуться дальше, к пустоте хода, которая уже близко. Только никому об этом, кроме Енукидзе, выразившего

[562]Суриков - десятник, возглавлял бригаду рабочих, участвовавших в раскопках.
[563]Так в тексте.- Т. Б.

через Петерсона желание видеть всё собственными глазами, особенно же колодец, вероятно, после протокола комиссии, где я показывал, что единственная причина «трещин» Арсенала - колодец...

Поэтому принялись разгружать башню от камней и мусора. [...]

16.03.1934. «Неолитической пещерой...»

В тайнике - тупик, закупорился. Только и скважина, что открытый мною ход на Неглинку. Пока идёт чистка, мне делать нечего. Но начинать другую башню не хочется, и здесь ожидает много работы. А пока я иду вперёд в песке неолитической пещерой, между каменной и песчаной стенами с плоским белокаменным потолком. Прошёл уже (когда уходят вечером рабочие) метров 5 - оказалось интереснейшее открытие: люк – 1х0,5 метра! В него вломились, осмотрелись и решили тайник навеки заложить камнем, забить землёй и засыпать песком, для чего, для большего удобства, выломали заднюю стенку на протяжении... неизвестно каком, но уже установлено 18 метров [564].

В Средней Арсенальной также интересно: пробита стена (метровая) в рост. Там - налево - грубой кладки стена, а кругом - чёрная, слежавшаяся земля, которую сегодня начали вычищать. [...]

19.03.1934. Архитектор в калошу...

Осматривали тайник Тюряков, Сухов, Суриков и я. Мутит Суриков. Ему кажется, что потолок тайника - фундамент Арсенала, а песок не тронут человеческой рукой, на нём-то и покоится фундамент. Сухов соглашается с Суриковым, что «песок не тронут человеческой рукой», несмотря даже на мой доброжелательный подсказ, что на днях я встретил ком чёрной земли. Сухов, не говоря уже о Сурикове, совсем не разбирается в памятнике. У них и мысли нет, что это подземный тайник Аристотеля Фиораванти. Я умалчиваю об этом, обещая обо всём рассказать в лекции или докладе, если мне такой разрешат.

Суриков добился у Тюрякова разрешения сделать раскопку, чтобы узнать, что за сооружение. Это лишнее, но для археолога всякая раскопка, а тем более в подземном Кремле, вода на мельницу. Прийдя в башню в 10 часов утра, уже застал там помощника коменданта Королёва. «Берите больше рабочих»,- как бы между прочим сказал он. Согласен на три смены. Только бы скорей. Тюряков говорит о скорейшем вскрытии колодца, который будет взят в бетон. «Енукидзе,- повторил он,- очень хочет видеть колодец. Надо спешить очистить сводчатое помещение, а дальше не идти».

Арка, по Сурикову, выводит в Александровский сад. Тюряков спросил меня: «Арка не может выводить в Александровский сад: тогда бы Кремль был безоружен. Если можно замаскировать узкий, ныне открытый выход,

[564]Неясно, для чего строителям Арсенала понадобилось в этом случае ломать одну из стенок хода.

то такой громадный, в 6 метров, не удалось бы. Вломиться могла бы не только пехота, но и целый эскадрон».

Что касается сооружения, то скоро должно оказаться: или перпендикулярно идущая стена, или под углом вниз идущий потолок. В первом случае это будет изолированное, индивидуальное сооружение, в последнем - связанное с подземным Кремлём.

Тюряков ушёл, а Суриков принялся хлопотать о раскопке с завтрашнего дня. Всё видя, не видят, но Сухову (маститому работнику Кремля) стыдно так сесть в калошу, [...]

25.03.1934. Вода!

После заседания комитета научного содействия метро [565] 23.03.1934 я зашёл на башню. Работала вторая смена. Была половина 11-го ночи. Прокапывали ров вокруг колодца так, чтобы уровень воды в колодце был один с дном рва. Очень беспокоит мысль, как бы вода не прорвалась. Ведь сруб колодца гнилой. Дома даже приготовил докладную записку Петерсону - немедленно взять в бетон колодец, иначе зальёт тайник. 23.03.1934 был выходной день. Утром 24.03.1934 захожу на башню. Рабочие смотрят, улыбаются. Дежурный спросил: «Фамилия?» Прыгаю вниз, в двери, которые я впервые открыл, вхожу: вода залила совершенно ров и полилась в тайник, вероятно, до самого песка.

Скоро после того, как я ушёл, рассказывали рабочие, в левом углу тайника появилось пятно. «Кто эту воду разлил?»- спросил землекоп. Вдруг, рядом, другое, большее... вода начала бить небольшим фонтаном, в разных местах, даже в глубине тайника, где лежал большой камень, который перед тем выкатился. За день залило всё на 0,5 метра, а в колодце вода повысилась почти на ¾. Сруб обложен глиной и потому... [566] она не протекает.

Во рву найдены медные 2 копейки Павла I, 1799 г. Значит, забит источник и устроен колодец в начале XIX в. 25.III осматривали, по поручению В. Е. Палибина, колодец А. А. Хлебников, мастер Седов и я. Отыскали мотор в 2 д. [567], и завтра выкачивать и в то же время копать до кирпичей - древнее дно башни, после чего класть бетон.

В пять часов снял тайник с водой и колодцем с выдержкой 10 минут. Вышло очень хорошо. [...]

29.03.1934.

Утром зашёл в башню. Мотора нет, рабочие вяло вычищают мусор. Вдруг в рыжем кожаном пальто входит Королёв. Пришлось пожаловаться на темпы: разрешение коменданта и моё распоряжение о двух сменах не

---

[565]Комитет научного содействия метрополитену был создан в 1933 г., в него входили археологи, архитекторы, геологи.
[566]Утрачено одно слово.- Т. Б.
[567]Так в тексте.- Т. Б.

исполняются.

«От кого зависит?» - «От Сурикова».- «Кто это?» - «Десятник»,- подсказывают рабочие.- «Скажите ему, что комендант приказал и не 2 смены, а 3». [...]

31.03.1934. Патриарший дом

Обедал с В. Е. Палибиным, потом пошли осматривать Патриарший дом, в котором оказалась столовая ИТР. «Сколько работаю, а до сих пор не был». Я ему был за гида.

На третьем этаже, в Малой Крестовой оббивают стены и свод, окрашенный в бордо с золотыми разводами. Три таинственных, заложенных двери куда-то вели. Средние пробиты на полтолщины. А один кирпич - насквозь. А там что-то вроде чердака, забросано каким-то хламом. Интересно, надо исследовать. На второй этаж до... [568] палаты спуститься иначе нельзя, как по шаткой лестнице. Не так давно я лазил по ней. В. Е. [569] решительно отказался. Завтра буду оттуда вытаскивать музейную витрину через церковь [570], а за ключами к Клейну [571], в Оружейную палату. [...]

В Арсенальной (Собакиной) башне установили электромотор. Вода между тем пропала. Копать будет вязко. Условились с В. Е. Палибиным переговорить с Тюряковым о трёх сменах, на чём настаивает и УКМК.

01.04.1934. Вода!

Вода там, где я её ждал, где она должна быть для безупречности картины - под Средней Арсенальной и стеной. На глубине от пола проходной палаты башни в 6 метров. Конца фундамента башни и стены не нащупывается: он идёт, вероятно, на глубине ещё двух или больше метров. Однако загадку щелей Арсенала разгадаю. [...]

05.04.1934. Ужас подземного

Просто удивительно мне сегодня показалось, с каким опасением, почти с ужасом, проходили по щелям тайника Аристотеля Фиораванти члены комиссии: Палибин, Лопухов, Куксов, Алёшкин, Суриков. В глубине я пролез сквозь отверстие в песке до норы, что сам вырыл вдоль каменного потолка, приглашая посмотреть воочию, так не продвинулись, чтобы взглянуть хоть одним взглядом. Осмотрели подвал «о 12 столбах». Подал хорошую мысль - пройти засыпку вдоль стены буром. [...]

09.04.1934. Шаг

Решительный шаг, вызванный ситуацией пока тайной борьбы,-

---

[568]Утрачено одно слово.- Т. Б.

[569]Палибин.- Т. Б.

[570]Речь идёт о соборе Двенадцати апостолов (XVII в.).

[571]Клейн Владимир Карлович - историк, директор Оружейной палаты. В 30-е гг. был арестован и скончался в тюрьме.

докладная записка Сталину о достижениях и отпуске. Заказным.

10.04.1934. Вредитель

Кто есть вредитель? Кто тайно идёт против видов и распоряжений правительства. Таков Суриков. Прикрываясь Тюряковым, под предлогом опасности, он хотел тайно похерить дело Сталина и моё: перегородить даже не одной, а двумя стенками тайник, чтобы закрыть доступ не только мне. Вообще, я заметил в нём тайные тенденции к реставрации. Один раз он даже проговорился: «Зачем вывозить камень? Ведь придётся закладывать!» [...]

Палибин в столовой подсел и сказал, что он уже объяснил Тюрякову. Я ему рассказал и показал мой рисунок тайника. Необходимо проследить тайник до поворота, а для этого копать в «тире», где я укажу. Это действительно поворот: или «да», или «нет». Думаю, «да», т. к. Сталин - «человек с негнущейся спиной». А в таком случае, меняю помощников [572].

Каменное дно в Арсенальной башне прощупывается уже на глубине полуметра. Монеты XVIII в., преимущественно Екатерины II, в особенности Павла I. Одна монета Александра I.

13.04.1934. «Больное место»

Напечатал на машинке объяснение по поводу благоглупостей Сурикова и подал Тюрякову и Палибину. Тюряков прочитал, и видно было, что впервые обо всём этом слышит. «Завтра,- говорит,- возвращается комендант, и вы с ним переговорите». А Палибин говорит: «Всё хорошо, одно у Вас больное место - зачем строителям Арсенала потребовалось ломать боковую стенку, а не потолок, чтобы насыпать песок в ящик и возводить на нём уже стену Арсенала?» Вопрос очень слабенький, а значит, ничего у меня не видит. Да это стопроцентный тайник Аристотеля Фиораванти, который приписывают Солари. [...]

15.04.1934. Самоуправство

Суриков начал раскопку кремлёвской стены в моей ограде, чтоб скорее будто бы очистить найденную при тайнике арку. Решительно протестую и обращаюсь к коменданту. Можно удобно очистить тачками, т. к. Арсенальная башня очищена до кирпичного древнего дна. [...]

24.04.1934. Надлом

Чувствуется в воздухе новое. Поезд сошёл с рельсов или стал на новые, ещё лучше, или же... по шпалам.

Подал Петерсону на пишущей машинке докладную записку о результате работ и о предложении нового фронта - Успенский собор. Петерсон вернул Тюрякову. Тот ко мне. «Почему вы не информировали

---

[572] У Стеллецкого не сложились отношения с десятником Суриковым, он собирался просить ему замену.

меня?» - спрашивает он. А я стою, как дубина, вытянувшись по-военному: «Ничего не знаю». [...]

23.04. в 11 часов утра Петерсон и Енукидзе подошли к дверям башни с Александровского сада. Енукидзе хотел лезть в проход, оттуда выкидывали грязь, чистят колодец. Петерсон не пустил: «Когда будет убрано». Рабочие слышали слово: «Замуровать?» «Конечно, замуровать»,- Тюряков сказал. Палибин, уклончиво: «Что дальше делать?» - Подаю докладное заявление Сталину. [...]

25.04.1934. Перелом

Чувствую внутренний перелом. Конец с Москвой. Вот только ниточка кремлёвская разорвётся - назад на родную (Украину), т. к. «и дым Отечества нам сладок и приятен». [...]

06.05.1934.

Шаги готовятся предпринять а) со стороны поликлиники № 2 Кремля - «переутомление, санаторий общего типа». А у меня на душе - «душу номада [573] даль зовёт»; б) подаю докладную Сталину (через Стецкого) о сухопутном Эпроне и Тюрякову о «загадке колодца», где на глубине сверх 4 метров обнаружился полукруг из кирпича на извести старого римского колодца или цистерны. Таким образом, всю башню следует копать ещё на глубине 3 или больше метров.

09.05.1934. «Средневековая цистерна»

Под таким названием напечатал на машинке докладную записку коменданту, заму и главе инженеров Палибину об открытии чудесного сооружения в Угловой Арсенальной башне - средневековой цистерны (во всю ширину башни). Колодец XVII в. Всю эту царистскую кустарщину - долой! Прекрасный памятник встанет во всей своей красе. Из «арки» вычищается «забитая накрепко» земля Осипова. Дурака Сурикова беспокоит «слом». Она, мол, «дело рук человеческих», но «человек не может так сделать». Так кто же, дух святой? - «Не знаю». И вот такие головотяпы - дьяки вмешиваются, своими бессмысленными сомнениями сбивают с толку тех, кто власть имеет, и наконец, срывают большое историческое, общечеловеческого интереса дело. [...]

10.05.1934. Конец арки

Три метра - один. А вот и награда - я первый и единственный пробился к задней стенке арки на 7,4 метра. Стена странная, выложена из красного и белого щебня на извести, но только на один метр, а ниже - земля и камни, которые подкопаны, отрываются и падают.

Над этой стеной из потолка свисают сталактиты. Видно, что арка кончается, а закладка идёт будто вверх. Внизу какие-то стенки из кирпича, пустоты и другие загадки. А у пяты арки (справа к стене стоя)

---

[573]Номад - кочевник.

кирпич 0,4 метра, шириной 4-5 сантиметра, оттуда дует холод. [...]

13.05.1934.

Подал доклад о цистерне Н. Г. Теслову и требование ещё 9 рабочих. Переговорил с Петерсоном. Десятником опять Базукин - это лучше. «Секрет,- сказал А. А. Хлебников,- завтра в 10 часов приходите, будем осматривать колодец в башне, чтоб строить артезианский».- «А цистерну не убьёте? Будет она с водой?» - «Ручаюсь».

14.05.1934. Артезианский

Согласились идти в Арсенальную башню осмотреть, что касается сооружения артезианского. И вдруг, внезапно, от коменданта запрещение: не делать в башне, а делать во дворе Арсенала, в уголке.

Встретился в коридоре с В. Е. Палибиным: «Рабочие есть?» - «Где там». А он ещё 5. Ч наложил резолюцию: «Поставить пять». Такая тут сила главного... Все мы - «странники и пришельцы» тут. [...] Приказал Базукину бросить все силы, чтоб очистить заднюю стенку арки. Завтра разгадывать тайны, что это и для чего. [...]

17.05.1934. По-моему

Без меня башню осматривал Петерсон. Хотелось лично дать объяснения. Базукин рассказывал, а Палибин подтвердил, что Петерсон решил так, как я предполагал:

а) заднюю стену в арке пробить;

б) башню очистить всю до дна цистерны, выкинув деревянный колодец, хотя и двухсотлетний, т.к. цистерна древнее - 450 лет! Рабочих прибавилось - всего 12. Комендант приказал снять колодец. Делает ему честь, [...]

Стена в арке - форменная загадка. На первый взгляд что-то совершенно нецелесообразное. В конце арки на 7,5 метре насыпан толстый слой песка, по нему слой земли в 0,2 метра.

Выше слой обломков известняка, слой извести. Копал один. Важное открытие. Долбил в спецовке лично и ломом поранил палец, зато важное открытие - арка в обрез. Что же это такое? Люк или потайной ход к Неглинной, о котором никто в мире не думал? А если так, то над аркой должна быть пустота, потому что чего же так дует (свеча гаснет) в щель, что на пяте арки, справа от входа? Комендант советует её пробить. В крайнем случае согласен. А может, и так до неё доберусь? [...]

25.05.1934. Фокус-покус

В Арсенальной башне неожиданность. Ниже на 0,75 метра нынешнего уровня колодца, под стеной башни, пустота, забитая грузом белым и из кирпича на сухой извести. Что это - пока в толк не возьму. Суриков

говорит: «Конец стене». 5-метровая стена на грузе [574]? То он назад: «Может быть, и нет». Смотрел вокруг колодца. Это не выход из положения. Палибин подмигнул Сурикову: «Какая там цистерна, если, мол, конец стене». Его не разберёшь. [...]

26.05.1934. Три шахты

Возможно, целых три шахты я оттяпаю у МОГАИМКа, куда он и носа не будет иметь права сунуть. Одним словом - предложение об археологическом заповеднике из шахты 30-31 [...], что граничит с Кремлём. [...]

31.05.1934. Загадочное погребение

В шахте № 30, что возле Кутафьи, на глубине 7-8 метров найдено очень интересное погребение: в выдолбленной колоде белый труп, всё сохранилось как следует, только кончик носа повреждён. Ляжки будто у живого. Куски савана (полотно) и толстая подошва. Только в середине будто известь и ломается. Гроб со скелетом был выставлен наверх и рабочие делали с ним, что хотели: развернули челюсти, искали золота, перебили ноги, попортили гроб. Наконец, через неделю, вывезли куда-то и следа нет. Начальник участка Волков трижды звонил не то в музей, не то в МОГАИМК - никто не пришёл.

01.06.1934. Кутафья

С моим шефом Поповым из Комитета [575] и с Суховым осматривали в шахте 30 стену, которую уже было забрали досками. Королёв в тот же день раскопал и подвёл потолок. Обнаружился крепкий фундамент Кутафьи из больших, плохо тёсанных столбов. Он идёт выступами на 1,5 метра, а может, и ниже. Должен исследовать. Самое интересное: к стене Кутафьи прилегает нечто вроде «жёлоба», только не он: две толстые доски в ряд на 0,2 метра ширины, одна спереди и ни одной сзади. Сверху песок насыпанный, великозернистый, сооружение позднейшее. Что же это за доски? По Сухову - полок для выбрасывания земли. Как не археолог, он не знает. Такого «полка» землекоп не в силах использовать, очень узко, и он покатился бы прочь. Это - что-то другое, а что - покажут дальнейшие раскопки! В этой же шахте, точнее возле Кутафьи, найдена гробница с рыцарем в кольчуге. Гроб повредили и куски кольчуги вытащили, но главное осталось в земле. Вытащу!

16.06.1934.

Понимаю... все хитрости интриг, ткущихся против меня во главе с Палибиным. Всё делается тайно от Сталина с опаской, оглядываясь, не стегну ли? А когда передали через Петерсона Сталину предложение о розыске кладов, так Палибин понял это так, что я не имею или утратил известную тропинку к Сталину, и потому почувствовал себя с

[574]Суриков высказал предположение, что Арсенальная башня стоит не на материке, а на насыпном грунте.
[575]Имеется в виду Комитет научного содействия метрополитену.

развязанными руками. Новый пропуск - без права входа в Кремль (идут переговоры об этом), некоторое время запрещал вход даже в башню. Я совершенно уверен, что всё это делается за спиной Сталина. Последний, вероятно, уверен, что я работаю изо всех сил, без всяких помех и каких-нибудь палок в колёса. Необходимо выяснить действительное положение вещей. [...]

20.06.1934. Сон Петра, или Аэндорская волшебница

Как гляжу-погляжу, вокруг плетётся тайная интрига, растёт и углубляется. «Дьяки» рождаются, как грибы после дождя, но пока - до времени - тайно. Саботаж Сурикова усиливается, десятник отбился, рабочие работают, как арестанты. Как Палибин говорит: «Мрачное положение». Такая вакханалия вокруг потому, что чувствуют, откуда ветер дует. На «сон Петра» явился «прекрасный Иосиф», лысый Суриков. Подозрения и наговоры последнего нашли сочувствующие уши... А учуяв, испугались - тень Самуила опечалила их. Рады были бы ликвидировать, да ба... неизвестно, что Сам думает, а то... как бы чего не вышло [576]. [...]

22.06.1934. Свая

Из глубины 1 метр из-под Кутафьи вытащил дубовую сваю (2х0,25 метра), типичную для кремлёвских стен над реками Неглинной и Москвой. Там их было гнездо - 7 штук, две, наклонённые нарочно или от тяжести. Грунт сверху - тронутая земля до глубины в 4 метра, далее мелкое дерево с прослойками земли до глубины 11 метров. Под ним слой бута из кирпича и камня (сантиметров 15), под ним сваи в плывуне. Между сваями - груз, за сваями - белый камень фундамента башни, перед сваями настил из больших белокаменных столбов, под которыми уже в плывуне - слой кирпича (иногда целого, один такой взят), дикого камня и кусков каменного угля.

Сделано фото трёх свай. [...] Наибольшую сваю вытащили, обмыли, и двое рабочих едва донесли (около 10 пудов) до будки Никольской башни. Оттуда её донесут до музея подземного Кремля. [...]

27.06.1934. Дно

В Арсенальной башне добрался до исполинского дна в проходе от ступеней, что в стене с нижнего этажа в подземелье к цистерне в середине башни. Пол выложен чисто, из целых кирпичей. За метр далее начинались, очевидно, кирпичные ступени (ныне разрушенные) к полу из белого камня, до которого сегодня сам докопался (здесь пошла уже работа ажурно-археологическая), но их заливает вода, поднимающаяся и просачивающаяся сквозь венец колодца. А электромотор как взяли 2 недели, да и забудь как звали. Купили новый, обещают установить ночью или завтра. [...]

[576] Не добившись быстрых результатов, работники Гражданского отдела УКМК охладели *к* раскопкам. Археолог неделями не мог получить рабочих, технику и т.п. Стеллецкий считал, что только страх перед Сталиным удерживает УКМК от прекращения работ в Арсенальной башне.

05.06.1934. «Фундамент»

Осматривали «мою» башню с Палибиным и Суховым. Повод - находка итальянского пола. Вообще, всё как по нотам: как предполагалось, так и есть. Ещё до раскопок я знал, что будет итальянский пол. Сегодня без рабочих (сняты, т. к. башня была затоплена из-за отсутствия мотора, который вовремя не вернули) самостоятельно раскопал и вытер часть гладкого белокаменного пола, на 0,5 метра от теперешней поверхности раскопок. Кажется, ребёнку ясно, а Сухову - нет. «Это фундамент!» Этот господин пошёл ещё дальше. В своё время я велел копать шурф [577] возле колодца, чтобы выяснить сначала, как глубоко дно цистерны и что это за груз под стеной башни. Сухов (т. к. вопрос касался будто бы стены, т. е. архитектуры) велел землекопам через Сурикова копать вокруг колодца. Теперь и Суриков за шурф. Напоминаю об этом Сухову, а тот: «Я не говорил». Это мелочи, а из таких мелочей складывается моя работа тут. Я в положении Конона Осипова XX в., а эти «я... я не я...» Это типичные осиповские «дьяки», только, кажется, ещё худшие.

Вернулся из отпуска комендант. Добьюсь свидания и посмотрю, не сидят ли дьяки где-то ещё выше и дёргают ниточки.

15.07.1934. Лестница

В Арсенальной башне важное открытие: к цистерне пошли кирпичные ступени, по которым разбросано немало чугунных ядер, больших и малых. Мало того - в длину и поперёк лежат, связанные деревянными клиньями, палки, на которые уже насыпан груз и мусор. Приставлен новый десятник - П. К. Белов, который с первого взгляда понравился больше предыдущих. Посмотрю, оправдает ли такое впечатление. [...]

В Арсенальной башне на ступенях, идущих к цистерне, найден «козёл», т. е. ... [578] с подножками, брошенный поперёк, как распорка для... [579] под стенами. Над «козлом» - ряды резаного белого камня, а сверху - груз с железными и каменными ядрами [...]

16.07.1934. «Эхо»

Захожу утром в кабинет Тюрякова, он уже издали: «Товарищ Стеллецкий, комендант сказал, чтобы вы ему позвонили во всякое время, он назначит, когда видеться». [...]

21.07.1934. «Гальванизация»

Каждый раз, когда подаю обоснованную докладную записку, она производит впечатление в «сферах». Последняя о разгаданных и неразгаданных загадках - тоже взволновала. Вчера утром заходил в башню Тюряков, а сегодня, вместе с ним, сам комендант. Но это не всё. За

---

[577]Шурф - вертикальная или наклонная горная выработка, имеющая выход на поверхность, небольшое сечение и глубину до 25 м. Служит для разведочных работ.
[578]Утрачено одно слово.- Т. Б.
[579]Утрачено одно слово.- Т. Б.

обедом подали записку… 22.07. в 8 часов 30 минут явиться к коменданту, да не одному, а вместе с Суховым и Палибиным. Что вместе - очень хорошо, кстати и выясню воочию бессмысленность Сухова, допускающего, что Арсенальная башня стоит без фундамента, просто на строительном грузе, говорит, что знает примеры. А я говорю, что не может быть таких примеров.

Кстати, сегодня как раз разгадал эту предпоследнюю загадку: башню мочила вода 30 лет на одном уровне и вымыла под нею, вокруг, пустоты от 0,2 до 1 метра. Только с 1731 г. начали башню забивать, и прежде всего подбит груз и большие камни на подпорки, которые перед тем прислонили к выгрызенным стенам. Ступени идут всё ниже (уже 14 ступенек, но очень хрупкие, т. к. 20 лет в воде).

22.07.1934. «Дворцовый комендант дед [580]… Или на обе лопатки»

В 8 часов 30 минут утра собрались в Кремле возле комендатуры: я, Палибин, Тюряков и Петерсон, не было Сухова, но его встретили в воротах Троицкой башни. Я ожидал другого - обсуждения моей докладной записки в кабинете, а тут - поход в башню.

Сухов и Палибин не знают того, что знают Тюряков и Петерсон (о моей докладной записке). Тюряков, вероятно, не знает того, что знают Палибин и Сухов.

Можно думать, что моя докладная записка стала известной Сталину и кое-кто получит нагоняй, т. к. поведение сразу другое: полгода Петерсон не мог собраться в Среднюю Арсенальную, а тут пошёл и велел продолжать. В Наугольной Арсенальной Тюряков предложил остановить совсем раскопки до зимы, ссылаясь на недостаток рабочей силы, а Петерсон не только оставил рабочих, а ещё велел их усилить. Особенно же удивительно - много месяцев нельзя было добиться грузовика, чтобы вывезти мусор из загородки, а тут вдруг, как лист перед травой: явился и давай грузиться.

«На грузе стоит башня или на фундаменте?» - «Пусть решает архитектор»,- поставил я ребром вопрос. Тот что-то лепетал несуразное. «Нет, не думает,- смилостивился над ним Петерсон,- как вы?» А я вот как!

В 1702 г. водоотводы из цистерны Солари были прерваны Арсеналом, и вода стояла 30 лет на одном уровне, Поэтому выточила и выгрызла стену вокруг до метра в середине, до 0,5 метра на углу хода и до 20 сантиметров по верху ступеней,

Урядник Галин Иван впервые ужаснулся - башня упадёт! Выкачал воду и давай бросать на ступени доски, брёвна, козлы и прочее, а на дно цистерны ещё неизвестно что. Под промытые стены положили брёвна, доски и засыпали камнями и строительным материалом. Так объяснялась

[580]Так в тексте.- Т. Б.

уже одна из «загадок неразгаданных», о которых писал в записке. «Откуда вы знаете?» - ядовито бросил Сухов. «Монеты найдены, которые решают всё».

Таким образом, «суриковщина» - на обе лопатки. Конечно, пока, ещё «кознодельі» проявят себя авторами многих «козней». [...]

07.08.1934. На дне

Найдено итальянское кирпичное дно Арсенальной башни с большой круглой цистерной-бассейном в центре, а на дне - кучи каменных ядер небольшого размера. Одно только каменное крупное и одно чугунное в крупное яблоко. Сруб колодца на метровом слое мусора, сруб с футляром в нижней части. Суриков в «эпоху» его вмешательства опустил по дурости нижнюю часть сруба до уровня цистерны, а теперь надо его водворять на место, чтобы иметь возможность очистить резервуар и устроить водопровод.

Летней деревянной лестницы времени, как думается, царевны Софии снимать не буду, пока не получу ответа от Енукидзе - осмотреть раскопки. [...]

15.08.1934. Катастрофа

В Арсенальной башне - обвал. Невнимание десятника (Белова), который также под влиянием. Он не дал своевременно плотникам доски подпереть сруб колодца, с которого выкинут (будто бы стоит под солнцем собранный) сруб в пять колец. Белов велел расчищать возле цистерны, а земля сверху и грохнула, а с нею и один из рабочих, а остальным досталось по ногам. Могло быть и хуже. Я сказал Ф. И. (Тюрякову). Он запиской Куксову велел срочно удовлетворить мои нужды. Сразу откуда и взялись доски и каменщики (полки ставить на рельсах, загнанных в стену башни). А Суриков и тут прохаживается: «Нельзя, опасно расчищать колодец, а следует выбирать вокруг». Мысль ясна: это бы затянуло дело на несколько месяцев, а саботажнику только этого и надо. Но и на этот раз не выгорело.

Под Арсеналом выяснилось: стена пошла вниз подземелья выступами в 4 сантиметра высотой. Открыты 3 выступа. Глубже идти небезопасно от обвала. Да и главное выяснено: подвал, а это окно, через которое подавалось оборудование и разное оружие, порох и т. п., которые сохранялись более тайно в большом подземелье. [...]

30.08.1934. «Авгиевы конюшни»

Печатаю на машинке очередную докладную записку о раскопках в Арсенальной башне. Сто лет занавоживали под землёй, а я его (ход) раскопал в три месяца и нашёл цистерну Солари - грандиозное сооружение, нашёл также подвал Ухтомского, засыпанный с 1731 г., размером в 500 квадратных метров. Что найдётся там в случае раскопок, нельзя предвидеть, а уж что-то неожиданное будет. [...]

01.09.1934. Три

Закончил и подал, как обычно, с итогами достижений докладную. Оглядываясь на весь пройденный путь работ за 8 месяцев, ярко вырисовываются три главные, исторического значения, открытия: 1. Тайник Аристотеля; 2. Цистерна Солари; 3. Подземелье Ухтомского.

А если бы не «дьяки» Былинские да Нестеровы et tutti quanti [581], я бы не только эти, а ещё безмерно более интересные уложил бы в 3-4 месяца [582]. [...]

29.09.1934. Комиссия

Ф. И. Тюряков предложил мне представить список лиц для приглашения в комиссию по обсуждению результатов раскопок в Арсенальной башне. Это значит, что своим архитекторам нет доверия. Вообще в этом есть смысл. Другая черта - работы выходят из стадии глубоко тайных. Намечены к приглашению Щусев, Н. Д. Виноградов и гидролог из метро. Историкам тут делать нечего: всё, что открыто, абсолютная для них новость. [...]

03.10.1934. Волк - это Клейн

Мне приснилось не так давно. Иду перелеском. Сидят два знакомых охотника, от которых побежала собака. Я позвал её, а она - назад, глядь, это волк! Я хотел погладить её, вдруг ужаснула мысль, а как схватит? Волк как будто на минуту задумался. В это время между мной и волком протиснулась большая собака, злая на волка, даже шерсть дыбом... И проснулся! Ясно было необыкновенно. На утро была назначена комиссия для осмотра моих раскопок в Арсенальной башне. Мною приглашены Щусев и Виноградов Н. Д. Тюряков пригласил Клейна. [...]

Из протокола заседания комиссии по обсуждению дальнейших мероприятий в связи с открытиями в результате раскопок, ведённых в Арсенальной башне Кремля 03.10.1934

Заседание состоялось 03.10. в помещении Гражданского отдела УКМК, под председательством зам. коменданта Кремля Ф. И. Тюрякова. Присутствовали: А. В. Щусев, И. Я. Стеллецкий, Н. Д. Виноградов, В. К. Клейн, Н. М. Куксов, Т. Т. Салопов, Алёшин.

Заседание открыто в 12 часов дня заявлением председателя комиссии, что производимые в Арсенальной башне археологические раскопки уже находятся в данный момент в такой стадии, когда потребовалось создать специальную комиссию для обсуждения их результатов, так и дальнейших, в связи с этим, мероприятий.

---

[581] И прочее (лат.).

[582] Так в тексте.- Т. Б.

Ф. И. Тюряков

Работы ведёт И. Я. Стеллецкий. О них известно правительству. Целью исследований, между прочим, является открытие библиотеки Грозного. Изыскания ведутся в Арсенальной башне. В настоящее время подземелье башни расчищено до дна, причём целиком обкопан сруб колодца. В каменном полу подземелья оказалась вырезанной круглая цистерна 3,5 метра в диаметре. Вопрос стоит о том, что дальше делать? Удалить ли сруб из башни или же, как рекомендует Игнатий Яковлевич, оставить его на месте, лишь подвесив на тросах. Как нам быть с цистерной и вообще со всей произведённой работой: утилизировать ли сделанные открытия или подземелье вновь засыпать?

В. К. Клейн

Вопрос о библиотеке Грозного очень спорный. Её никто не видел. Иван Грозный не мог собрать тысячи книг. Если у него и были отдельные книги, то все они разошлись по библиотекам. С. А. Белокуров детально вопрос разработал и указал, что библиотека Грозного - это миф. Но, конечно, если начать вообще изучать подземную топографию Кремля, то могут быть неожиданные находки. Искать же библиотеку, как таковую, я лично считаю излишним.

И. Я. Стеллецкий

Прежде чем ответить на замечание Владимира Карловича, я прошу комиссию уделить мне несколько минут для заслушивания краткой истории подземелья, восстановленной на основании сделанных при раскопках находок, главным образом, монет.

Из истории известно, что строитель Наугольной Арсенальной (Собакиной) башни Пётр Антонио Солари построил её «на новом месте», т. е. как раз на том, где тогда ещё проявил себя мощный и даже, как ныне установлено анализом, минеральный по своим свойствам, родник, заключённый Солари в специальную круглую каменную цистерну.

Вполне логично представить, что Солари поставил башню «на новом месте» исключительно ради минерального источника. Последний образовал единственный в Кремле природный бассейн, способный поить весь Кремль в годину неприятельской осады. Дело в том, что из Тайницкой башни не было никакого сообщения с Москвой-рекой, а был лишь потайной тоннель под руслом реки в Замоскворечье.

Из упомянутого бассейна Арсенальной башни были проведены водотоки (летописные «водные течи») в кремлёвские княжеские терема и боярские хоромы. Трубы были проложены по специальному, в 3 метра шириной, так называемому «макарьевскому» подземному ходу вдоль кремлёвской, по направлению к Троицкой башне, стены, с загибом под Успенский собор, а оттуда под Тайницкую башню.

Место стыка этого подземного тоннеля с каменной лестницей,

ведущей к цистерне, было разрушено и исчезло под массивной белокаменной стеной Арсенала [...], начатого стройкой в 1702 г. Стена эта была мною пробита на 5 метров, причём обнаружены были ходы: влево - на потайную лестницу в стене, ведущую на первый ярус башни, и вправо - в упомянутый «макарьевский» тайник. Строители Арсенала немец Х. Конрад и датские архитекторы [583], предвидя затопление подземелья башни в результате закупорки его устоем Арсенала, в пункте, где тайник повернул круто, под прямым углом, к югу, заградили его слоем, мощностью свыше метра, глины, понижающимся вглубь хода и сходящим на нет.

Сверху слоя глины, где последний кончался, прямо на дно хода был плотно насыпан речной песок до самого потолка тайника. Не одна, видно, тысяча «коробов» песка пошла на это дело. За слоем песка, надо думать, тайник свободен для беспрепятственного движения вплоть до Тайницкой башни: никакими «столбами» Арсенала или иными фундаментами тайник уже не загорожен. Недаром по нему свободно от Тайницкой до Арсенальной прошёл в 1682 г. доверенный дьяк царевны Софьи Василий Макарьев, давший ходу своё имя. Оный дьяк увидел подземелье башни залитым водой вплоть до нижних ступеней кирпичной итальянской лестницы. По приказанию Софьи эта кирпичная лестница была засыпана слоем мусора в полметра толщиной до самой цистерны, а на слое мусора была устроена массивная деревянная лестница, остатки которой раскопаны и, частично, взяты в музей подземного Кремля.

Как предвидели строители Арсенала, уровень воды в закупоренном подземелье поднялся высоко, однако не настолько, чтобы перелиться за упомянутое глиняное заграждение. Это случилось уже позже, в результате мероприятий Анны Ивановны, когда мерой борьбы с непрерывным затоплением башни была признана за лучшее сплошная засыпка подземелья мусором. Взошедшая на русский престол с условием обратить Москву в свою резиденцию, Анна Ивановна сразу же принялась приводить Москву в порядок.

Вспомнили и о закупоренном подземелье Арсенальной Угловой башни. Пробили отверстие в своде последнего [...] и установили, что вода, стоявшая спокойно на одном уровне в течение 30 лет, размыла кладку стены башни вглубь почти на метр. Графу Миниху [584] в 1731 г. приказано было принять меры.

Миних выкачал воду (найдены остатки жёлоба) и забил родник и всю окружность подземелья плотным слоем глины с землёй в 1 метр толщиной. Спустя несколько лет («деньга» 1734 г.) обнаружили, что вода, несмотря на плотную засыпку, снова залила подземелье. Тогда последнее засыпали строительным щебнем по всему кругу, до самых рёбер

---

[583]Строителями Арсенала были Д. Иванов, К. Корнатович, М. И. Чоглоков, Д. В. Ухтомский и др.

[584]Миних Иоганн Эрнст (1707-1788) - граф, дипломат. В начале 1740-х гг. был обергофмаршалом двора.

подмытых стен, т. е. на 2,5 метра от уровня цистерны. Пожар Арсенала в 1737 г. снова заставил заглянуть сюда и убедиться, что вода над засыпкой 1734 г. поднялась ещё на 2 метра, оставив следы в виде выкрошенных рёбер лестничной арки. Борьба с водой в таком роде продолжалась и во все последующие царствования; Елизаветы (монеты за 9 лет), Екатерины (9 лет), Павла I (за все годы царствования), Александра I (за 3 года - 1812, 1817, 1821), при котором постройка Арсенала была, наконец, закончена.

Тем не менее, несмотря на упорную, свыше столетия, борьбу с мощным минеральным родником, все попытки амортизации его закончились неудачей.

Действительно, при начале моих здесь работ в конце 1933 г. подножие белокаменной, на растворе, заградившей доступ в «макарьевский» тайник, стены Арсенала омывала вода, уровень которой приходился значительно выше уровня верхней площадки итальянской лестницы, некогда ведшей к цистерне.

Однако бывали случаи, когда вода поднималась и того выше, просачиваясь даже сквозь белокаменную стену (при ломке попадался раствор в виде жидкости) над упомянутым глиняным заграждением и заливая фундамент Арсенала с тем большей лёгкостью, что находила за ним сперва засыпанный песком, а потом, по-видимому, и совсем пустой подземный ход. Понятно отсюда, почему у подножия Средней Арсенальной, а также между Угловой Арсенальной и Никольской башнями при бурении артезианского колодца была встречена проникшая сквозь стену затхлая вода в культурном слое,- подлинная причина пока 9 обнаруженных трещин в стенах Арсенала, образовавшихся в результате оседания фундамента его, вызванного, как считали, наполеоновским взрывом 1812 г. [...1

А что печатные книги и даже греческие манускрипты дошли до нас в полной сохранности, за это ручается сухой мячковский известняк, который присутствующий здесь Алексей Викторович Щусев признал на упомянутом диспуте почти не поддающимся отрицательному действию времени. Таким он и оказался, судя по нынешним раскопкам, в действительности. Кроме того, кремлёвский холм сам по себе достаточно высок, чтобы подземные сооружения в нём даже на значительной глубине оказались гарантированными от подпочвенных вод. Наличие же затхлой воды в культурном слое, на глубине всего 3 метров, обнаруженное, как отмечено, артезианским колодцем у стены Арсенала, представляет случайность, аномалию, обусловленную порчей системы «водных течей» (водоотводов) цистерны Солари.

А. В. Щусев

В вопросе о библиотеке Грозного главную роль, конечно, играет греческая библиотека Софьи Палеолог. О ней историкам известно, что она действительно привезена Софией в Москву и где-то спрятана в Кремле

так, что до сих пор не найдена. Отсюда можно заключить, что библиотека действительно скрыта в недрах Кремля. Искать её, конечно, следует, тем более, что попутно может быть открыто многое. Продолжать работы вообще следует, как следует расчистить уже открытый ход.

Архитектурных памятников XV в. сохранилось крайне мало, и потому реставрацию подземелий данной башни можно только всячески приветствовать. Будучи надлежаще реставрированной, она представит строго законченный и единственный в своём роде архитектурный памятник, который с успехом можно демонстрировать на месте нашим молодым инженерам и архитекторам, проходящим курс в институтах.

Н. Д. Виноградов

Я не буду касаться вопроса о библиотеке Грозного, а отмечу лишь, что необходимо озаботиться устройством водоотводов из новооткрытой цистерны. Кроме того, меня интересует наличие воды под Средней Арсенальной башней. Это явление делает правдоподобной предложенную версию о происхождении трещин в стенах Арсенала. На какой глубине там встречена вода?

И. Я. Стеллецкий

На глубине 6 метров, примерно на метр ниже дна Арсенального подвала «о 12 столбах», засыпка которого начата, судя по найденной при его расчистке медной монете, при Петре I, а закончена князем Ухтомским в 1754 г. Отдушина в виде арочного отверстия выводила из подвала Ухтомского на лестницу в Средней Арсенальной башне, а окно с белокаменной аркой, через которое человек, согнувшись, мог бы пролезть, было обнаружено недавно, при прокладке водопроводной трубы в трёхметровом фундаменте Арсенала, ниже поверхности двора последнего.

Окно устроено как раз между двух кирпичных фундаментов стен тех амбаров, которые здесь в количестве 18 стояли при Алексее Михайловиче и были снесены «до подошвы» по приказу Петра I.

Любопытно, что окно даёт уклон внутрь. Внутри вместо лестницы несколько выступов, а потом отвес. Это говорит о том, что здесь имеем не дверь, а именно окно, для подачи в подвал разных военных и иных припасов. Не исключена возможность, что многое из числа последних будет найдено при расчистке подвала Ухтомского до дна. Этот подвал Ухтомского тянется, по всей видимости, начиная от Средней Арсенальной башни до самого конца Арсенала у Троицкой башни, образуя, таким образом, резервную потайную площадь, примерно 500 квадратных метров минимально.

Г. Г. Салопов

(Говорит о природе воды в цистерне Солари и утверждает, что напорные воды покоятся значительно ниже дна цистерны. [...] Товарищ

Салопов предлагает при решении вопроса об уровне воды в цистерне:

1. Метод механической откачки воды с установлением прибора постоянного действия.

2. Метод водопонижения в виде устройства дренажной канавы в обшую сеть московской канализации.

3. Произвести опыт полного уничтожения цистерны, как таковой, спустив из неё воду посредством водоспускной скважины. [...]).

Когда будет сделан выбор, можно будет приступить к составлению рабочего проекта, для чего потребуется пробурить одну разведочную скважину в самой цистерне, другую в районе башни. [...]

Кроме того, необходимо иметь абсолютные отметки дна цистерны, уровня воды на дне башни на данное число, отметку линий размытой кладки башни и отметки заложения городской канализации у Александровского сада.

В заключение комиссия in corpare [585] осмотрела место раскопок в Наугольной Арсенальной башне: кирпичный круг цистерны в дне башни, кирпичную лестницу, ведущую от цистерны в «макарьевский» подземный ход, и остатки деревянной лестницы времени правительницы Софии.

ПОСТАНОВЛЕНО

1. *Расчистить цистерну до её исторического дна.*
2. *Устроить водоотвод в виде дренажной канавы в общую сеть московской канализации.*
3. *Реставрировать цистерну, пол и подмытые стены башни.*
4. *Восстановить кирпичную лестницу к цистерне в её первоначальном виде.*
5. *Продолжить расчистку от песка новооткрытого хода [586].*

13.10.1934. Рыков

В 1928 г. в Кремле разрушали церковь «Спас за золотой решёткой». Было найдено до 28 погребений в каменных гробницах. Рабочие и военные, ругаясь, били, рубили, ломали и будто с наслаждением выкидывали драгоценные памятники русской народной старины, которые им попадались. Не было ни одной души, которая бы их остановила, объяснила, применила действия. Работы производились под наблюдением Д. П. Сухова, который не только ничего не делал из того, что должен был, как один из основателей «Старой Москвы», но и очень редко заглядывал туда (по словам очевидца А. А. Хлебникова).

По поводу этого А. И. Рыков выразился, что вот вы, мол, стараетесь сберечь памятники, которым 100-200 лет, а разрушаете древние, а лет через 200 нас будут ругать, зачем мы их разрушили вместо того, чтобы

[585]В совокупности (лат.).
[586]ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 2. Д. 2. Л. 33-37.

сберечь. Когда начинали снимать с Ивана Великого [587] колокола (и уже один из трёх сняли), Рыков принял меры, чтоб злое намерение было отклонено. И теперь ещё можно видеть два колокола вместо трёх. [...]

16.10.1934. Победа, пока что...

Прихожу утром в башню, а там целых 8 работников вместо обычных 4 и с ними - постоянный новый десятник (Кремля!). Плотники строят новые ступени, каменщики будут реставрировать стены и основания кирпичных ступеней. Что сие значит? Ясно, к Сталину попал наконец мой протокол, и он отреагировал.

Осмотрел место возле Тайницкой башни (за стенами Кремля). Роют ров для водостока глубиной до 1,5 метра. Грунт - кирпичный груз. Валяются остатки старых металлических труб. От колодца же Фиораванти ни малейшего следа. Тем лучше, я уже было испугался: не его ли копают? Нет, не понимают, какое большое научное сокровище кроется тут близко под землёй...

20.10.1934. «На раздутых парусах»

Виделся с Ф. И. (Тюряковым) относительно монтёра по поводу неудовлетворительного положения в башне. Я доказал, что благодаря усилению рабочей силы я думаю довести дело до конца, а потом уже ехать в отпуск, хотя бы и зимой. Оказывается, что он до сих пор о моём отпуске с комендантом не говорил... Вдруг сам спросил о каменщиках. «Ни каменщиков,- говорю,- ни кирпича, ни цемента...» Он, раздражённый, тут же служебную записку Куксову с выговором, употребив слово «безобразие». Мало того, введено в план, чтобы с 24.10. вывезти из ограды весь груз... Это значит, ударило сверху на мою только научную волну.

03.11.1934. «Перемена декораций»

Сейчас уже 03.11., а вышло распоряжение от коменданта до праздников вывезти всю землю из ограды и замуровать башню. Успеют ли?

Не думаю, чтобы была «ликвидация». Вероятно, после праздников должно быть продолжение.

04.11.1934. Замурована...

Арсенальная башня так же внезапно, как библиотека Грозного! Беспрестанно мажут 10 каменщиков, замуровывают арку из середины. С ними Суриков. Что это? Неужели «ныне отпущаеши»? А впрочем - всегда готов! Пусть так! Зато башня в кармане. Я всю её узнал, все тайны понял. Например, что это за «ползучие ходы»? Это амбразуры [588] нижней

---

[587]Колокольня Ивана Великого (1505-1508) - высота 81 м, зодчий Бон Фрязин.

[588]Амбразура - отверстие в стене оборонительных сооружений для ведения огня из орудийного и стрелкового оружия.

стороны, выходящей на левый берег Неглинки. Они должны были обстреливать оба, главным образом, правый берег реки на довольно большую дистанцию. В то время берег от фундамента башни круто спадал к воде, оставив наверху железные двери в башню (которые я отворил).

На случай, если бы враг их разбил и ворвался бы в башню, он нашёл бы перед собой пропасть и водохранилище неизвестной глубины. Открывши, я удивлялся, как крепко была сооружена эта дверь, т. к. было непонятно. Сейчас всё как на ладони...

Одна только загадка осталась загадкой - как древние отводили воду из цистерны, как они умели держать её на одном уровне. Разгадка опять-таки на дне цистерны. Надеюсь, что разгадаю и эту. [...]

13.11.1934. «Ныне отпущаеши...»

13 ноября - это дата! Конец кремлёвской авантюры. Кругленький годик. Что бы я сделал за тот короткий срок, если бы не «исполнители, глухие супостаты»? Я бы эту работу выполнил в 4 месяца. А что бы ещё сделал за 8 месяцев темпов по моему вкусу? Как жук-точильщик избороздил бы Кремль и уж конечно бы нашёл «затерянный клад России».

Но пусть я не нашёл! Не дали найти! Зато я указал верную дорогу к нему. Я ли, другой ли - не всё ли равно; лишь бы нашли! Моё - мой приоритет - неотъемлем от меня. А башня Арсенальная, превращённая мною в ключ к библиотеке, отныне «башня Стеллецкого». [...]

25.02.1935. УКМК

Гражданский отдел. Главному инженеру В. Е. Палибину. «Прошу Вас выяснить, будут ли иметь продолжение археологические работы в Кремле под моим руководством. В противном случае прошу о распоряжении оформить их прекращение. Профессор Стеллецкий». [...] С утра у Палибина на дому. Подал отношение, как базу для мероприятий.

Моё предсказание, что вода затопит Кремль, оправдалось. Я предупреждал об этом Тюрякова перед отъездом на курорт и просто приказывал Сурикову немедленно принять меры для этого. Оказывается, Сурикова давно прогнали, а о башне забыли. Ну и вода до самого тоннеля. Случайно об этом узнали. Принимают меры - пробить стену и спустить её (воду) в канализационную сеть. [...]

06.03.1935. La reaction [589]

Гражданский отдел пять дней тому назад до конца ликвидирован. Остались только Палибин, Травин и Умнов, чтобы подмести остатки. [...]

07.03.1935. Каин и Авель

Подал Авелю (Енукидзе) записку о делах подземного Кремля (через Троицкую будку). Думаю, такое чувство, что ответ будет. Кандидатов на

[589]Обратное действие (франц.).

Каина двое [590]. Увидим... [...]

16.03.1935. Ребром

«Согласно выработанному мною плану,- пишу Петерсону с Тюряковым,- я начал работать в Арсенальной башне, заранее зная о существовании подземного хода под Кремль. Фактическое открытие подземного хода служило краеугольным камнем всего предприятия. Моё предположение оправдалось, ход был открыт. Оставалось только заняться его расчисткой, неуклонно продвигаясь вперёд, к намеченной цели. Но здесь мне было указано заняться расчисткой одной только названной башни, что не входило в мои планы как момент неотложный. Работы по расчистке башни сверх ожидания потребовали много времени и, в результате, моего отпуска для лечения. Ныне я чувствую себя вполне окрепшим для трудной работы и предлагаю продолжить работу основную - расчистку новооткрытого тоннеля. Жду Ваших указаний по организации работ. И. Стеллецкий». [...]

Справился в личном столе: «с 14 января», без мотивации. А когда был в Сочи - «с 3 декабря» [591]. [...]

Я совершенно надломлен в момент и для меня очевидно, что борьба за идею перешла с научной и общественной почвы на самую страшную - «придворную». Ну что же! От идеи, которой прослужил 25 лет, всё равно не откажусь ради сладкой жизни, из-за каких-нибудь выигранных, возможно, нескольких лет жизни. [592].

Приложение

Тайницкая башня в 1827 г.

Ворота Тайницкие названы так оттого, что служили прежде во время осад города тайным выходом на Москву-реку за водою или для вылазок, в выдававшейся креке части башни, образующей правильный квадрат, виден доныне глубокий, обширный колодец, совершенно засорённый и почти заросший; должно думать, что сей колодец снабжал город во время осад водою; близость его к Москве-реке подтверждает догадку сию.

Впрочем, в народе сохраняется предание, будто бы сия яма была не что иное, как тайный подземный ход за Москву-реку. Нелепость басни сей очевидна: для подобного схода надлежало бы тут быть лестнице или в которую-нибудь сторону отлогости, но ни того, ни другого здесь не приметно.

Москва, или исторический путеводитель по

[590]Возможно, речь идёт о Сталине и Енукидзе.
[591]Во время отпуска Стеллецкому пришло извещение из Гражданского отдела УКМК о том, что он уволен с 3 декабря 1934 г.
[592]ЦГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 3. Д. 64, Л. 36-89.

знаменитой столице государства Российского, 1827, ч. II, с. 3.

Тайницкая башня по Ивану Снегирёву

Пётр Солари в 1491 г. воздвигнул Флоровские (Спасские.- Примечание автора.) ворота, в 1485 г. Антоний Фрязин у Чушковых ворот (Тайницкая башня.- Примечание автора.) стрельницу, под коей выведен был тайник, т. е. подземный ход на Москву-реку, а в 1488 г. заложил стрельницу вверх по Москве, где стояла Свибловская, а под нею вывел тайник.

Снегирёв И. М. Памятники московской древности. 1842, с. X I X.

Тайницкая башня по М. П. Фабрициусу

Перед нами один из памятников глубокой старины, одна из старейших башен - башня Тайницкая, с воротами под ней, открытыми только для пешеходов. Построена она итальянским зодчим Антонием и впоследствии несколько раз реставрировалась.

Название своё получила, по всему вероятно, от того, что в ней находился потайной, скрытый колодец, и нет серьёзного основания придавать значение молве, приписывающей это название существовавшему, будто бы, здесь потайному ходу из Кремля.

Колодец, о котором я говорю, есть и теперь; конечно, он потерял своё значение, а между тем в былые времена, при осадах Кремля, он должен был играть чрезвычайно важную роль, снабжая осаждённых водою, которой нет (sic!) более во всём высокостоящем Кремле.

Вот чем может быть объяснено главное значение башни, заложенной прежде всех других.

Фабрициус М. П. Кремль в Москве. М., 1883, с. 215.

Тайницкая башня по Н. А. Скворцову

Прибывшие по приглашению Ивана III в Москву итальянские инженеры Антоний и Марк Руффо начали постройку кремлёвских укреплений с Тайницкой башни. Новая стрельница здесь заложена 29 мая (по другим сведениям, 19 июля) 1485 г., под нею устроен тайник, т. е. тайный родник для добывания воды во время осады.

Вероятно, прежние осады показали полную невозможность пробираться к реке за водою через ворота, а новые строители нашли иной, совершенно безопасный способ добывания её.

Стрельница и ворота от устроенного под ними тайника получили название Тайницких.

Скворцов Н.А. Археология и топография Москвы.М,, 1913, с. 92.

Арсенальная (Собакина) башня по И. Снегирёву

Над Неглинною в 1492 г. сооружена неизвестными зодчими башня с Неглинненскими воротами («Софийский Временник», № 3, с. 203).

«По велению великого князя Ивана Ш Васильевича Пётр Фрязин,- как замечает Крекшина летопись,- построил две отводные стрельницы, или тайники, и многие палаты и пути к оным с перемычками и под землёю, на основаниях каменных водные течи, аки реки, текущие через весь Кремль-град осадного ради сидения».

В таком-то тайнике князь Прозоровский показал Петру I, когда царь, после Полтавской битвы, нуждался в деньгах, старинную серебряную посуду и монеты.

Снегирёв И.М. Памятники московской древности, М., 1842. С. XX.

Арсенальная (Собакина) башня по М. Н. Фабрициусу

Третья Круглая Угловая Арсенальная башня заканчивает собою северо-восточную часть Кремлёвской ограды.

Башня эта замечательна потому, что в ней помешались резервуары с водой старых московских водопроводов, о чём свидетельствуют сохранившиеся чертежи и планы. Теперь эта башня ничем не занята и мало чем обращает на себя внимание. Известно только, что из этой башни шла в толще стены лестница, в настоящее время уничтоженная. У башни справа примыкает старинная полуразрушенная чугунная решётка с золочёными украшениями... с фонтанами перед входом в ворота (Александровского) сада.

Фабрициус М. П. Кремль в Москве. М., 1883, с. 221.

Арсенал по И. Снегирёву

Между Троицкими и Никольскими воротами, там, где в XVII в. было сборное место стрельцов, дворы князя Лыкова и других бояр, теперь стоит величественный Арсенал, или, как прежде его называли - Артиллерийский Цейхаузный, Оружейный дом. Здание было начато строением по образцу Венецианского Арсенала с 1701 г. саксонцем Иоанном Конрадом.

После пожара 1737 г. возобновлён в 1754 г. под надзором архитектора князя Ухтомского. Под сводами Цейхауза находился погреб на 12 столбах, а в палатах потолки опирались на своды... Здание долго

оставалось опустелым и только в царствование Александра I совершенно приведено к окончанию.

Снегирёв И. М. Памятники московской древности. М., 1842, с.314.

Арсенал по А. Вельтману

Арсенал, или Цейхауз, заложен Петром Великим в 1702 г, на пространстве, занимаемом в старину стрелецким Лыкова двором, подворьем Рождественского Владимирского монастыря, церковью Вход в Иерусалим, двором Ф. И. Шереметьева (в 1626 г.) и двором князя И. Голицина (1626 г.). В 1812 г. большая половина со стороны Никольских ворот подорвана французами; Никольская башня также была взорвана. Закончена постройка при Николае 1. Устройство и расположение необъятного количества амуниции (на 200000 воинов) не имеют себе подобных.

Вельтман А. Ф. Достопримечательности Московского Кремля. М., 1843, с. 72.